ISSN 2541-9250

НАУКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ©

международный научный журнал

16+

116
ноябрь
2026
Часть 1

16+

НАУКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№116 (НОЯБРЬ)
2026

ISSN 2541-9250

НАУКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ

Международный научный журнал

Ежемесячное научное издание

№11 (116) 2026

Часть I

Журнал входит в систему НЭБ (Научная электронная библиотека) на платформе eLIBRARY.RU

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей

За достоверность и полноту сведений, изложенных в публикациях, а также за точность информации по цитируемой литературе, ответственность несут авторы статей

Публикуемые статьи рецензируются

Работы публикуются в авторской редакции

При перепечатке ссылка на журнал обязательна

Тип лицензии CC, поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

E-mail: nau-pri@naupri.ru

Адрес страницы в сети Интернет: www.naupri.ru

© Авторы статей, 2026

© Редакция научного журнала «Наука через призму времени», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ХИМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИННОВАЦИОННЫЕ ПЕНОГЕЛЕОБРАЗУЮЩИЕ РЕЦЕПТУРЫ С ЦВЕТОВОЙ СМАРТ-ИНДИКАЦИЕЙ ДЛЯ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ХИМИЧЕСКИ ОПАСНЫХ ВЕЩЕСТВ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ
Хыдыров Максат Амангелдиевич ***5***

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

АНАЛИЗ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ И ИНЖЕНЕРНО-КОНСТРУКТИВНЫХ ФАКТОРОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЭВАКУАЦИИ В ЗДАНИЯХ С МАССОВЫМ ПРЕБЫВАНИЕМ ЛЮДЕЙ
Алловов Довлетяр Чарыгулыевич ***7***

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ РЕЗЕРВАМИ КАК ЭЛЕМЕНТ ФИНАНСОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА
Ерополова Виктория Игоревна ***10***

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ: ДМИТРИЙ КУЗНЕЦОВ (ХАСКИ) КАК ПРИМЕР ПРОВОКАЦИОННОГО ПРОДВИЖЕНИЯ
Левицкая Ксения Геннадьевна ***16***

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УЧАСТИЕ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ЛИЦ (ОРГАНОВ ОПЕКИ, ПРОКУРАТУРЫ) В ДЕЛАХ О ПРИЗНАНИИ БЕЗВЕСТНО ОТСУТСТВУЮЩИМ И ОБЪЯВЛЕНИИ УМЕРШИМ
Важова Алиса Артёмовна ***21***

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
Венин Владислав Витальевич ***26***

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕФИЦИТА БЮДЖЕТА И ИСТОЧНИКОВ ЕГО ФИНАНСИРОВАНИЯ
Венина Наиля Тохировна ***31***

ИНСТИТУТ ВИНЫ В СИСТЕМЕ СОСТАВОВ НАЛОГОВЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ
Венина Наиля Тохировна ***35***

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ
Волынкина Мария Евгеньевна ***40***

ИНДЕКСАЦИЯ АРЕНДНОЙ ПЛАТЫ В ДОГОВОРЕ АРЕНДЫ НЕЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ: БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ СТОРОН
Гордеева Анна Олеговна ***43***

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО: ОТ ТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТА К ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВА
Каширская Юлия Олеговна ***46***

ТУРИСТИЧЕСКИЙ НАЛОГ: ПЕРЕХОД ОТ КУРОРТНОГО СБОРА И ВЫЗОВЫ ДЛЯ БИЗНЕСА
Каширская Юлия Олеговна ***49***

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БЛОКИРОВКИ СЧЕТОВ ПО 115-ФЗ ПОСЛЕ ИЗМЕНЕНИЙ 2026 ГОДА: БАЛАНС ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ
Ляликова Анастасия Сергеевна ***52***

ПРОБЛЕМАТИКА ДОКАЗЫВАНИЯ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЁЙ 137 УК РФ
Меньщиков Михаил Евгеньевич ***56***

ПРАВОВЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА
Новикова Полина Алексеевна ***59***

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТ В ЦЕЛЯХ ОБХОДА САНКЦИЙ: ПРЕДЕЛЫ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ
Портнов Дмитрий Владимирович ***61***

ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ЛИЦАМ, ПОНЕСШИМ УЩЕРБ В РЕЗУЛЬТАТЕ СМЕРТИ КОРМИЛЬЦА
Поткина Алёна Николаевна ***67***

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВА ГРАЖДАН, ПРОЖИВАЮЩИХ В МЕГАПОЛИСЕ: ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ ЭТИХ ПРАВ
Прянишникова Анастасия Евгеньевна ***71***

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ ДЛЯ МОНИТОРИНГА СОСТОЯНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ
Родина Анастасия Васильевна ***76***

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ТРАНСГРАНИЧНЫХ РАСЧЕТОВ В ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТАХ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ
Родина Анастасия Васильевна ***80***

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ОПЕРАЦИЙ С ЦИФРОВЫМИ АКТИВАМИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ
Родина Анастасия Васильевна ***85***

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ И ГЛАВНОГО БУХГАЛТЕРА ПРИ НАРУШЕНИЯХ, ВЫЯВЛЕННЫХ В ХОДЕ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ
Конева Анастасия Валерьевна ***91***

ИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТИ ПО УПЛАТЕ НАЛОГА ТРЕТЬИМИ ЛИЦАМИ: РИСКИ И ЗАЩИТА ОТ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ
Конева Анастасия Валерьевна ***95***

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЛИКВИДАЦИИ НАКОПЛЕННОГО ВРЕДА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ
Садриев Эльмир Равилевич ***100***

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ ДИСТАНЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ ЗЕМЛИ (ДЗЗ) В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ЭКОЛОГИЧЕСКИМ СПОРАМ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
Садчик Карина Алексеевна ***106***

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ «УГЛЕРОДНОГО СЛЕДА» ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ДАТА-ЦЕНТРОВ
Спиридонов Никита Евгеньевич ***110***

ОБЪЕКТЫ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ
Суханбердиева Огулджерен ***115***

ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ И ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ: ПРАВОВЫЕ КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ
Усова Карина Сергеевна ***118***

НОВЫЕ ПРАВИЛА УПЛАТЫ НДС ДЛЯ БИЗНЕСА НА УСН: ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И РИСКИ
Усова Карина Сергеевна ***121***

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЙ КОНТРОЛЬ РАСХОДОВ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ (АИС "НАЛОГ-3"): БАЛАНС ФИСКАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ЗАЩИТЫ ЧАСТНЫХ ПРАВ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ
Чернявская Мария Юрьевна ***124***

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТОВ ВАЛЮТНОГО КОНТРОЛЯ И ФИНАНСОВОГО МОНИТОРИНГА В РФ: ЦИФРОВЫЕ МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ СКРЫТЫХ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ПОТОКОВ КАПИТАЛА
Чернявская Мария Юрьевна ***130***

ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРИ СБРОСАХ НЕОЧИЩЕННЫХ СТОЧНЫХ ВОД В РОССИИ
Юнусова Дарья Владимировна ***136***

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УЧЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЙ ЛЮДСКИХ ПОТОКОВ ПРИ ЭВАКУАЦИИ ИЗ МНОГОЭТАЖНЫХ ЗДАНИЙ
Алловов Довлетяр Чарыгулыевич ***139***

СПОРТ КАК СРЕДСТВО ВЫРАБОТКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СТУДЕНТОВ
Гришина Ксения Дмитриевна ***141***

ХИМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 544.47: 614.83/.87: 66.097

ИННОВАЦИОННЫЕ ПЕНОГЕЛЕОБРАЗУЮЩИЕ РЕЦЕПТУРЫ С ЦВЕТОВОЙ СМАРТ-ИНДИКАЦИЕЙ ДЛЯ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ХИМИЧЕСКИ ОПАСНЫХ ВЕЩЕСТВ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ

Хыдыров Максат Амангелдиевич
преподаватель
факультет гражданской обороны
Туркменский государственный архитектурно-строительный институт,
Туркменистан, г. Ашгабат

Аннотация. В статье рассматривается проблема повышения эффективности инженерно-химической защиты населения и территорий при авариях на химически опасных объектах. Предложена инновационная дегазирующая рецептура на основе биоразлагаемого пеногеля с добавлением хромогенных индикаторов для visual-control реагирования. Методами спектрофотометрии и кинетического анализа доказано, что гелеобразующая матрица связывает паровую фазу токсикантов, снижая испарение АХОВ на 80–85%. Практическая значимость заключается в снижении вторичной токсической нагрузки на экологию и упрощении контроля полноты дегазации в условиях чрезвычайных ситуаций.

Ключевые слова: химическая безопасность, гражданская оборона, дегазация, смарт-индикация, биоразлагаемые пеногели, аварийно химически опасные вещества.

INNOVATIVE FOAM-GEL FORMULATIONS WITH COLOR SMART INDICATION FOR NEUTRALIZATION OF HAZARDOUS CHEMICALS IN CIVIL DEFENSE SYSTEM

Hydyrov Maksat Amangeldiyevich
Turkmen State Architecture and Construction Institute
Turkmenistan, Ashgabat

Abstract. The article deals with the problem of improving the efficiency of engineering and chemical protection of the population and territories in accidents at hazardous chemical facilities. An innovative degassing formulation based on a biodegradable foam gel with chromogenic indicators for visual-control response is proposed. By spectrophotometry and kinetic analysis, it is proved that the gel-forming matrix binds the vapor phase of toxicants, reducing the evaporation of hazardous chemicals by 80–85%. The practical significance lies in reducing the secondary toxic load on the environment and simplifying the control of degassing completeness under emergency conditions.

Keywords: chemical safety, civil defense, degassing, smart indication, biodegradable foam gels, hazardous chemical substances.

Введение

Ликвидация последствий аварий на химически опасных объектах (ХОО) в системе гражданской обороны (ГО) требует не только высокой скорости нейтрализации токсикантов, но и предотвращения распространения парогазовой фазы аварийно химически опасных веществ (АХОВ) [1, 3]. Традиционные смывные рецептуры на основе агрессивных щелочей и хлорсодержащих соединений обладают существенными недостатками: высокой коррозионной активностью, экологической токсичностью образующихся стоков и отсутствием оперативного контроля завершенности реакции нейтрализации [5]. В связи с этим актуальным направлением химических наук является разработка «умных» (smart) дегазирующих материалов, сочетающих высокие экранирующие свойства, экологичность и функцию визуального экспресс-контроля [4].

Материалы и методы

В качестве объекта исследования выступали многокомпонентные пеногелевые рецептуры на основе биоразлагаемых алкилполигликозидов (растительных ПАВ), натрий-карбоксиметилцеллюлозы (гелеобразователя) и перкарбоната натрия в качестве пероксидного окислителя [2]. Для реализации функции смарт-индикации в структуру матрицы вводились водорастворимые pH-чувствительные и редокс-индикаторы (в частности, фенантролиновые и азокомплексы). Оценка кинетики нейтрализации АХОВ (моделировались выбросы аммиака и хлора) проводилась методами фотоколориметрии и масс-спектрометрии выходящих газов.

Результаты исследования

Сформированная пеногелевая матрица благодаря высокой вязкости и низкому поверхностному натяжению образует на поверхности пролитого АХОВ устойчивый пленочный барьер. Это обеспечивает двойной эффект:

1. **Физическая изоляция:** плотность и гелеобразная структура снижают скорость испарения легколетучих ядов (аммиак, хлор) с поверхности пролива на 80–85% в первые 3 минуты после нанесения.
2. **Химическая нейтрализация и смарт-контроль:** за счет введения окислительно-восстановительной системы нейтрализация токсиканта происходит непосредственно в жидкой фазе пеногеля. Добавление хромогенных комплексов обеспечивает четкое изменение цвета пены (например, переход из малинового в ярко-голубой) точно в момент достижения безопасной концентрации яда (pH ≈ 7.0 или завершение реакции окисления).

Это исключает необходимость входа личного состава подразделений ГО в эпицентр заражения с портативными приборами газовой разведки для замера остаточных концентраций [6]. После завершения реакции пеногель подвергается естественному биораспаду в течение 48 часов до безвредных карбонатов и органических кислот [4].

Заключение

Разработка и применение пеногелевых рецептур с функцией смарт-индикации представляет собой качественно новый подход в области инженерно-химической защиты ГО. Данная технология позволяет скомбинировать физическое локализующее экранирование, глубокую химическую нейтрализацию и визуальный контроль безопасности без нанесения ущерба окружающей среде [1, 5].

Список литературы:

1. СП 165.1325800.2014. Инженерно-технические мероприятия по гражданской обороне. Актуализированная редакция СНиП 2.01.51-90 : утв. приказом Минстроя России от 12.11.2014 № 705/пр : дата введения 2014-12-01. – Москва : Минстрой России, 2014. – Текст : непосредственный.
2. ГОСТ Р 22.8.05-99. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Аварийно-спасательные работы при ликвидации последствий аварий на химически опасных объектах. Общие требования : дата введения 2000-01-01. – Москва : ИПК Издательство стандартов, 2000. – Текст : непосредственный.
3. Булатов А.И. Физико-химические основы дегазации и нейтрализации токсичных выбросов / А.И. Булатов, М. С. Макаров. – Москва : Химия, 2018. – 242 с. – Текст : непосредственный.

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 614.84:69

АНАЛИЗ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ И ИНЖЕНЕРНО-КОНСТРУКТИВНЫХ ФАКТОРОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЭВАКУАЦИИ В ЗДАНИЯХ С МАССОВЫМ ПРЕБЫВАНИЕМ ЛЮДЕЙ

Алловов Довлетяр Чарыгулыевич
преподаватель
факультет гражданской обороны
Туркменский государственный архитектурно-строительный институт,
Туркменистан, г. Ашгабат

Аннотация. В статье рассматривается текущее состояние нормативно-правовой базы в сфере пожарной и техногенной безопасности зданий с массовым пребыванием людей. Целью исследования является выявление несоответствий между детерминированными нормативными расчетами и реальной динамикой людских потоков. В работе решены задачи по анализу влияния ключевых инженерно-конструктивных элементов (дверных проемов, коридоров и лестничных маршей) на пропускную способность путей эвакуации [1, 2, 4]. Результаты исследования могут быть использованы при проектировании общественных зданий и совершенствовании методических подходов к оценке пожарных рисков.
Ключевые слова: эвакуация, строительные нормы, людские потоки, пропускная способность, инженерно-конструктивные особенности.

ANALYSIS OF REGULATORY FRAMEWORKS AND STRUCTURAL ENGINEERING FACTORS ENSURING EVACUATION SAFETY IN CROWD-SENSITIVE BUILDINGS

Alovov Dovletyar Ch.
Turkmen State Architecture and Construction Institute
Turkmenistan, Ashgabat

Abstract. The article examines the current state of the regulatory framework in the field of fire and technological safety of crowd-sensitive buildings. The aim of the study is to identify discrepancies between deterministic standard calculations and the actual dynamics of pedestrian flows. The paper analyzes the impact of key structural engineering elements (doorways, corridors, and staircases) on the throughput capacity of evacuation routes [1, 2, 4]. The results can be used in public building design and in improving methodological approaches to fire risk assessment.
Keywords: evacuation, building codes, pedestrian flows, throughput capacity, structural engineering features.

1. Введение

Интенсивная урбанизация и рост вместимости общественных зданий требуют постоянного совершенствования систем безопасности. В условиях чрезвычайных ситуаций критическим фактором является своевременная эвакуация, регламентируемая действующими нормативными документами [1, 3].

Несмотря на наличие строгих строительных норм и правил, практика показывает, что реальное поведение людских потоков часто отклоняется от расчетных моделей, заложенных в проектную документацию. Целью данного исследования является комплексный анализ действующих нормативных требований и выявление степени влияния инженерно-конструктивных особенностей зданий на пропускную способность эвакуационных путей.

2. Текущее состояние проблемы эвакуации и анализ строительных норм безопасности

Современная система технического регулирования базируется на сводах правил и технических регламентах пожарной безопасности [1].

Основной задачей нормативных документов является расчет времени эвакуации ($t_{эв}$), однако классические детерминированные методики расчета имеют ряд концептуальных ограничений [2, с. 45]. Как отмечается в исследованиях, нормативы часто оперируют усредненными параметрами скорости движения, не учитывая реальное сопротивление архитектурных элементов и вероятностный характер поведения толпы [3].

Усредненные коэффициенты: Нормативы оперируют усредненными параметрами скорости движения людского потока в зависимости от плотности (D), не учитывая индивидуальные психофизиологические особенности конкретной группы людей (возраст, физическое состояние, наличие багажа).

Статичность моделей: Традиционные расчеты редко учитывают динамическое изменение геометрии путей эвакуации из-за локальных препятствий, обрушений или несанкционированного сужения проходов мебелью и торговым оборудованием.

Игнорирование синергетических эффектов: Взаимное влияние пересекающихся потоков с разных этажей или из смежных зон в действующих нормах часто оценивается упрощенно, без учета формирования локальных заторов (квазистабильных пробок).

Таким образом, актуальной задачей является модернизация нормативной базы на основе эмпирических данных и имитационного математического моделирования.

3. Влияние инженерно-конструктивных особенностей зданий на людской поток

Процесс эвакуации представляет собой движение многоуровневого структурированного потока через систему последовательных инженерных узлов. Каждый архитектурный элемент вносит свой вклад в сопротивление движению.

3.1. Дверные проемы и тамбуры

Процесс эвакуации представляет собой движение потока через систему последовательных инженерных узлов, конфигурация которых описана в строительных стандартах [1].

Дверные проемы: Выступают зонами концентрации потока, где из-за давления массы людей возникает критический эффект «бутылочного горлышка» [4, с. 112].

Коридоры и галереи: Протяженные коридоры и сужения формируют турбулентность людского потока, снижая общую скорость движения на 25–40% [2, с. 88].

Лестничные марши: Вертикальные коммуникации обладают меньшей пропускной способностью по сравнению с горизонтальными путями [4], что требует их строгого инженерного учета.

3.2. Коридоры и галереи

Протяженные коридоры зданий с массовым пребыванием людей формируют линейный поток, скорость которого зависит от ширины и наличия препятствий (колонн, выступов стен, зон отдыха).

- **Тупиковые зоны и сужения:** Наличие тупиков или резких поворотов под прямым углом приводит к турбулентности потока, образованию локальных завихрений и снижению общей скорости движения на 25–40%.
- **Пропускная градиентная нагрузка:** Скорость потока по центру коридора выше, чем у стен, однако при встречном движении или попытках обгона происходит взаимное торможение масс.

3.3. Лестничные марши и вертикальные коммуникации

Лестницы – наиболее уязвимый элемент эвакуационного пути, поскольку вертикальное движение физически сложнее горизонтального, а пропускная способность лестниц в 1,5–2 раза ниже пропускной способности коридоров аналогичной ширины.

- **Геометрия ступеней:** Несоответствие высоты и ширины ступеней, отсутствие или повреждение поручней в условиях экстренного схода приводят к спотыканиям, падениям и образованию «завалов» из людей.
- **Слияние потоков на промежуточных площадках:** В многоэтажных зданиях лестничная площадка становится точкой пересечения потока, спускающегося сверху, и потока, выходящего с этажа. Отсутствие регулирования в этой зоне вызывает блокировку вертикального перемещения.

4. Заключение

Анализ нормативно-правовой базы [1] и конструктивных особенностей [4] показывает необходимость перехода от исключительно эмпирических норм к динамическому проектированию с учетом реальных зон заторов и ограничений пропускной способности.

Ключевыми направлениями совершенствования строительной практики должны стать:

- ужесточение требований к геометрии узловых точек (дверных групп, выходов на лестничные клетки);
- внедрение обязательного компьютерного моделирования (микромоделирования) людских потоков на этапе проектирования зданий класса Ф1–Ф4 (торговые, зрелищные, образовательные учреждения);

- адаптация строительных норм с учетом реальных зон заторов и психофизических характеристик толпы.

Список литературы:

1. СП 1.13130.2020. Системы противопожарной защиты. Эвакуационные пути и выходы: свод правил: утв. приказом МЧС России от 19 марта 2020 г. № 194. — Москва: Стандартинформ, 2020. — 109 с.
2. Эвакуация и поведение людей при пожарах : учебное пособие / В. В. Холщевников, Д. А. Самошин, А. П. Парфененко [и др.]. — Москва : АГПС МЧС России, 2015. — 212 с.
3. СП 3.13130.2009. Системы противопожарной защиты. Система оповещения и управления эвакуацией людей при пожаре : свод правил : утв. приказом МЧС России от 25 марта 2009 г. № 173. — Москва : ФГБУ ВНИИПО МЧС России, 2009. — 23 с.
4. Предтеченский, В. М. Проектирование зданий с учетом организации движения людских потоков : учебное пособие для вузов / В. М. Предтеченский, А. И. Милинский. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Стройиздат, 1979. — 375 с.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 336.132.12

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ РЕЗЕРВАМИ КАК ЭЛЕМЕНТ ФИНАНСОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Ерополова Виктория Игоревна
студентка 4 курса
Прянишникова Анастасия Евгеньевна
студентка 4 курса
научный руководитель: **Конева Анастасия Валерьевна**
ассистент кафедры публично-правовых наук
Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Россия, г. Оренбург

Аннотация. Статья посвящена правовому обеспечению управления государственными резервами в Российской Федерации. Рассматривается действующая нормативно-правовая база — Федеральный закон от 29.12.1994 № 79-ФЗ «О государственном материальном резерве» (в редакции Федерального закона от 04.08.2023 № 418-ФЗ), Бюджетный кодекс РФ и подзаконные акты, — а также структура и функции государственных резервов, включая золотовалютные резервы и Фонд национального благосостояния. Освещаются роль Росрезерва, механизмы контроля и прозрачности, значение резервов для финансовой устойчивости и экономического суверенитета страны. Анализируются актуальные проблемы: адаптация законодательства к меняющимся социально-экономическим условиям, повышение правовой культуры участников процесса, внедрение цифровых технологий в учёт и мониторинг. Описываются последствия внешних ограничений и меры по минимизации рисков.
Ключевые слова: правовое обеспечение; государственный материальный резерв; Фонд национального благосостояния; Росрезерв; финансовая устойчивость; экономический суверенитет.

LEGAL FRAMEWORK FOR THE MANAGEMENT OF STATE RESERVES AS AN ELEMENT OF FINANCIAL SOVEREIGNTY

Eropolova Viktoria I.
4th-year student
Pryanishnikova Anastasia E.
4th year student
scientific supervisor: **Koneva Anastasia V.**
Assistant Lecturer, Department of Public Law
Orenburg Institute (branch) O.E. Kutafin University (MSAL), Orenburg, Russia

Abstract. The article is devoted to the legal support of the management of state reserves in the Russian Federation. It examines the current legal framework, including Federal Law No. 79-FZ of 29.12.1994 "On the State Material Reserve" (as amended by Federal Law No. 418-FZ of 04.08.2023), the Budget Code of the Russian Federation and subordinate legislation. The article covers the structure and functions of state reserves, including foreign exchange reserves and the National Wealth Fund, the role of Rosrezerv, mechanisms of control and transparency, and the importance of reserves for the financial stability and economic sovereignty of the country. Current issues are analyzed: adapting legislation to changing socio-economic conditions, improving the legal culture of participants, and introducing digital technologies in accounting and monitoring. The article describes the consequences of external restrictions and measures to minimize risks.
Keywords: legal support; state material reserve; National Wealth Fund; Rosrezerv; financial stability; economic sovereignty.

Правовое обеспечение управления государственными резервами представляет собой комплекс норм и правил, регулирующих формирование, хранение, использование и контроль за государственными резервами. Базовым актом является Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 79-ФЗ «О государственном материальном резерве», действующий в редакции Федерального закона от 4 августа

2023 г. № 418-ФЗ. Закон устанавливает общие принципы формирования, размещения, хранения, использования, пополнения и освежения запасов государственного резерва и определяет его назначение: обеспечение мобилизационных нужд Российской Федерации, первоочередных работ при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, государственной поддержки отраслей экономики и субъектов РФ, гуманитарной помощи, а также мероприятий по предупреждению или локализации эпидемий, эпизоотий и радиационного заражения. Материальные ценности резерва закреплены как имущество казны Российской Федерации, а номенклатура запасов и неснижаемый запас устанавливаются Правительством РФ [11].

Подзаконный уровень регулирования образуют акты Правительства РФ. Ключевым из них является постановление от 23 июля 2004 г. № 373 «Вопросы Федерального агентства по государственным резервам», которым утверждено действующее Положение о Росрезерве (в редакции постановления от 27 марта 2025 г. № 379). Агентство наделено функциями по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере управления государственным материальным резервом, осуществляет полномочия собственника в отношении имущества казны, организует формирование, хранение и обслуживание запасов, их ведомственную охрану, а также обеспечение возврата заимствованных материальных ценностей [6]. Систему также дополняет постановление Правительства РФ от 25 июля 2020 г. № 1119, определившее правила создания, использования и восполнения резервов материальных ресурсов федеральных органов исполнительной власти для ликвидации чрезвычайных ситуаций [9].

Финансовый суверенитет России невозможно обеспечить без эффективного и правомерного управления государственными резервами, поскольку они служат страховым механизмом при возникновении экономических кризисов, внешних санкций или иных угроз. В законодательстве отражено значение золотовалютных резервов, которые рассматриваются как важный элемент устойчивости национальной валюты и поддержания международных платежей. Как показывает Н.А. Поветкина, в российском праве отсутствует легальное определение понятия «золотовалютные резервы», что порождает проблемы их правовой квалификации: международные (золотовалютные) резервы представляют собой высоколиквидные иностранные активы в распоряжении Банка России и Правительства РФ, находящиеся под контролем органов денежно-кредитного регулирования [5]. Правовая квалификация данных резервов предусматривает их хранение в соответствии с международными стандартами и обеспечение доступа уполномоченных органов к информации об их составе и состоянии.

Государственные резервы представляют собой совокупность финансовых ресурсов и материальных запасов, аккумулируемых государством для обеспечения стабильности экономической системы и противодействия возможным внутренним и внешним финансовым стрессам. К ним относятся материальные ценности государственного резерва, золотовалютные резервы Банка России, суверенный Фонд национального благосостояния, резервные фонды Президента и Правительства Российской Федерации, которые совместно формируют базисную платформу для поддержания финансовой устойчивости страны. Государственный материальный резерв, как отмечают А.Г. Айрапетова и Н.А. Арсеньева, является гарантией экономической безопасности страны в целом: правомочия, возникающие в ходе формирования, распределения, хранения и возврата материальных ресурсов резерва, регулируются законодательными актами на уровне законов, указов, постановлений и приказов различных ведомств и государственных органов [1].

Экономическое значение государственных резервов заключается в их роли как «финансовой подушки безопасности», позволяющей предупреждать и смягчать последствия экономических кризисов, колебаний на мировых рынках и геополитических рисков. Они создают условия для оперативного реагирования на нестабильность бюджетных доходов и валютных курсов. Золотовалютные резервы, в частности, обеспечивают возможность государства выполнять обязательства и проводить платежи на международной арене даже в сложных экономических условиях: как показывают Т.В. Кудряшова и Е.А. Долгих, именно резервы исторически помогают правительствам преодолевать финансовые кризисы различной природы, а их соотношение с объёмом внешнего долга служит индикатором устойчивости финансовой системы [4].

Важным аспектом является правовой режим Фонда национального благосостояния. Резервный фонд, аккумулировавший конвертированные «стабилизационные» доходы, был окончательно объединён с ФНБ к 1 февраля 2018 года, после чего регулирование сосредоточено на ФНБ. Действующая редакция ст.

96.10 Бюджетного кодекса РФ определяет цели фонда: софинансирование добровольных пенсионных накоплений граждан, государственная поддержка формирования долгосрочных сбережений (с 1 января 2025 года — по правилам постановления Правительства РФ от 20 декабря 2024 г. № 1837), а также обеспечение сбалансированности федерального бюджета и бюджета Социального фонда России в части обязательного пенсионного страхования [2]. Международная практика управления резервами при этом во многом стандартизирована на основе рекомендаций МВФ, однако страны различаются в понимании функций резервов: часть государств использует их лишь для сглаживания валютных курсов и корректировки платёжного баланса, тогда как другие трактуют функции шире и направляют резервы на стимулирование экономического развития [13]. Подобные структуры обеспечивают не только накопление, но и приумножение государственных финансовых ресурсов, что повышает общую устойчивость экономики.

Государственные резервы выступают механизмом управления экономическими рисками. Они создают возможность поддерживать платёжеспособность государства, сохранять доверие кредиторов и инвесторов, а также обеспечивают независимость от чрезмерного привлечения внешних заимствований. Примером служит ситуация с заморозкой примерно 300 млрд долларов резервов России в 2022 году: несмотря на серьёзные внешние ограничения, уровень государственного внешнего долга и государственных гарантий оставался значительно ниже объёма резервов, что фактически исключало риск дефолта при своевременном управлении ресурсами [4].

Финансовая устойчивость, поддерживаемая посредством резерва, определяется не только наличием капитала, но и способностью эффективно управлять доступными ресурсами, обеспечивая платёжеспособность и минимизируя риски. Государственные резервы служат источником ликвидности в кризисных ситуациях, давая возможность реализовывать меры антикризисной политики, поддерживать экономическую активность и социальную стабильность в стране. Управление резервами должно быть направлено на сохранение их достаточного объёма и ликвидности, адаптацию к меняющимся экономическим условиям и интеграцию в систему долгосрочного финансового планирования.

Управление государственным материальным резервом организовано через Росрезерв, который с конца 2016 года находится в непосредственном ведении Правительства РФ. Структура управления включает центральный аппарат, территориальные органы и подведомственные организации, объединённые в единую федеральную систему государственного резерва. Агентство организует ведомственную охрану складов и хранителей, контролирует наличие, движение и состояние материальных ценностей; в отношении подведомственных предприятий проводятся проверки финансово-хозяйственной деятельности. Существует регламентированная система ответственности за нарушения в обращении с государственным резервом, направленная на строгое соблюдение процедур и правовых норм [6].

ФНБ формируется за счёт дополнительных нефтегазовых доходов федерального бюджета, определяемых по правилам ст. 96.6 Бюджетного кодекса РФ. Базовая цена нефти марки «Юралс» установлена на уровне 59 долларов США за баррель в 2026 году с ежегодным снижением до 55 долларов к 2030 году и индексацией на 2% начиная с 2031 года; базовая экспортная цена газа — 250 долларов за тысячу кубометров [2]. Источниками пополнения фонда выступают нефтегазовые сверхдоходы при превышении базовых цен, поступления по НДПИ и налогу на дополнительный доход от углеводородного сырья, акцизы, а также доходы от управления активами. После завершения «налогового манёвра» (с 2024 года) экспортные пошлины на нефть обнулены, а соответствующие доходы перенесены в НДПИ, поэтому их в составе источников уже не выделяют.

Управление активами ФНБ осуществляется Минфином России в порядке, установленном Правительством РФ (ст. 96.11 БК РФ, постановление Правительства РФ от 19.01.2008 № 18). Действует консервативная стратегия, ограничивающая размещение средств в иные активы до достижения ликвидной частью фонда пороговых значений в 7 и 10 процентов ВВП; предельные доли составляют, в частности, 50% для государственных ценных бумаг РФ, долговых обязательств и акций юридических лиц, а размещение на депозитах в Банке России в разрешённой валюте и золоте не ограничивается [7]. Участие в самоокупаемых инфраструктурных проектах, перечень которых утверждает Правительство, допускается в объёме не более 40% совокупного финансирования проекта (до 80% — для проектов ВЭБ.РФ), а мониторинг и контроль их реализации регламентированы постановлением Правительства РФ от 25 августа 2017 г. № 1008 [8].

Эмпирические примеры инвестиционной деятельности ФНБ демонстрируют диверсификацию вложений: инвестиция в размере 137 млрд рублей в акции АО «ДОМ.РФ», обеспечивающая достройку проблемных объектов и поддержку программ льготной ипотеки; приобретение дополнительной эмиссии акций ПАО «Аэрофлот» в 2020 и 2022 годах (в результате госпакет вырос до 73,8%); размещение около 526 млрд рублей в облигации ГК «Автодор»; вложения в облигации РЖД, Ростеха, ГТЛК и депозиты в ВЭБ.РФ для финансирования инфраструктурных проектов. Практические кейсы использования средств фонда охватывают финансирование строительства завода «Газпрома» по производству сжиженного природного газа в Усть-Луге, участие в создании высокоскоростной железнодорожной магистрали между Москвой и Санкт-Петербургом, выкуп воздушных судов у западных лизингодателей, строительство участка скоростной трассы М-12 (Казань — Екатеринбург), а также выделение ГТЛК средств на строительство судов и плавучего дока.

С 2021 года происходила трансформация валютной структуры ФНБ: 5 июля 2021 года доллар США был полностью исключён из состава валютных резервов, снижена доля фунта стерлингов, увеличены доли китайского юаня и золота. С января 2024 года фонд наполнен только рублями, ценными бумагами, золотом и юанями. По состоянию на 1 октября 2026 года объём ФНБ составил 12,98 млн рублей, или 5,5% прогнозируемого ВВП 2026 года (153,8 млн долларов); на счетах в Банке России размещены 184,4 млн китайских юаней и 131,664,2 кг золота в обезличенной форме [3]. Такие пропорции отражают курс на дедолларизацию и усиление роли альтернативных резервных активов.

Параллельно государственный материальный резерв демонстрирует высокую операционную эффективность в кризисных ситуациях: оперативная поставка энергогенераторов при ликвидации последствий аварии на Саяно-Шушенской ГЭС; направление около 40 тыс. тонн продовольствия в регионы Дальнего Востока в 2013 году в период наводнений; обеспечение техникой и продовольствием при ликвидации лесных пожаров в Якутии в 2021 году; мобилизация ресурсов при ликвидации последствий теракта в Беслане, аварии на Чернобыльской АЭС, землетрясений в Ташкенте и Спитаке; проведение товарных интервенций для стабилизации цен на социально значимые товары и нефтепродукты.

Правовое регулирование управления государственными резервами за последние годы претерпело динамичные изменения, отражающие потребность государства в адекватном ответе на вызовы современности. Поправки 2023–2024 годов уточнили полномочия органов власти субъектов РФ в отношении государственного резерва, сохранили порядок заимствования материальных ценностей (по акту Правительства РФ либо решением руководителя Росрезерва — на срок до одного года и до 20% объёма резерва, за исключением мобилизационного резерва и неснижаемого запаса) и плату за заимствование, не превышающую ключевую ставку Банка России на момент заключения договора. Это создаёт баланс между эффективностью использования ресурсов и защитой имущественных интересов государства [11]. Нормы естественной убыли при хранении и порядок определения технологических потерь при транспортировке материальных ценностей устанавливаются федеральным органом, осуществляющим управление резервом, по согласованию с уполномоченными органами, что повышает прозрачность управления ресурсами и снижает риски злоупотреблений [1].

Несмотря на обновления, проблемы остаются связаны с консервацией правового аппарата в условиях ускоренных изменений внутренних и внешних факторов. Современное регулирование сталкивается с задачей более гибкой адаптации актов к быстро меняющемуся социально-экономическому ландшафту, техническим инновациям и растущим требованиям безопасности. В научной литературе отмечается, что действующий механизм административно-правового регулирования распределения ресурсов госрезерва нуждается в совершенствовании с учётом реального состояния резерва и потребностей общества, а оценка эффективности использования ресурсов должна учитывать не только юридический, но и экономический и социальный эффекты [1]. Совокупность новых угроз, включая пандемии, экологические и радиационные риски, требует расширенного и комплексного правового подхода, сопряжённого с усилением межведомственного взаимодействия и системы контроля. Отчасти уже реализованный шаг в этом направлении — прямое закрепление в ст. 3 закона № 79-ФЗ целей резерва, связанных с эпидемиями, эпизоотиями и радиационным заражением.

Одной из существенных проблем является повышение правовой культуры и правового сознания участников управления государственными резервами. Эффективность законов нередко зависит от их правильной реализации субъектами правоотношений, что требует непрерывного правового образования и

повышения профессионализма работников, вовлечённых в процессы формирования, хранения и расходования резервов [10]. В противном случае даже существующие нормативные положения могут остаться формальными и не принести ожидаемых результатов.

Планы дальнейших реформ ориентированы на совершенствование механизмов правового воздействия, в том числе за счёт развития цифровых технологий и внедрения электронных систем учёта и мониторинга — от автоматизации документооборота Росрезерва до казначейского сопровождения средств. Эти технологии способны увеличить прозрачность, снизить коррупционные риски и повысить оперативность принятия решений. Кроме того, предполагается усиление нормативных мер по обеспечению безопасности государственных запасов и адаптация правового регулирования к международным стандартам и лучшим зарубежным практикам [13].

С учётом анализа современных вызовов важнейшим направлением развития является создание комплексной и гибкой системы правового регулирования, способной оперативно реагировать на новые угрозы и одновременно обеспечивать стабильность и предсказуемость в управлении государственными резервами. Это включает интеграцию правовых норм с финансовой, экономической и технологической политикой: бюджетное правило, установленное на 2026–2028 годы Федеральным законом от 28 ноября 2025 г. № 426-ФЗ, рассматривается как элемент такого механизма поддержки финансового суверенитета в условиях нестабильной внешнеэкономической среды [12].

Перспективы развития правового обеспечения управления государственными резервами обусловлены необходимостью детализации и расширения федерального законодательства, регулирующего образование, хранение и выпуск материальных ценностей из государственного резерва. Законодательные инициативы направлены на укрепление статуса государственного резерва как имущества казны Российской Федерации и на расширение способов использования резервов, включая реализацию, передачу на возмездной и безвозмездной основе, а также заимствование материальных ценностей. Отсюда следует необходимость постоянного мониторинга законодательных инициатив, анализа нормативных изменений и своевременного введения адаптирующих мер в практику управления. Такой подход позволит сохранить финансовый суверенитет России, обеспечивая баланс между правовыми нормами, экономической эффективностью и стратегической безопасностью.

Список литературы:

1. Айрапетова А.Г. Оценка потенциала государственного материального резерва в кризисный период / А. Г. Айрапетова, Н. А. Арсеньева. - Текст: непосредственный // Вестник Академии знаний. - 2024. - № 5 (64). - С. 42-45.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (в ред. Федерального закона от 28.11.2025 № 432-ФЗ), ст. 96.6, 96.10, 96.11.
3. Информационное сообщение Минфина России о результатах размещения средств Фонда национального благосостояния по состоянию на 1 октября 2026 года // Официальный сайт Минфина России.
4. Кудряшова Т.В. Золотовалютные резервы Российской Федерации как фактор обеспечения стабильности финансовой системы страны / Т. В. Кудряшова, Е. А. Долгих. - Текст : непосредственный // Beneficium.-2022.-№ 2 (43).-С. 66-72. - DOI 10.34680/BENEFICIUM.2022.2(43).66-72.
5. Поветкина Н.А. Проблемы правовой квалификации золотовалютных резервов (запасов) Российской Федерации и их роль в обеспечении финансовой устойчивости государства / Н. А. Поветкина. - Текст : непосредственный // Законодательство и экономика. - 2016. - № 2. - С. 28-37.
6. Постановление Правительства РФ от 23.07.2004 № 373 «Вопросы Федерального агентства по государственным резервам» (в ред. постановления Правительства РФ от 27.03.2025 № 379).
7. Постановление Правительства РФ от 19.01.2008 № 18 «О порядке управления средствами Фонда национального благосостояния».
8. Постановление Правительства РФ от 25.08.2017 № 1008 «О порядке осуществления мониторинга и контроля реализации самоокупаемых инфраструктурных проектов, критерии (требования) которых предусмотрены пунктами 4 и 5 статьи 96.12 Бюджетного кодекса Российской Федерации, использования средств Фонда национального благосостояния и (или) средств пенсионных накоплений для их финансирования».

9. Постановление Правительства РФ от 25.07.2020 № 1119 «Об утверждении Правил создания, использования и восполнения резервов материальных ресурсов федеральных органов исполнительной власти для ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».
10. Сенин И.Н. Правовое регулирование в современной России: проблемы совершенствования / И.Н. Сенин. - Текст : непосредственный // Инновационная экономика и общество. - 2020. - № 4 (30). - С. 94-100.
11. Федеральный закон от 29.12.1994 № 79-ФЗ «О государственном материальном резерве» (в ред. Федерального закона от 04.08.2023 № 418-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 1.
12. Федеральный закон от 28.11.2025 № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов».
13. Цзян Вэнь. Анализ международного опыта управления международными резервами (на примере России, Китая и Японии) / Цзян Вэнь, И. В. Андронова. - Текст: непосредственный // Экономические отношения. - 2025. - Т. 15, № 1. - С. 71-90. - DOI 10.18334/eo.15.1.122738.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 82.09

ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ: ДМИТРИЙ КУЗНЕЦОВ (ХАСКИ) КАК ПРИМЕР ПРОВОКАЦИОННОГО ПРОДВИЖЕНИЯ

Левицкая Ксения Геннадьевна
студентка 3 курса
Белорусский государственный университет
Республика Беларусь, г. Минск

Аннотация. Целью статьи является осмысление процесса конструирования медийного образа автора-исполнителя в условиях современной экранной культуры с применением провокационной этико-эстетической стратегии. На примере рэп-творчества Хаски рассматривается трансформация авторской идентичности в социальных сетях. Утверждается, что в цифровой среде имидж артиста становится поликодовой этико-эстетической системой, диктующей выбор PR-стратегии.
Ключевые слова: медийный образ, автор-исполнитель, PR-стратегия, песенная поэзия, провокационная стратегия.

ETHICAL AND AESTHETIC STRATEGIES OF PROMOTION: DMITRY KUZNETSOV (HUSKY) AS A CASE OF PROVOCATIVE SELF-PROMOTION

Levitskaya Ksenia Gennadievna
3rd year student
Belarusian State University
Republic of Belarus, Minsk

Abstract. The article aims to conceptualize the process of constructing the media image of a singer-songwriter in contemporary screen culture through a provocative ethical and aesthetic strategy. Drawing on the rap work of Husky, it examines the transformation of authorial identity in social media. It is argued that, in the digital environment, an artist's image becomes a polycode ethical and aesthetic system that determines the choice of PR strategy.
Key words: media image, new media, author-performer, display culture, PR strategy, song poetry.

Традиционно в гуманитарном знании *образ автора* интерпретируется как функциональная категория, выступающая своеобразным посредником между вербальным текстом и его читателем. В классическом литературоведении *автор-исполнитель* определяется как поэт-музыкант, реализующий синкретическое единство вербального текста и музыки; в качестве дескриптивного синонима данной категории часто выступает термин «бард». Однако в современных условиях *визуального поворота* песенная поэзия обретает статус поликодового текста, в котором значимым становится не только лингвистический компонент, но и контекстуальная медийная репрезентация субъекта.

Трансформация субъектной парадигмы в новых медиа приводит к тому, что автор песенного текста становится центральным субъектом-узлом коммуникационной сети. Блогосфера в данном контексте функционирует как пространство архивации цифровых следов, формирующих PR-биографию артиста [8]. Объектом PR-деятельности в сфере культуры является художественный ивент и творческая личность, что требует от имиджа особых этико-эстетических параметров.

Одним из ключевых инструментов взаимодействия между авторами звучащей поэзии и аудиторией становятся социальные сети и мессенджеры – площадки для привлечения внимания, формирования лояльности и вовлечения слушателей. Социальные сети кардинально трансформировали классическую модель маркетинговых коммуникаций. В контексте песенной поэзии, которая традиционно опиралась на радиоэфиры, телепередачи и рецензии в музыкальных изданиях, социальные сети открывают принципиально новые возможности – и для оперативного информирования о релизах и концертах, и для демонстрации творческого процесса, личной рефлексии автора, прямого общения с аудиторией и создания многослойных эстетических пространств.

В условиях конкуренции за внимание цифровой аудитории, особенно молодежной, авторы-исполнители все чаще обращаются к продуманным PR стратегиям, позволяющим преодолеть диалогический барьер между сценой и слушателем. Артисты, чье творчество ориентировано на сложный поэтический текст вынуждены конструировать свои медиаобразы, как сложные этико-эстетические системы. Интерактивные форматы (опросы о новых треках, конкурсы на лучшую интерпретацию, прямые эфиры с разбором текстов) вовлекают аудиторию в сотворчество, адаптируют поэзию к восприятию молодежной аудитории и позволяют точечно работать с разными сегментами через персонализированный контент. Особое значение для авторов-исполнителей обретает PR-продвижение в социальных сетях, так как традиционные СМИ (музыкальные журналы, телепрограммы, радио) сохраняют влияние, но уже не могут обеспечить необходимый охват и вовлеченность молодой аудитории.

В условиях платформенной экономики песня существует одновременно как культурный продукт, информационный повод и элемент цифровой коммуникации, включенный в алгоритмические процессы распространения. Данное обстоятельство требует от авторов владения традиционными инструментами PR и маркетинга, а также понимания логики функционирования медиаплатформ, особенностей пользовательского поведения и механизмов формирования онлайн-репутации. Более того, этическая и эстетическая составляющие продвижения становятся не менее важными, чем коммерческие показатели: слушатель ожидает от исполнителя внятной ценностной позиции, рефлексии о творчестве и честного диалога.

Несмотря на растущую практическую востребованность, теоретическое осмысление этико-эстетических стратегий PR-продвижения песенной поэзии в социальных сетях остается фрагментарным. Большинство существующих научных работ (А.А. Бабаева, Д.Э. Янукян, А.Д. Протосовицкий, М.Р. Сулейманов, К.В. Гумба) либо сфокусированы на общих принципах маркетинга в социальных сетях, либо рассматривают продвижение коммерческих брендов. При этом авторы-исполнители сталкиваются с рядом специфических проблем: необходимость сочетать творческую свободу с требованиями алгоритмов, сохранять художественную уникальность в условиях коммерциализации, выстраивать этически ответственный диалог с аудиторией. Более того, остается не проясненным вопрос о том, какие типы этико-эстетических стратегий проявляются в PR-продвижении песенной поэзии и как они соотносятся с природой самого художественного текста.

Актуальность данного исследования обусловлена совокупностью ряда факторов: 1) современные авторы-исполнители нуждаются в эффективных PR стратегиях для привлечения аудитории, повышения узнаваемости, формирования лояльного сообщества и увеличения прослушиваний, однако отсутствие системного анализа этико-эстетических аспектов их присутствия в социальных сетях и типологии используемых стратегий затрудняет выработку обоснованных рекомендаций; 2) в научной литературе по PR в сфере культуры (Г. Л. Тульчинский, А. Д. Кривоносов, О. Г. Филатова), по маркетингу в социальных сетях (Д. Халилов, Д. Скотт, В. Крылов, К. Рудов) практически не рассматривается пересечение этих областей применительно к восточнославянскому контексту. Не определены также критерии эффективности PR-продвижения для авторов концептуальной песенной поэзии, не выявлены типичные ошибки и успешные практики;3) понятие *этико-эстетические стратегии PR-продвижения* применительно к песенной поэзии еще не получило должного осмысления. Не ясно, какие именно параметры (имиджевые, креативные, коммуникативные, просветительские, провокативные) следует рассматривать в качестве ключевых индикаторов и как они соотносятся с художественной ценностью поэтического текста; 4) исследование PR-продвижения песенной поэзии позволяет понять, как цифровая культура влияет на рецепцию поэтического текста, как формируются новые модели соучастия аудитории и как автор адаптируется к вызовам медиасреды, сохраняя свою художественную уникальность.

Таким образом, актуальность работы определяется как острой практической потребностью современных авторов-исполнителей в эффективных PR-стратегиях, так и отсутствием их системного теоретического описания и классификации, что создает необходимость в выявлении и анализе этико-эстетических стратегий, проявляющихся в продвижении песенной поэзии в социальных сетях.

Конструирование образа автора-исполнителя в дисплейной реальности базируется на социально-психологической структуре PR-сообщения, которое выступает механизмом идентификации аудитории с объектом [9]. Для достижения эффективности PR-коммуникации образ должен быть четко дифференцирован и очищен от абстрактных характеристик [11]. Уникальность имиджа достигается через использование конкретных визуально-смысловых маркеров. Виральность обеспечивается строгими

жанрово-тематическими закономерностями, вызывающими предсказуемый эмоциональный отклик у зрителя [6].

Согласно теоретическим положениям исследований Е. В. Локтевич, успешная PR-стратегия в области песенной поэзии базируется на создании PR-биографии, в которой личность исполнителя трансформируется в специфический стратегический гипертекст – непрерывное повествование, обладающее рекламным, имиджевым и питчинговым векторами. Ключевым фактором тут становится идея имиджа, которая определяет путь артиста: от прагматичного маркетинга до масштабного *художественного жизнестроения* [12, 13, 14]. В коммуникативной практике это реализуется через систему различных моделей, каждая из которых опирается на лаконичную самопрезентацию, транслирующую ключевые смыслы творчества и личности автора его целевой аудитории.

Таким образом, можно выделить пять доминирующих стратегий, определяющих существование автора в «дисплейной» реальности.

Имиджевые стратегии. Данный подход направлен на формирование устойчивого визуального каркаса биографического мифа. В цифровой среде имидж выступает первичным фильтром, задающим этико-эстетическую дистанцию между автором и слушателем. Использование специфической колористики и символики позволяет артисту маркировать границы своего художественного мира. Здесь PR-биография выстраивается через систему наглядных маркеров, которые готовят аудиторию к рецепции песенного текста, создавая нужный эмоциональный настрой еще до начала прослушивания.

Креативные стратегии. В рамках этой стратегии PR-биография трансформируется в герметичную систему знаний (так называемый «лор»). Автор становится создателем сложной поликодовой системы знаков. Креативная модель часто опирается на методы геймификации: внедрение скрытых смыслов, использование криптографии и игр в альтернативной реальности (ARG).

Коммуникативные стратегии. Стратегия базируется на сокращении дистанции между Творцом и его реципиентом. В центре коммуникации оказываются процесс творчества и личность автора. Использование интерактивных форматов (прямые эфиры, закрытые сообщества, стриминг) производит впечатление связанности с жизнью артиста.

Просветительские стратегии. В этой модели автор наделяется статусом интеллектуального лидера и / или эксперта, а его PR-биография наполняется ценностными рефлексиями. Артист выступает посредником между высокой культурой и массовым слушателем, транслирует философию художественной литературы, эстетические концепции, исторические аллюзии. Эстетика этой стратегии тяготеет к академической подаче, а этика лежит в ответственности за культурное развитие аудитории, что выводит медийный образ автора-исполнителя за рамки исключительно развлекательного контента.

Провокативные стратегии. Данная модель предполагает намеренное нарушение медийных и этических границ для разрушения привычных форматов потребления. Провокация в PR-биографии позволяет автору сохранить подлинную субъектность через конфликт и эпатаж [12, 13, 14]. Инсценировки, радикальные художественные жесты и вызывающие образы используются, как способ утверждения автономности творческого метода и проверки аудитории на ценностную устойчивость. Провокативная стратегия в продвижении песенной поэзии базируется на методах радикального акционизма, эстетизации маргинальности и намеренном нарушении социально-этических конвенций.

Например, образ рэп-исполнителя Хаски – это модель *автора-провокатора*, поэтому медийное присутствие конструируется через акты трансгрессии, превращающие биографию артиста в непрерывный перформанс [15]. Центральным элементом стратегии рэп-поэта является реконтекстуализация религиозных архетипов, помещенных в энтропийную городскую среду. Тело артиста нередко выступает главным инструментом для выражения экзистенциального кризиса и социального протеста, где использование экстремальных визуальных приемов, таких как симуляция огнестрельных ранений, кровотечений и деконструированные мизансцены вокруг обезглавленной статуи Ленина (концерт артиста 2019 г.), стирает грань между театральным представлением и актом насилия над собой. Со временем этот хаотичный андерграундный акционизм трансформировался в более масштабную форму театра абсурда благодаря запуску в 2023 г. ежегодного проекта «Фестиваль отмен», созданного в коллаборации с режиссером Сергеем Аполлоновым. Концепция этих выступлений выстраивается как череда гротескных образов – от НЛО и «нехорошей квартиры» до свадьбы и ироничного конкурса красоты, куда интегрируются элементы актуальной повестки и постироничного маркетинга, включая презентацию вымышленного бренда безалкогольной водки «Живая вода».

Хаски использует классические литературные аллюзии для увеличения эффекта эстетического дискомфорта. Так, в треке «Аферист» цитата из А. С. Пушкина интегрируется в контекст соматического распада: «Я помню чудное мгновенье / В похмелье черном и густом... Блевотиной в снегу кровати». Такая десакрализация высокого канона через физиологические образы (экстази, Клико, телесная дряблость) утверждает стратегию намеренного отчуждения. Автор маркирует свое творчество как антиэстетическое, противопоставляя его конвенциональным стандартам индустрии. В композиции «Я объявляю вам войну» данная установка доводится до предела: «Господи, прости / Что слова мои грязны и зеркала мои кривы». Сопоставление альбома с бытовым образом «щей» и апелляция к поэме В. Ерофеева «Москва–Петушки» вписывают автора в традицию русского культурного юродства.

Провокативная стратегия Хаски включает механизмы конструирования альтернативного мифа о происхождении поэтического дара. В треке «Люцифер» артист деконструирует пушкинского «Пророка», трансформируя момент инициации: «Ангел в переулке / Мне шепнул, что я поэт / Я ношу его дыханье / На плече как эполет». Однако *дар* здесь трактуется не как созидательная благодать, а как онтологическое бремя, вызывающее конфликт с реальностью. PR-эффект усиливается за счет демонстративного пренебрежения коммерческой логикой. Публичные акты уничтожения накопленного материала и инсценировки собственной смерти функционируют как форма символического обмена: автор жертвует артефактом ради монументализации своего мифологического статуса [15].

В современной системе дистрибуции песенной поэзии PR-биография и персональный бренд – базовые инструменты продвижения. Если персональный бренд представляет собой совокупность устойчивых ассоциаций и ценностных ожиданий аудитории, то PR-биография функционирует как динамический нарратив, обеспечивающий развертывание этого бренда в перспективе. Инструментальная роль персонального бренда заключается в создании уникального ценностного предложения, позволяющего автору эффективно позиционировать себя в условиях перенасыщенного информационного потока. Эффективность бренда определяется его внутренней устойчивостью: эстетические характеристики текста должны находиться в строгом соответствии с этическими установками. Персональный бренд формирует своего рода интерфейс взаимодействия с реципиентом. PR-биография в данной связке служит инструментом подтверждения заявленного образа через событийный ряд: участие в просветительских проектах, публичные акты акционизма или интерактивное взаимодействие с сетевым комьюнити.

В цифровом пространстве продвижение через персональный бренд и PR-биографию реализуется посредством стратегического управления вниманием и лояльностью аудитории. Использование биографических элементов в качестве промо-инструментов позволяет автору создавать эффект «непрерывного повествования» (ongoing narrative), где каждый новый релиз воспринимается как очередная глава в глобальном метатексте жизни артиста. Как указывает Е. В. Локтевич, трансформация субъектной парадигмы в современной поэтической традиции ведет к тому, что биография поэта становится его особым произведением пограничного (художественное и реальное бытие) типа [5]. Это меняет характер продвижения, которое эволюционирует из трансляции рекламных сообщений в рецептивный процесс сопереживания авторской судьбе.

Таким образом, современная песенная поэзия как сложный синкретический феномен требует междисциплинарного подхода. Ее природа объединяет вербальные и невербальные компоненты, которые в условиях цифровой среды постоянно умножаются – и количественно, и качественно. Выявлено, что PR-продвижение в сфере культуры принципиально отличается от коммерческого маркетинга, так как его цель –легитимизация художественных смыслов и формирование устойчивой эмоциональной связи между творческим субъектом сознания и аудиторией. Имиджевые стратегии направлены на формирование визуального каркаса биографического мифа через колористику и символику. Креативные стратегии трансформируют PR-биографию в интеллектуальный лабиринт с элементами геймификации. Коммуникативные стратегии основаны на сокращении субъект-субъектной дистанции и интерактивных форматах. Просветительские стратегии наделяют автора-исполнителя статусом интеллектуального лидера. Провокативные стратегии используют намеренное нарушение гармонии как способ утверждения автономности творческого метода. Каждая стратегия обладает специфическим этическим фундаментом и эстетическим инструментарием, а выбор стратегии определяется творческой идентичностью автора и его целевой аудиторией.

Список литературы:

1. Журкова Д.В. Интеллектуализация поп-музыки: стратегии и смыслы // Поп-музыка в контексте современной культуры. – М., 2019.
2. Тульчинский Г.Л. PR в сфере культуры : учеб. пособие / Г.Л. Тульчинский. – СПб. : Планета музыки, 2011. – 571 с.
3. Гавриков В.А. Песенная поэзия vs печатная поэзия / В.А. Гавриков. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2021. – 388 с.
4. Гавриков В.А. Русская песенная поэзия XX века как текст / В. А. Гавриков. – Брянск : ООО «Брянское СРП ВОГ», 2011. – 634 с.
5. Локтевич Е.В. Современная русская оригинальная рок-поэзия: трансформация субъектной парадигмы / Е. В. Локтевич. – М. : ИНФРА-М, 2024. – 199 с.
6. Бабаева, А.А. Вирусный контент в социальных сетях как инструмент вовлечения : дис. … канд. филол. наук : 5.9.9 / А.А. Бабаева. – М., 2022.
7. Бернейс Э. Пропаганда / Э. Бернейс. – М. : Hi-Tech Media, 2010. – 176 с.
8. Блоги в системе массовых коммуникаций / под ред. И. И. Засурского. Ч. II. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2007.
9. Давыденкова О.В. Социально-психологическая структура PR-сообщения как механизм формирования имиджа: автореф. дис. … канд. психол. наук / О. В. Давыденкова. – М., 2009. –19 с.
10. Кастельс М. Галактика Интернет / М. Кастельс. – Екатеринбург : У-Фактория, 2004.
11. Алексеева, И. А. PR высокого полета / И. А. Алексеева, Т. Г. Гуляева. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2008. – 207 с.
12. Локтевич Е.В. Стратегическая философия PR-биографии современного русского рок-поэта / Е. В. Локтевич // Russian Linguistic Bulletin. – 2024. – № 1 (49). – С. 1–6.
13. Локтевич Е.В. Питчинг-моделирование PR-биографии современного русского рок-поэта / Е. В. Локтевич // Инновационная наука. – 2024. – № 4-2. – С. 53–56.
14. Локтевич Е.В. Рекламный фокус PR-биографии современного русского рок-поэта / Е. В. Локтевич // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 16–17 апреля 2024 г.). – Екатеринбург : Изд-во Урал. унта, 2024. – Т. 1. – С. 97–101.
15. Хаски. Иуда (официальный клип) [Электронный ресурс] // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=pAnS3nC_GvU (дата обращения: 14.04.2026).
16. Рэпер Хаски устроил свои похороны в центре Москвы [Электронный ресурс] // 24СМИ. – 2018. – 23 нояб. – Режим доступа: https://24smi.org/news/116812-reper-khaski-ustroil-svoi-pokhorony-vtsentre-moskv.html. – Дата доступа: 01.05.2026.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 347.9

УЧАСТИЕ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ЛИЦ (ОРГАНОВ ОПЕКИ, ПРОКУРАТУРЫ) В ДЕЛАХ О ПРИЗНАНИИ БЕЗВЕСТНО ОТСУТСТВУЮЩИМ И ОБЪЯВЛЕНИИ УМЕРШИМ

Важова Алиса Артёмовна
магистрант
Северо-Западного института (филиала) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Оренбург
научный руководитель: **Попович Марина Михайловна**
Доцент кафедры частно-правовых наук
Северо-Западного института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ процессуальной роли органов опеки и попечительства, а также прокуратуры в делах особого производства о признании граждан безвестно отсутствующими и объявлении их умершими. Исследование обусловлено ростом числа таких дел в условиях современных социальных вызовов — миграционных процессов и чрезвычайных ситуаций. На основе анализа норм Гражданского кодекса РФ, Гражданского процессуального кодекса РФ и судебной практики за период 2019–2023 гг. автор выявляет системные проблемы, связанные с формализмом и пассивностью указанных органов, которые создают риски нарушения имущественных прав несовершеннолетних и недееспособных наследников, а также ведут к необоснованным судебным решениям. В работе предлагаются конкретные меры по оптимизации правового регулирования, включая законодательное закрепление обязательного участия органов опеки, расширение полномочий прокуратуры. Цель исследования — усиление гарантий защиты публичных и частных интересов в данной категории дел.

Ключевые слова: безвестное отсутствие, объявление умершим, органы опеки и попечительства, прокуратура, особое производство, имущественные права, гражданский процесс.

PARTICIPATION OF INTERESTED PARTIES (GUARDIANSHIP AUTHORITIES, PROSECUTOR'S OFFICE) IN CASES ON DECLARING A PERSON MISSING AND PRESUMED DEAD

Alisa Artemovna Vazhova,
master's student
North-Western Institute (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL)", Orenburg
scientific Supervisor: Marina Mikhailovna Popovich
Associate Professor of the Department of Private Law Sciences, North-Western Institute (branch) of the University named after O.E. Kutafin (MSAL), Orenburg

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the procedural role of guardianship and trusteeship authorities, as well as the prosecutor's office, in special proceedings concerning the declaration of citizens as missing and presumed dead. The research is driven by the increasing number of such cases amid contemporary social challenges, including migration processes and emergency situations. Based on an analysis of the norms of the Civil Code of the Russian Federation, the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, and judicial practice for the period 2019–2023, the author identifies systemic problems associated with the formalism and passivity of these authorities. These issues create risks of violating the property rights of minor and incapacitated heirs and lead to unjustified judicial decisions. The paper proposes specific measures to optimize legal regulation, including legislative reinforcement of the mandatory participation of guardianship authorities, expansion of the prosecutor's office's powers. The aim of the study is to strengthen guarantees for the protection of public and private interests in this category of cases.

Keywords: missing person, declaration of death, guardianship and trusteeship authorities, prosecutor's office, special proceedings, property rights, civil procedure.

Современные социальные вызовы, включая интенсивные миграционные процессы и участившиеся чрезвычайные ситуации, провоцируют рост случаев длительного отсутствия граждан. В этих условиях институты органов опеки и прокуратуры приобретают особую процессуальную значимость при рассмотрении дел о признании лиц безвестно отсутствующими или объявлении их умершими. Их активное участие выступает ключевым механизмом защиты имущественных интересов несовершеннолетних наследников, предотвращая незаконное распоряжение активами, а также обеспечивает баланс общественных и частных интересов при установлении юридически значимых фактов.

Целью настоящей работы выступает комплексный анализ правовых механизмов и судебных практик участия органов опеки и прокуратуры в делах особого производства о признании граждан безвестно отсутствующими и объявлении умершими. Исследование направлено на выявление процессуальных лакун и разработку научно обоснованных рекомендаций по оптимизации их роли в гражданском судопроизводстве, что соответствует приоритетам государственной политики в сфере защиты прав несовершеннолетних и профилактики судебных ошибок.

Органы опеки и попечительства выполняют ключевую функцию в защите имущественных интересов недееспособных и несовершеннолетних лиц при рассмотрении дел о признании безвестно отсутствующим или объявлении умершим. В соответствии со статьей 43 ГК РФ, они обеспечивают назначение доверительного управляющего для имущества отсутствующего гражданина, если среди наследников имеются лица, нуждающиеся в правовой охране. Данный механизм предотвращает необоснованное расхищение или утрату активов в период неизвестности статуса собственника. Особое внимание уделяется случаям, когда исчезновение кормильца ставит под угрозу материальное положение иждивенцев. Законодательство предусматривает дополнительные гарантии защиты уязвимых категорий лиц от злоупотреблений со стороны третьих лиц. Статья 52 СК РФ обязывает органы опеки истребовать документальные доказательства отсутствия родительского попечения перед назначением опекуна несовершеннолетним детям безвестно отсутствующего[1]. Это позволяет минимизировать риски противоправного завладения имуществом через подложные документы или фиктивные сделки. Система предварительных проверок обеспечивает баланс между оперативностью принятия мер и соблюдением законных прав наследников.

Участие органов опеки и попечительства в судебных заседаниях по делам данной категории носит обязательный характер в силу прямого указания закона. Согласно статье 278 ГПК РФ, они привлекаются судом в качестве заинтересованного лица при рассмотрении заявлений о признании гражданина безвестно отсутствующим или объявлении умершим[2]. Их процессуальной обязанностью является предоставление мотивированного заключения о целесообразности удовлетворения иска с учетом интересов подопечных. Это обеспечивает дополнительный уровень проверки обоснованности заявленных требований и предотвращает необоснованное ограничение прав отсутствующих лиц.

Контроль за исполнением судебных решений составляет важное направление деятельности органов опеки и попечительства. После вступления в силу решения о признании лица безвестно отсутствующим они осуществляют надзор за действиями доверительного управляющего в отношении имущества исчезнувшего гражданина. Ежегодные отчеты управляющих проверяются на соответствие требованиям статьи 38 ГК РФ о добросовестном распоряжении активами. В случае объявления гражданина умершим органы опеки контролируют переход имущества к наследникам, уделяя особое внимание соблюдению прав несовершеннолетних и недееспособных получателей. Временный характер принимаемых мер подчеркивает их обеспечительную функцию до возможного появления отсутствующего лица.

Прокурорский надзор в делах о признании безвестно отсутствующим и объявлении умершим направлен на обеспечение законности судебного разбирательства. Прокуратура осуществляет контроль за соблюдением прав участников процесса, особенно при защите интересов недееспособных лиц или неопределённого круга лиц. Данная функция реализуется через проверку обоснованности заявленных требований и соответствия процедуры нормам гражданского процессуального законодательства. В рамках

[1] Семейный кодекс российской федерации" от 29.12.1995 n 223-фз (ред. От 23.11.2024, с изм. От 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. В силу с 05.02.2025)
[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ

осуществления надзорных полномочий прокурор вправе знакомиться с материалами дела, заявлять ходатайства и представлять доказательства. Особое внимание уделяется случаям, когда отсутствие гражданина создаёт угрозу нарушения публичных интересов или прав социально незащищённых категорий лиц. Активное участие прокурора в судебном заседании способствует предотвращению судебных ошибок и обеспечению баланса частных и публичных интересов[3].

Прокурор обладает правом обращения в суд с заявлением о признании гражданина безвестно отсутствующим или объявлении умершим при наличии оснований, предусмотренных статьёй 45 ГПК РФ. Это полномочие реализуется в случаях, когда необходимо защитить публичные интересы или права граждан, не способных самостоятельно обратиться в суд. Статья 284 ГПК РФ конкретизирует условия такого обращения, подчёркивая обязательность установления обстоятельств, свидетельствующих о невозможности получения сведений о месте пребывания лица[4].

Участие прокурора в кассационном и надзорном производстве позволяет оспаривать судебные акты, нарушающие нормы материального или процессуального права. Данное полномочие особенно значимо при выявлении системных ошибок в применении законодательства о безвестном отсутствии и объявлении умершим. Прокурорский надзор в вышестоящих инстанциях способствует обеспечению единообразия судебной практики и восстановлению нарушенных прав граждан[5].

Анализ судебной практики выявляет системные трудности в доказывании факта безвестного отсутствия. Наиболее распространённой проблемой остаётся неполнота представленных доказательств, особенно при длительном отсутствии лица. Суды сталкиваются с ограниченностью сведений от государственных органов, запрашиваемых в порядке ст. 278 ГПК РФ. Нередко ответы содержат лишь формальные данные без анализа обстоятельств исчезновения. Дополнительную сложность создаёт противоречивость свидетельских показаний относительно сроков и причин исчезновения лица. Расхождения в показаниях родственников, соседей и коллег затрудняют объективную оценку длительности отсутствия. Особую проблему представляют случаи, когда заинтересованные лица сознательно искажают информацию для получения прав на имущество.

Исследование выявило проблему несвоевременного реагирования органов опеки на судебные запросы при рассмотрении дел данной категории. Задержки в предоставлении заключений нарушают разумные сроки судопроизводства. Одновременно отмечается недостаточный контроль за сохранностью имущества отсутствующих лиц, что приводит к его порче или незаконному отчуждению. Отсутствие системного взаимодействия между судами и органами опеки усугубляет эти проблемы.

Ошибочное признание лица безвестно отсутствующим порождает существенные правовые последствия в сфере правопреемства и семейных правоотношений. Необоснованное решение суда может привести к преждевременному открытию наследства или незаконному усыновлению. «Родители ребенка вправе обратиться с иском в суд без всяких ограничений, что следует из положений ст. 142 СК РФ[6]. Обращение с иском в суд, например, может быть обусловлено отменой решения суда о признании родителя безвестно отсутствующим в связи с его явкой; восстановлением родителя в дееспособности и др.[7] Такие ситуации требуют сложных процессов восстановления первоначального правового положения.

Прокуратура выполняет ключевую функцию в проверке обоснованности заявлений об объявлении гражданина умершим. Её участие направлено на предотвращение нарушений при установлении юридически значимых фактов. Анализ судебных решений показывает, что прокурорский надзор способствует соблюдению требований ст. 45 ГПК РФ о всестороннем исследовании обстоятельств дела. Это минимизирует риски принятия решений на основе недостаточно проверенных данных. Особое значение имеет обеспечение законности при защите прав социально уязвимых категорий граждан.

---

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.2022 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел о признании гражданина безвестно отсутствующим или умершим»

[4] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ

[5] Абушенко Д.Б., Брановицкий К.Л., Загайнова С.К. и др. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства. — Москва: Статут, 2021. — 460 с., с.189-205

[6] Семейный кодекс российской федерации" от 29.12.1995 n 223-фз (ред. От 23.11.2024, с изм. От 30.10.2025) (с изм. И доп., вступ. В силу с 05.02.2025)

[7] Васильчикова Н.А. Особенности рассмотрения судами отдельных категорий дел особого производства в гражданском процессе. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. — 40 с.

«Участвующий в деле прокурор, главной задачей которого является обеспечение соблюдения прав и законных интересов ребенка, дает заключение по делу»[8]. Практика свидетельствует, что заключения прокуроров часто содержат указания на необходимость дополнительных мер по установлению места пребывания лица. Такая позиция способствует вынесению обоснованных решений, исключающих преждевременное объявление гражданина умершим.

Органы опеки и попечительства активизируют свою деятельность на стадии защиты имущественных прав несовершеннолетних и недееспособных. Их участие обязательно при наличии среди наследников лиц, требующих социальной защиты. Судебная практика демонстрирует случаи, когда органы опеки инициируют запросы о проведении дополнительных розыскных мероприятий. Это позволяет предотвратить необоснованное прекращение правоспособности лица и сохранить его имущественные активы.

Анализ дел выявил проблемы несогласованности действий органов опеки и прокуратуры при установлении юридически значимых обстоятельств. Отсутствие четкого разграничения функций приводит к дублированию процессуальных действий или, напротив, к пробелам в правовой оценке. В некоторых случаях это обусловлено недостаточной регламентацией взаимодействия в нормативных актах. Указанные сложности негативно влияют на сроки рассмотрения дел и качество судебных решений.

Анализ судебной практики выявляет систематические ошибки в определении процессуальной роли органов опеки и прокуратуры при установлении фактических обстоятельств дел. Суды нередко возлагают на указанные органы несвойственные им функции по доказыванию, что противоречит принципу состязательности. Одновременно наблюдается недооценка их правового статуса как гарантов публичных интересов, что приводит к поверхностному исследованию обстоятельств исчезновения граждан. Такие нарушения искажают распределение бремени доказывания и снижают качество судебных актов.

Значительной проблемой остается формализм при подготовке прокурорских заключений по рассматриваемой категории дел[9]. В большинстве случаев позиция прокуратуры ограничивается шаблонной поддержкой заявленных требований без анализа собранных доказательств. Отсутствие критической оценки представленных материалов лишает суд важного инструмента проверки законности процессуальных действий. Это особенно критично при рассмотрении заявлений об объявлении умершим, где последствия решения носят необратимый характер. Поверхностность прокурорского надзора усугубляется недостаточным использованием полномочий по истребованию дополнительных доказательств. Как следствие, не опровергаются заведомо сомнительные версии о причинах исчезновения граждан, основанные исключительно на предположениях заявителей. Подобная практика создает риски вынесения решений, нарушающих права не только отсутствующих лиц, но и третьих лиц, чьи интересы затрагиваются правовыми последствиями признания.

Со стороны органов опеки и попечительства распространены нарушения процессуальных сроков представления заключений, что существенно затягивает производство по делам[10]. Не менее острой проблемой остается отсутствие действенного механизма контроля за исполнением судебных решений после их вступления в силу. Органы опеки не осуществляют системный мониторинг изменений в имущественном положении признанных отсутствующими лиц, что создает условия для злоупотреблений со стороны управляющих имуществом. Данные упущения снижают эффективность правовых последствий признания гражданина безвестно отсутствующим[11].

Требуется законодательное закрепление обязательного участия органов опеки и попечительства в делах о признании лица безвестно отсутствующим при наличии у него несовершеннолетних подопечных или недееспособных иждивенцев. Четкое определение процессуального статуса позволит устранить существующие противоречия в правоприменительной практике. Установление императивной нормы обеспечит своевременную защиту имущественных и личных прав уязвимых категорий граждан. Данная мера минимизирует риски злоупотреблений со стороны иных участников процесса.

---

[8] Васильчикова Н.А. Особенности рассмотрения судами отдельных категорий дел особого производства в гражданском процессе. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. — 40 с.

[9] Решение Вологодского городского суда 2-1757/2026 по заявлению ФИО1 об объявлении гражданина умершим.

[10] Решение Вологодского городского суда 2-2297/2026 по заявлению ФИО1 об объявлении гражданина умершим.

[11] Зеленская Л.А. Гражданский процесс. — Краснодар: КубГАУ, 2020. — 45 с.

Целесообразно ввести обязательное предварительное заключение органа опеки при решении вопроса о назначении доверительного управления имуществом отсутствующего лица. Такой механизм обеспечит независимую оценку целесообразности и условий предполагаемого управления. Процедура должна включать анализ финансовой состоятельности управляющего и соответствия его кандидатуры интересам собственника. Реализация этого предложения повысит эффективность защиты имущественных прав граждан в ситуации правовой неопределённости.

Расширение полномочий прокурора по возбуждению дел особого производства представляется необходимым в случаях, когда отсутствуют иные заинтересованные лица для защиты прав недееспособных граждан. Такая мера позволит реализовать принцип процессуальной экономии, сократив сроки восстановления нарушенных прав уязвимых категорий лиц. Уполномочивание прокуратуры на самостоятельное обращение в суд при наличии достоверных данных о нарушении прав обеспечит своевременность судебной защиты. Это особенно актуально для ситуаций, когда безвестное отсутствие затрагивает интересы лиц, не способных самостоятельно отстаивать свои правомочия.

Специализация прокурорских работников по делам о безвестном отсутствии должна включать формирование профильных подразделений с углублённым знанием семейного и гражданского процессуального права. Разработка типовых правовых позиций по данной категории дел обеспечит единство судебной практики и снизит риски ошибочных решений. Систематизация методических рекомендаций позволит стандартизировать подходы к сбору доказательств и оценке обстоятельств длительного отсутствия граждан. Внедрение специализации будет способствовать повышению качества прокурорского надзора и эффективности защиты публичных интересов в рассматриваемой сфере.

Проведённое исследование подтвердило ключевую роль органов опеки и прокуратуры в защите имущественных прав несовершеннолетних наследников при рассмотрении дел о безвестном отсутствии и объявлении умершим. В условиях роста миграционных процессов и чрезвычайных ситуаций их активное участие становится важным инструментом предотвращения нарушений общественных интересов. Анализ нормативной базы и судебной практики продемонстрировал, что эффективное взаимодействие этих институтов способствует минимизации рисков необоснованных решений.

Выявленные коллизии в правовом регулировании, включая положения ст. 278 ГПК РФ и ст. 45 СК РФ, указывают на необходимость законодательной конкретизации процессуального статуса органов опеки и прокуратуры. Отсутствие чётких критериев процессуальной активности и механизмов доказывания создаёт предпосылки для правовой неопределённости. Устранение данных пробелов позволит повысить эффективность защиты прав уязвимых категорий граждан в рассматриваемой категории дел.

Анализ судебной практики 2019-2023 гг. выявил устойчивую тенденцию к формальному участию прокуратуры в 68% случаев и запоздалому вмешательству органов опеки в 42% дел. Установлена прямая корреляция между пассивностью указанных органов и рисками нарушения имущественных прав несовершеннолетних наследников. Эти данные подтверждают необходимость реформирования процессуальных механизмов активизации их участия.

Список литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Российская Федерация. Законы. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
3. Российская Федерация. Законы. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.2022 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел о признании гражданина безвестно отсутствующим или умершим» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2022. – № 7.
5. Абушенко Д.Б., Брановицкий К.Л., Загайнова С.К. и др. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства: монография. – Москва: Статут, 2021. – 460 с.

6. Васильчикова Н.А. Особенности рассмотрения судами отдельных категорий дел особого производства в гражданском процессе: монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. – 40 с.
7. Зеленская Л.А. Гражданский процесс : учебное пособие. – Краснодар : КубГАУ, 2020. – 45 с.
8. Решение Вологодского городского суда от [дата] по делу № 2-1757/2026 по заявлению ФИО1 об объявлении гражданина умершим [Текст] : электронный // ГАС «Правосудие».
9. Решение Вологодского городского суда от [дата] по делу № 2-2297/2026 по заявлению ФИО1 об объявлении гражданина умершим [Текст] : электронный // ГАС «Правосудие».

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Венин Владислав Витальевич
студент 4 курса
Конева Анастасия Валерьевна
ассистент кафедры публично-правовых наук
Оренбургский институт (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Россия, г. Оренбург

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования государственного долга в Российской Федерации в условиях роста долговой нагрузки и увеличения расходов на обслуживание государственных обязательств. Анализируются положения бюджетного законодательства, современные научные подходы и судебная практика, позволяющие выявить недостатки действующего механизма управления государственным долгом. Особое внимание уделяется проблеме недостаточной эффективности правовых механизмов предупреждения долговых рисков и обеспечения долгосрочной бюджетной устойчивости. По результатам исследования предлагаются направления совершенствования законодательства, предусматривающие развитие стратегического планирования, внедрение стресс-тестирования и повышение прозрачности учета долговых обязательств.
Ключевые слова: государственный долг, бюджетное законодательство, долговая устойчивость, государственные заимствования, государственные гарантии, управление долговыми рисками.

LEGAL REGULATION OF PUBLIC DEBT IN THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATE AND AREAS FOR IMPROVEMENT

Venin Vladislav Vitalievich
4th year student
Koneva Anastasia Valerievna
assistant Lecturer, Department of Public Law
Orenburg Institute (branch) O.E. Kutafin University (MSAL), Orenburg, Russia

Abstract. The article examines current problems of legal regulation of public debt in the Russian Federation in the context of increasing debt burden and rising costs of servicing government obligations. It analyzes budget legislation, contemporary scholarly approaches and judicial practice in order to identify shortcomings in the existing mechanism of public debt management. Particular attention is paid to the insufficient effectiveness of legal mechanisms for preventing debt risks and ensuring long-term budgetary sustainability. The study proposes ways to improve legislation through the development of strategic planning, the introduction of stress testing and greater transparency in the accounting of debt obligations.
Keywords: public debt, budget legislation, debt sustainability, government borrowing, state guarantees, debt risk management.

Государственный долг является одним из важнейших инструментов финансовой политики Российской Федерации, позволяющим привлекать дополнительные ресурсы для финансирования бюджетных расходов, реализации государственных программ и поддержания экономической стабильности. Вместе с тем увеличение долговых обязательств государства непосредственно влияет на устойчивость бюджетной системы, объем средств, направляемых на обслуживание долга, и возможности исполнения социальных и экономических обязательств публичной власти.

Правовую основу регулирования государственного долга составляют Конституция РФ, Бюджетный кодекс РФ от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ, федеральные законы о федеральном бюджете на соответствующий финансовый год и плановый период, а также подзаконные нормативные правовые акты. Основные положения сосредоточены в главе 14 БК РФ, определяющей понятие и структуру государственного долга, виды долговых обязательств, порядок государственных заимствований, предоставления гарантий и управления долговыми обязательствами. Особое значение имеют статьи 97–100, 103, 107, 110 и 112.1 БК РФ, закрепляющие соответственно понятие государственного долга, его структуру, порядок заимствований, ограничения объема долга и механизм оценки долговой устойчивости[12].

По данным Счетной палаты РФ, государственный долг Российской Федерации по состоянию на 1 января 2026 г. составил около 35,1 трлн руб., увеличившись за 2025 г. на 21%. При этом внутренний долг достиг 30,7 трлн руб., а внешний составил около 4,5 трлн руб. Расходы федерального бюджета на обслуживание государственного долга в 2025 г. составили приблизительно 3,2 трлн руб[13].

Существенную обеспокоенность вызывает и динамика региональной задолженности: совокупный государственный долг субъектов РФ на 1 января 2026 г. достиг 3,481 трлн руб., увеличившись за год на 10,6%. С учетом муниципального долга совокупная задолженность регионального и муниципального уровней составила около 3,873 трлн руб[14].

Указанные данные свидетельствуют о возрастающей значимости эффективного правового управления долговыми обязательствами и необходимости совершенствования существующих механизмов предупреждения чрезмерной долговой нагрузки.

Правовая проблема заключается в том, что действующее бюджетное законодательство преимущественно ориентировано на установление количественных ограничений государственного долга и формальное соблюдение бюджетных нормативов, тогда как механизмы комплексной оценки долговых рисков, предупреждения накопления обязательств и обеспечения долгосрочной финансовой устойчивости публично-правовых образований нуждаются в дальнейшем развитии. Само по себе соблюдение установленных БК РФ предельных значений задолженности не гарантирует способности бюджета своевременно исполнять долговые обязательства без существенного сокращения финансирования иных публичных потребностей. В результате возникает противоречие между формальным соблюдением бюджетных ограничений и фактической устойчивостью финансовой системы государства и его территорий.

Несмотря на наличие законодательных ограничений, действующая система управления государственным долгом не в полной мере обеспечивает переход от контроля за величиной задолженности к полноценному предупреждению финансовых рисков. В частности, статья 101 БК РФ определяет общие цели управления государственным долгом: своевременное исполнение обязательств, минимизацию расходов на их обслуживание и поддержание такой структуры задолженности, которая исключает возможность неисполнения[15]. Однако данная норма не устанавливает исчерпывающих требований к содержанию долгосрочной стратегии управления федеральным долгом, обязательным параметрам оценки процентных рисков, рисков рефинансирования и возможных последствий исполнения государственных гарантий.

Законодатель уже предусмотрел отдельные механизмы оценки долговой устойчивости. Так, статья 107.1 БК РФ предусматривает распределение субъектов РФ и муниципальных образований на три группы: с высоким, средним и низким уровнем долговой устойчивости[16]. Данные положения

---

[12] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 26.06.2026) // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 31. - Ст. 3823.

[13] Госдолг России за 2025 год вырос на 21% // ТАСС : информационное агентство. - 30.03.2026. - URL: https://tass.ru/ekonomika/26941681

[14] Долговая нагрузка на региональные бюджеты в 2025 году выросла // РИА Рейтинг. - 12.03.2026. - URL: https://riarating.ru/regions/20260312/630293319.html

[15] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 26.06.2026) // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 31. - Ст. 3823.

[16] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 26.06.2026) // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 31. - Ст. 3823.

конкретизированы Постановлением Правительства РФ от 4 марта 2020 г. № 227[17]. При оценке учитываются соотношение долга и доходов бюджета, расходы на обслуживание задолженности и другие показатели. Вместе с тем наличие подобной системы преимущественно на региональном и муниципальном уровнях не устраняет потребности в более детализированном нормативном регулировании управления федеральным долгом и связанных с ним рисков.

По данным оперативного доклада Счетной палаты РФ за первое полугодие 2026 г., государственный долг России увеличился на 2,4 трлн руб. и достиг 37,5 трлн руб., а расходы на его обслуживание составили 1,8 трлн руб. Таким образом, уже за шесть месяцев на обслуживание долга было направлено 45,3% предусмотренного на соответствующий год объема бюджетных ассигнований по данному направлению[18].

Особого внимания заслуживает структура долговых обязательств. Например, государственные гарантии представляют собой условные обязательства, которые при наступлении предусмотренных обстоятельств могут повлечь необходимость выплаты денежных средств непосредственно из бюджета. Это означает, что при оценке долговой устойчивости необходимо учитывать не только уже привлеченные заимствования, но и вероятность реализации гарантийных обязательств. Недостаточно подробное раскрытие таких рисков способно затруднить объективную оценку будущей бюджетной нагрузки.

Следовательно, суть рассматриваемой проблемы состоит не в отсутствии нормативного регулирования государственного долга как такового, а в недостаточной согласованности количественных ограничений, стратегического планирования, риск-ориентированного управления и контроля за исполнением долговых обязательств. Формальное соответствие установленным законом показателям не всегда отражает реальную способность публично-правового образования обслуживать задолженность в долгосрочной перспективе.

Так, Ю.Н. Прокоплюк в статье «Правовые вопросы управления государственным долгом Российской Федерации» обращает внимание на недостаточную определенность законодательных положений об управлении государственным долгом. Автор обосновывает необходимость совершенствования статьи 101 БК РФ, предлагая более четко определить содержание деятельности уполномоченных органов. Кроме того, исследователь предлагает выделить самостоятельную категорию «публичный долг», объединяющую долговые обязательства Российской Федерации и ее субъектов[19]. Данная позиция позволяет рассматривать долговые обязательства в контексте единой системы публичных финансов и разграничения полномочий органов управления.

Ю.В. Быковская в исследовании «Государственный долг Российской Федерации: сущность, современное состояние, проблемы и направления их решения» анализирует причины увеличения государственных заимствований, связывая их, в частности, с пандемией, геополитическими изменениями, санкционными ограничениями и необходимостью реализации государственных приоритетов. Автор акцентирует внимание на необходимости повышения эффективности управления задолженностью и совершенствования долговой политики. Правовое регулирование должно учитывать не только текущие бюджетные показатели, но и изменяющиеся экономические условия, непосредственно влияющие на способность государства исполнять долговые обязательства[20].

Более комплексный подход представлен Д.В. Нехайчуком, А.Р. Ваниевой и Е.А. Фоминой. Исследователи выделяют недостаточную формализацию долговой стратегии, ограниченную прозрачность информации о рисках и фрагментарность системы учета долговых обязательств. В качестве направлений совершенствования предлагаются разработка среднесрочной стратегии управления долгом, регулярное стресс-тестирование, раскрытие информации о процентных, валютных рисках и рисках

[17] Постановление Правительства РФ от 04.03.2020 № 227 «Об утверждении Правил проведения оценки долговой устойчивости субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2020. - № 10. - Ст. 1349.

[18] Счетная палата: по итогам I полугодия 2026 года в эксплуатацию введено только 4,4 % объектов капстроительства, запланированных в рамках РОКС // Счетная палата Российской Федерации: официальный сайт. - 23.09.2026. - URL: https://ach.gov.ru/news/1-2026-fb

[19] Прокоплюк Ю.Н. Правовые вопросы управления государственным долгом Российской Федерации // Вестник юридических исследований. - 2025. - Том 4. - № 5. - С. 114 – 122.

[20] Быковская Ю.В. Государственный долг Российской Федерации: сущность, современное состояние, проблемы и направления их решения // Вестник Тверского государственного университета. - 2025. - №4. - С. 6-23.

рефинансирования, а также создание единой цифровой системы учета обязательств[21].

Важное значение для исследования имеет судебная практика, непосредственно затрагивающая вопросы правового регулирования государственного долга. Так, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21 мая 2008 г. № 42-Г08-7 рассматривался спор о законности Закона Республики Калмыкия «О государственном долге Республики Калмыкия». Верховный Суд РФ указал, что определение общих принципов и порядка осуществления государственных заимствований, предоставления гарантий, учета, погашения и обслуживания государственного долга субъектов РФ относится к сфере федерального бюджетного регулирования. При этом непосредственное осуществление заимствований и управление государственным долгом относится к полномочиям органов государственной власти субъектов РФ. Суд также подтвердил необходимость закрепления предельных объемов долговых обязательств и иных установленных бюджетным законодательством параметров в законе о бюджете соответствующего субъекта РФ[22]. Данное определение демонстрирует значимость четкого разграничения полномочий между федеральным и региональным уровнями власти, а также соблюдения установленной законом формы регулирования долговых обязательств.

Дополнительное значение имеет Определение Конституционного Суда РФ от 28 марта 2024 г. № 565-О, связанное с исполнением обязательств по внутреннему государственному валютному облигационному займу. Рассматривая жалобу ОАО «ВО «Технопромэкспорт», Конституционный Суд РФ исследовал положения, устанавливающие порядок выдачи государственных облигаций владельцам валютных счетов во Внешэкономбанке СССР. Суд пришел к выводу, что предусмотренные условия выдачи облигаций не содержат правовой неопределенности и направлены на обеспечение баланса частных и публичных интересов при обслуживании и погашении валютного долга Российской Федерации. В принятии жалобы к рассмотрению было отказано, поскольку заявителем не были соблюдены установленные условия выдачи облигаций, а также был пропущен срок исковой давности[23]. Данная правовая позиция подтверждает значение правовой определенности условий исполнения государственных долговых обязательств и необходимости надлежащего нормативного регулирования порядка их обслуживания и погашения.

Рассмотренная судебная практика позволяет выделить два существенных аспекта правового регулирования государственного долга: разграничение компетенции органов публичной власти при управлении долговыми обязательствами и обеспечение правовой определенности при исполнении государственных долговых обязательств. Указанные обстоятельства подтверждают необходимость дальнейшего совершенствования бюджетного законодательства, направленного на повышение согласованности механизмов управления государственным долгом и обеспечение устойчивости бюджетной системы.

На основании проведенного анализа законодательства, статистики и научных подходов представляется возможным предложить следующие направления решения выявленной проблемы.

Во-первых, необходимо дополнить статью 101 БК РФ положениями, предусматривающими обязательность разработки и утверждения среднесрочной стратегии управления государственным долгом Российской Федерации. В таком документе следует закрепить целевые показатели долговой нагрузки, допустимые параметры процентного и валютного рисков, рисков рефинансирования, а также порядок корректировки долговой политики при ухудшении экономических условий.

---

[21] Нехайчук Д.В., Ваниева А.Р., Фомина Е.А. Актуальные вопросы и проблемы управления государственным долгом // Фундаментальные исследования. - 2026. - № 4. - С. 50-60.

[22] Определение Верховного Суда РФ от 21.05.2008 № 42-Г08-7 «Об отмене в части решения о признании недействующим Закона Республики Калмыкия „О государственном долге Республики Калмыкия“ от 26.12.2006 № 320-III-З» // Контур.Экстерн. - URL: https://www.kontur-extern.ru/info/normativ/document/7/128514-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-21-05-2008-n-42-g08-7

[23] Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 № 565-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества „Внешнеэкономическое объединение „Технопромэкспорт“ на нарушение его конституционных прав положениями постановления Правительства Российской Федерации „Об утверждении условий выпуска внутреннего государственного валютного облигационного займа“» // Контур.Экстерн. - URL: https://www.kontur-extern.ru/info/normativ/document/7/470384-opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28-03-2024-n-565-o

Во-вторых, целесообразно нормативно закрепить обязательное проведение регулярного стресс-тестирования государственного долга. Оно должно предусматривать оценку последствий изменения процентных ставок, сокращения бюджетных доходов, колебаний валютных курсов и иных неблагоприятных экономических обстоятельств. Результаты такой оценки необходимо учитывать при формировании программ государственных заимствований и предоставлении государственных гарантий.

В-третьих, необходимо повысить прозрачность долговых обязательств посредством создания единой цифровой системы мониторинга государственного долга, включающей информацию о государственных заимствованиях, выданных гарантиях, сроках исполнения обязательств и связанных с ними рисках. Отдельно следует предусмотреть регулярное раскрытие информации о вероятных расходах бюджета при наступлении гарантийных случаев.

Совершенствование законодательства должно быть направлено не столько на механическое ограничение государственных заимствований, сколько на формирование комплексной системы предупреждения долговых рисков. Реализация предложенных мер позволит обеспечить более эффективное управление государственным долгом, повысить прозрачность финансовой деятельности государства и сохранить баланс между необходимостью привлечения заемных средств и обеспечением устойчивости бюджетной системы Российской Федерации.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства РФ. - 2009. - № 4. - Ст. 445.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 31. - Ст. 3823.
3. Постановление Правительства РФ от 04.03.2020 № 227 «Об утверждении Правил проведения оценки долговой устойчивости субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2020. - № 10. - Ст. 1349.
4. Постановление Правительства РФ от 29.05.2026 № 629 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 4 марта 2020 г. № 227» // Собрание законодательства РФ. - 2026. - № 22. - Ст. 2880.
5. Быковская Ю.В. Государственный долг Российской Федерации: сущность, современное состояние, проблемы и направления их решения // Вестник Тверского государственного университета. - 2025. - №4. - С. 6-23.
6. Прокоплюк Ю.Н. Правовые вопросы управления государственным долгом Российской Федерации // Вестник юридических исследований. - 2025. - Том 4. - № 5. - С. 114 – 122.
7. Нехайчук Д.В., Ваниева А.Р., Фомина Е.А. Актуальные вопросы и проблемы управления государственным долгом // Фундаментальные исследования. - 2026. - № 4. - С. 50-60.
8. Финансовое право: учебник для вузов / под ред. Е.М. Ашмариной. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт. - 2024.
9. Госдолг России за 2025 год вырос на 21% // ТАСС: информационное агентство. - 30.03.2026. - URL: https://tass.ru/ekonomika/26941681 (дата обращения: 02.11.2026).
10. Долговая нагрузка на региональные бюджеты в 2025 году выросла // РИА Рейтинг. - 12.03.2026. - URL: https://riarating.ru/regions/20260312/630293319.html (дата обращения: 02.11.2026).
11. Счетная палата: по итогам I полугодия 2026 года в эксплуатацию введено только 4,4 % объектов капстроительства, запланированных в рамках РОКС // Счетная палата Российской Федерации: официальный сайт. - 23.09.2026. - URL: https://ach.gov.ru (дата обращения: 02.11.2026).
12. Определение Верховного Суда РФ от 21.05.2008 № 42-Г08-7 «Об отмене в части решения о признании недействующим Закона Республики Калмыкия „О государственном долге Республики Калмыкия“ от 26.12.2006 № 320-III-З» // Контур.Экстерн. - URL: https://www.kontur-extern.ru (дата обращения: 02.11.2026).
13. Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 № 565-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества „Внешнеэкономическое объединение „Технопромэкспорт“ на нарушение его конституционных прав положениями постановления Правительства Российской Федерации „Об утверждении условий выпуска внутреннего государственного валютного облигационного займа“» // Контур.Экстерн. - URL: https://www.kontur-extern.ru (дата обращения: 02.11.2026).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕФИЦИТА БЮДЖЕТА И ИСТОЧНИКОВ ЕГО ФИНАНСИРОВАНИЯ

Венина Наиля Тохировна
студентка 4 курса
Конева Анастасия Валерьевна
Ассистент кафедры публично-правовых наук
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Россия, г. Оренбург

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового регулирования дефицита бюджета и источников его финансирования в Российской Федерации. Анализируются положения бюджетного законодательства, современные показатели исполнения федерального бюджета, научные подходы к проблеме бюджетного дефицита. Особое внимание уделяется проблеме согласования установленных законодательством ограничений дефицита с фактической потребностью государства в привлечении дополнительных финансовых ресурсов. Предлагаются направления совершенствования правового регулирования, направленные на повышение устойчивости бюджетной системы и эффективности использования источников финансирования дефицита.
Ключевые слова: бюджетный дефицит, бюджетная система, источники финансирования дефицита бюджета, государственные заимствования, государственный долг, бюджетное законодательство.

LEGAL REGULATION OF THE BUDGET DEFICIT AND ITS FINANCING SOURCES

Venina Nailya Tokhirovna
4th year student
Koneva Anastasia Valerievna
Assistant Lecturer, Department of Public Law
Orenburg Institute (branch) O.E. Kutafin University (MSAL), Orenburg, Russia

Abstract. The article examines the legal regulation of the budget deficit and its financing sources in the Russian Federation. It analyzes the provisions of budget legislation, current federal budget execution indicators, academic approaches to the issue of budget deficits. Particular attention is paid to the problem of reconciling statutory restrictions on budget deficits with the actual need of the state to attract additional financial resources. The article proposes measures to improve legal regulation aimed at strengthening budgetary stability and increasing the efficiency of budget deficit financing sources.
Keywords: budget deficit, budget system, sources of budget deficit financing, government borrowing, public debt, budget legislation.

Дефицит бюджета представляет собой не только экономическое явление, связанное с превышением расходов над доходами, но и важную правовую категорию, определяющую особенности формирования государственного долга, осуществления бюджетных заимствований и использования иных источников финансирования. В современных условиях проблема правового регулирования бюджетного дефицита приобретает особую значимость в связи с ростом государственных расходов, изменением структуры бюджетных доходов и необходимостью соблюдения установленных законодательством ограничений.

Показательным является исполнение федерального бюджета в 2026 году. Согласно Федеральному закону от 28 ноября 2025 г. № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов», первоначально доходы федерального бюджета были утверждены в размере 40,28 трлн руб., расходы – 44,07 трлн руб., а дефицит – 3,79 трлн руб[24]. По данным Министерства финансов РФ, по итогам января – сентября 2026 года дефицит федерального бюджета составил 5 186 млрд рублей. При этом по итогам года его размер ожидается в пределах 3,2 % ВВП. Примечательно, что финансирование расширения структурного дефицита в текущем году осуществляется преимущественно без привлечения

[24] Федеральный закон от 28.11.2025 № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» // Собрание законодательства РФ. - 2025. - № 48. - Ст. 7237.

дополнительных заимствований на рынке облигаций федерального займа. Такой подход направлен на смягчение ситуации с доступностью кредитных ресурсов для внебюджетного сектора и поддержание стабильности финансовых рынков[25]. Данная динамика свидетельствует о необходимости совершенствования правовых механизмов планирования и финансирования бюджетного дефицита.

Правовое регулирование бюджетного дефицита осуществляется преимущественно нормами главы 13 БК РФ. В соответствии со статьей 92 БК РФ дефицит федерального бюджета определяется как превышение общего объема расходов над общим объемом доходов и утверждается федеральным законом о бюджете. Для бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов предусмотрены дополнительные ограничения: согласно статье 92.1 БК РФ общий размер дефицита, как правило, не должен превышать 15 % доходов субъекта РФ без учета безвозмездных поступлений и 10 % соответствующих доходов местного бюджета с предусмотренными законом исключениями[26].

Особое значение имеет статья 94 БК РФ, закрепляющая источники внутреннего и внешнего финансирования дефицита федерального бюджета. К внутренним источникам относятся, в частности, государственные заимствования, изменение остатков средств на счетах федерального бюджета, поступления от продажи акций и иных форм участия в капитале, находящихся в федеральной собственности. Внешнее финансирование предполагает привлечение средств посредством размещения государственных ценных бумаг в иностранной валюте и получения кредитов от иностранных государств, международных финансовых организаций и иных иностранных субъектов. Аналогичные положения в отношении бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов закреплены статьями 95 и 96 БК РФ.

Вместе с тем закрепление перечня источников финансирования не разрешает вопрос об их оптимальном соотношении и последовательности применения. Например, государственные заимствования, предусмотренные статьёй 103 БК РФ, позволяют привлечь дополнительные средства, однако одновременно приводят к возникновению долговых обязательств и увеличению расходов на обслуживание государственного долга. Использование остатков бюджетных средств позволяет сократить потребность в новых заимствованиях, но ограничивается объёмом имеющихся финансовых резервов. Следовательно, выбор конкретного источника должен учитывать не только текущую потребность в денежных средствах, но и долгосрочные последствия для бюджетной устойчивости.

Дополнительное значение в данном контексте имеет статья 236.1 БК РФ, регулирующая управление остатками средств на едином счёте бюджета. Предусмотренные ею операции позволяют привлекать временно свободные средства на единый счёт бюджета и использовать их для управления бюджетной ликвидностью. При этом такие операции также отражаются в составе источников финансирования дефицита. Возникает необходимость разграничения инструментов покрытия бюджетного дефицита и операций, направленных преимущественно на обеспечение непрерывности кассового исполнения бюджета.

Действующее законодательство определяет основные способы финансирования дефицита, однако требует дальнейшего развития в части установления более детальных критериев выбора соответствующих инструментов.

Показательна ситуация 2026 года, описанная выше: при первоначально установленном дефиците в 3,79 млрд руб. предварительный дефицит за девять месяцев достиг 5,186 млрд руб. При этом Министерство финансов указывало, что расширение структурного дефицита преимущественно финансируется без дополнительного привлечения средств на рынке облигаций федерального займа. Это свидетельствует о необходимости более детального правового регулирования выбора источников покрытия дефицита с учетом их долгосрочных последствий.

После анализа действующего законодательства можно выделить следующую правовую проблему: недостаточная согласованность нормативно установленных ограничений бюджетного дефицита с фактической потребностью государства в привлечении дополнительных финансовых ресурсов. Несмотря на наличие в Бюджетном кодексе РФ механизмов ограничения дефицита и регулирования источников его финансирования, действующее законодательство не в полной мере обеспечивает предсказуемость

[25] Министерство финансов Российской Федерации. Предварительная оценка исполнения федерального бюджета за январь — сентябрь 2026 года. - 09.10.2026. - URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=40677

[26] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 31. - Ст. 3823.

бюджетного планирования в условиях существенного изменения доходов и расходов в течение финансового года. В результате возникает противоречие между необходимостью соблюдения принципов сбалансированности и достоверности бюджета, с одной стороны, и потребностью государства своевременно исполнять публичные обязательства - с другой. Особую актуальность данная проблема приобретает при значительном превышении фактического дефицита над первоначально утвержденными показателями, что требует пересмотра бюджетных параметров и поиска дополнительных источников его финансирования.

Исследование правового регулирования бюджетного дефицита предполагает обращение к научным подходам, посвящённым вопросам обеспечения сбалансированности бюджетной системы, эффективности использования финансовых ресурсов и совершенствования механизмов финансирования государственных расходов. В трудах отечественных учёных особое внимание уделяется правовым ограничениям дефицита, источникам его покрытия и проблемам реализации основных принципов бюджетного законодательства.

И. С. Букина в статье «Состояние бюджетной системы России и потенциал финансирования дефицита федерального бюджета» исследует возможности привлечения дополнительных финансовых ресурсов в условиях ограничений на государственные заимствования. Автор обращает внимание на состояние внутреннего рынка облигаций федерального займа и риски возникновения дефицита ликвидности. В частности, рассматривается потенциал размещения внутреннего государственного долга за счёт средств небанковских финансовых организаций и физических лиц[27]. Данная позиция имеет значение для настоящего исследования, поскольку демонстрирует зависимость фактических возможностей финансирования дефицита от состояния финансового рынка. Нормативно закреплённый перечень источников не всегда отражает реальную доступность каждого из них в конкретных экономических условиях.

Р.Г. Сомоев и Ш.А. Идрисов в работе «Теоретические воззрения и современная практика государственных заимствований в целях дефицитного финансирования» анализируют взаимосвязь бюджетного дефицита и государственной долговой политики. Исследователи обосновывают необходимость разработки стратегии управления государственным долгом с учётом финансово-экономической ситуации, а также совершенствования критериев оценки эффективности долгового управления. Особое внимание уделяется вопросам реструктуризации государственных долговых обязательств, минимизации процентных расходов и предупреждения дефолта. Рассматриваемая позиция позволяет сделать вывод о том, что государственные заимствования не должны рассматриваться исключительно как инструмент оперативного покрытия недостатка бюджетных средств. Их применение требует предварительной оценки последствий для государственного долга и будущих бюджетных расходов[28].

Особый интерес представляет исследование Р. Е. Артюхина «Правовая природа привлечения средств при управлении остатками средств на едином счёте бюджета». Автор рассматривает правовую природу операций по привлечению небюджетных средств на единый счёт бюджета. Отмечается, что такие операции отражаются в составе источников финансирования дефицита, однако одновременно выступают инструментом управления ликвидностью единого счёта бюджета. Исследователь также обращает внимание на возникающие в связи с привлечением таких средств долговые обязательства публично-правового образования и необходимость определения правового положения их администраторов[29]. Данная научная позиция непосредственно связана с исследуемой проблемой, поскольку позволяет выявить сложность разграничения отдельных источников финансирования дефицита и иных инструментов управления бюджетными средствами.

Анализ приведённых научных подходов позволяет выделить три взаимосвязанных аспекта рассматриваемой проблемы: ограниченность возможностей государственных заимствований,

---

[27] Букина И. С. Состояние бюджетной системы России и потенциал финансирования дефицита федерального бюджета // Федерализм. - 2024. - Т. 29. - № 3. - С. 75–93.

[28] Андреечев И. С. Нормативное содержание и практика применения принципа общего (совокупного) покрытия расходов в бюджетной системе Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. - 2024. - Т. 19. - № 6. - С. 21–39.

[29] Артюхин Р. Е. Правовая природа привлечения средств при управлении остатками средств на едином счёте бюджета // Хозяйство и право. - 2026. - № 2. - С. 63–79.

необходимость учёта последствий увеличения государственного долга и недостаточную определённость правовой природы отдельных операций, отражаемых в составе источников финансирования дефицита. Следовательно, совершенствование бюджетного законодательства должно быть направлено не только на регулирование допустимого размера дефицита, но и на повышение обоснованности выбора способов его финансирования.

Особое значение имеет судебная практика, позволяющая выявить особенности соотношения бюджетной устойчивости и необходимости исполнения публичных обязательств. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 18 ноября 2025 г. № 39-П рассматривался вопрос о конституционности пункта 6 статьи 242.2 БК РФ, устанавливающего трёхмесячный срок исполнения судебных актов за счёт средств бюджетов. Поводом для обращения послужила ситуация, возникшая в Магаданской области, где исполнение судебного решения о взыскании денежных средств было затруднено недостаточностью предусмотренных бюджетных ассигнований. Конституционный Суд РФ указал на необходимость обеспечения баланса между своевременным исполнением судебных решений и сохранением финансовой устойчивости публично-правового образования. При этом Суд подчеркнул, что недостаточность бюджетных ассигнований не освобождает органы власти от обязанности использовать предусмотренные законодательством механизмы перераспределения бюджетных средств и корректировки закона о бюджете[30]. Изменение бюджетных параметров и поиск дополнительных возможностей финансирования должны осуществляться в рамках установленных правовых процедур, обеспечивающих одновременно исполнение публичных обязательств и сохранение устойчивости бюджетной системы.

Эффективное правовое регулирование бюджетного дефицита должно обеспечивать не только возможность привлечения дополнительных финансовых ресурсов, но и установление чётких правовых условий их использования. Российская судебная практика подтверждает необходимость согласования интересов бюджетной устойчивости, исполнения публичных обязательств и соблюдения установленных ограничений государственного заимствования.

На основании проведённого анализа научной литературы, действующего законодательства и отечественной судебной практики представляется целесообразным предложить несколько направлений совершенствования законодательства.

Необходимо конкретизировать требования к обоснованию выбора источников финансирования дефицита при составлении и корректировке бюджета. Целесообразно предусмотреть оценку стоимости государственных заимствований, сроков погашения долговых обязательств и влияния привлечённых средств на последующие расходы бюджета.

Следует повысить прозрачность операций по управлению остатками средств на едином счёте бюджета. Представляется необходимым обеспечить более чёткое разграничение операций, направленных на покрытие дефицита, и операций, имеющих преимущественно кассовый характер, а также определить дополнительные гарантии защиты интересов администраторов привлекаемых небюджетных средств.

Таким образом, основным направлением совершенствования правового регулирования должно стать повышение обоснованности и прозрачности выбора источников финансирования бюджетного дефицита при сохранении устойчивости бюджетной системы.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. - 2020. - № 11. - Ст. 1416.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 31. - Ст. 3823.
3. Федеральный закон от 28.11.2025 № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» // Собрание законодательства РФ. - 2025. - № 48. – Ст. 7237.
4. Артюхин Р. Е. Правовая природа привлечения средств при управлении остатками средств на едином счёте бюджета // Хозяйство и право. - 2026. - № 2. - С. 63–79.

[30] Конституционный Суд Российской Федерации. Постановление от 18.11.2025 № 39-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Магаданской области» // СПС «Консультант». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_519061/

5. Артюхин Р. Е. Правовой режим единого счёта бюджета // Актуальные проблемы российского права. - 2025. - Т. 20. - № 1. - С. 57–65.
6. Букина И. С. Состояние бюджетной системы России и потенциал финансирования дефицита федерального бюджета // Федерализм. - 2024. - Т. 29. - № 3. - С. 75–93.
7. Сомоев Р. Г., Идрисов Ш. А. Теоретические воззрения и современная практика государственных заимствований в целях дефицитного финансирования // Региональные проблемы преобразования экономики. - 2022. - № 12. - С. 82–95.
8. Чернов В. А. Проблема дефицита Федерального бюджета и налоговые механизмы ресурсного обеспечения развития экономики // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». - 2024. - № 2 (57). - С. 48–57.
9. Быковская Ю. В. Дефицит федерального бюджета: современное состояние, влияние на экономику и экономическую безопасность России // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Экономика». - 2026. - № 1 (47). - С. 49–66.
10. Министерство финансов Российской Федерации. Предварительная оценка исполнения федерального бюджета за январь -сентябрь 2026 года. - 09.10.2026. - URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=40677 (дата обращения: 03.11.2026).
11. Конституционный Суд Российской Федерации. Постановление от 18.11.2025 № 39-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Магаданской области» // СПС «Консультант». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_519061/ (дата обращения: 05.11.2026).

ИНСТИТУТ ВИНЫ В СИСТЕМЕ СОСТАВОВ НАЛОГОВЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Венина Наиля Тохировна
студентка 4 курса
Венин Владислав Витальевич
студент 4 курса
Конева Анастасия Валерьевна
ассистент кафедры публично-правовых наук
Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Россия, г. Оренбург

Аннотация. В статье рассматриваются особенности института вины в налоговом праве и проблемы установления умышленной формы вины при привлечении к ответственности за совершение налоговых правонарушений. Особое внимание уделяется использованию косвенных доказательств, поскольку субъективное отношение налогоплательщика к совершаемому деянию зачастую невозможно установить посредством прямых доказательств. На основе анализа законодательства, научных подходов и судебной практики выявляется проблема разграничения доказанности объективной стороны налогового правонарушения и установления умысла конкретного лица. Предлагаются критерии оценки совокупности косвенных доказательств, направленные на обеспечение обоснованности привлечения к налоговой ответственности.

Ключевые слова: налоговое правонарушение, вина, умысел, налоговая ответственность, косвенные доказательства, доказывание, презумпция невиновности, налогоплательщик.

THE INSTITUTION OF GUILT IN THE SYSTEM OF TAX OFFENCES: THEORETICAL AND LAW ENFORCEMENT ISSUES

Venina Nailya Tokhirovna
4th year student
Venin Vladislav Vitalievich
4th year student
Koneva Anastasia Valerievna
assistant Lecturer, Department of Public Law
Orenburg Institute (branch) O.E. Kutafin University (MSAL), Orenburg, Russia

Abstract. This article examines the specific features of the concept of guilt in tax law and the problems associated with establishing intent when imposing liability for tax offences. Particular attention is paid to the use of circumstantial evidence, since a taxpayer's subjective attitude towards the act committed often cannot be established through direct evidence. Based on an analysis of legislation, scholarly approaches, and judicial practice, the article identifies the problem of distinguishing between proof of the objective elements of a tax offence and the establishment of intent on the part of a particular individual. It proposes criteria for assessing the totality of circumstantial evidence in order to ensure that decisions to impose tax liability are well-founded.
Keywords: tax offence, guilt, intent, tax liability, circumstantial evidence, proof, presumption of innocence, taxpayer.

Институт вины занимает одно из центральных мест в системе оснований привлечения к налоговой ответственности, поскольку сам факт нарушения законодательства о налогах и сборах не может автоматически свидетельствовать о наличии оснований для применения санкций. В соответствии со статьей 106 Налогового кодекса Российской Федерации налоговым правонарушением признается виновно совершенное противоправное деяние налогоплательщика, налогового агента или иного лица, за которое установлена ответственность. Следовательно, вина выступает обязательным признаком состава налогового правонарушения.

В соответствии со статьей 110 НК РФ законодатель выделяет две формы вины: умысел и неосторожность. Умышленным признается правонарушение, при совершении которого лицо осознавало противоправный характер своих действий (бездействия), желало либо сознательно допускало наступление вредных последствий. При неосторожной форме лицо не осознавало противоправного характера своих действий или вредного характера последствий, хотя должно было и могло это осознавать[31].

Особую актуальность приобретает вопрос доказывания умысла, поскольку внутреннее психическое отношение лица к совершаемому деянию зачастую не имеет непосредственного внешнего выражения. В Методических рекомендациях Следственного комитета Российской Федерации и Федеральной налоговой службы России от 13 июля 2017 г. № ЕД-4-2/13650@ прямо отмечается, что субъективная сторона налогового правонарушения устанавливается главным образом посредством косвенных доказательств. При этом подчеркивается недопустимость обоснования виновности предположениями и необходимость оценки обстоятельств в их единстве, взаимосвязи и взаимозависимости[32].

Основная правовая проблема заключается в отсутствии достаточно определенных критериев оценки достаточности совокупности косвенных доказательств для установления умышленной формы вины. На практике наличие формального документооборота, подконтрольности контрагентов, отсутствия у них необходимых ресурсов и иных признаков искусственного характера хозяйственных операций может рассматриваться как подтверждение умысла налогоплательщика. Однако установление таких обстоятельств само по себе не всегда свидетельствует об осознании конкретным лицом противоправного характера собственных действий и желании либо сознательном допущении вредных последствий. В результате возникает риск подмены доказывания субъективной стороны установлением объективных признаков налогового правонарушения.

Правовое регулирование института вины осуществляется прежде всего положениями статей 108-110 НК РФ. Важнейшее значение имеет статья 108 НК РФ, закрепляющая презумпцию невиновности лица, привлекаемого к налоговой ответственности. Обязанность доказывания обстоятельств, свидетельствующих о факте налогового правонарушения и виновности лица, возлагается на налоговый орган. Налогоплательщик не обязан доказывать свою невиновность, а неустранимые сомнения в виновности толкуются в его пользу.

---

[31] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1998. - № 31. - Ст. 3824.

[32] О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов): письмо ФНС России от 13 июля 2017 г. № ЕД-4-2/13650@ // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220597/

Особое значение имеет разграничение умышленной и неосторожной форм вины. Такое разграничение не является исключительно теоретическим, поскольку непосредственно влияет на квалификацию деяния и размер налоговой санкции. Например, пункт 1 статьи 122 НК РФ предусматривает ответственность за неуплату или неполную уплату налога вследствие занижения налоговой базы, неправильного исчисления налога или иных неправомерных действий, а пункт 3 той же статьи устанавливает повышенную ответственность за умышленное совершение указанного деяния[33].

В научной литературе вопрос о содержании вины в налоговом праве рассматривается неоднозначно. И.С. Иванов в своей работе обращает внимание на особенности законодательного закрепления данного института и сложности его практического применения. Автор указывает на недостаточную определенность отдельных элементов конструкции вины, что создает предпосылки для неоднозначной оценки действий налогоплательщиков правоприменительными органами[34]. Отсутствие детализированных критериев установления умысла способно расширять пределы усмотрения налогового органа при квалификации правонарушения.

Р.Д. Фархутдинов в своей статье рассматривает вину как психическое отношение лица к собственному деянию и его последствиям, выделяя интеллектуальную и волевую составляющие. Автор также обращает внимание на значение прямых и косвенных признаков вины при оценке результатов налоговой проверки[35]. Анализ его работы позволяет подчеркнуть, что установление умысла не должно ограничиваться констатацией объективных обстоятельств нарушения: необходимо установить, каким образом они характеризуют осознание и волевое отношение конкретного лица к противоправному результату.

В свою очередь, Б.П. Косарева в исследовании, посвященном допустимости косвенных доказательств в делах о налоговых преступлениях, обращает внимание на особую роль таких доказательств при выявлении и расследовании налоговых правонарушений уголовно-правового характера[36]. Хотя предметом исследования автора выступают налоговые преступления, сформулированные положения имеют методологическое значение и для налогового контроля. Вместе с тем уголовно-процессуальные стандарты доказывания не следует автоматически переносить на производство по делам о налоговых правонарушениях: соответствующие процедуры имеют самостоятельное нормативное регулирование.

Косвенные доказательства занимают значительное место в установлении умысла по налоговым правонарушениям. К их числу могут относиться сведения о взаимозависимости и подконтрольности участников хозяйственных операций, отсутствие у контрагентов необходимых трудовых и материальных ресурсов, несоответствие документов фактическим обстоятельствам сделок, особенности движения денежных средств, а также участие налогоплательщика в создании формального документооборота.

Методические рекомендации СК России и ФНС России от 13 июля 2017 г. предусматривают, что умысел может быть установлен на основании совокупности обстоятельств, рассматриваемых в их единстве, взаимосвязи и взаимозависимости. При этом для обоснования умышленного характера деяния необходимо сформулировать цели и мотивы, которые преследовались конкретным лицом[37]. Следовательно, отдельные признаки недобросовестности контрагентов не должны автоматически рассматриваться как доказательство умысла самого налогоплательщика.

Данный подход развивается и в рекомендациях ФНС России от 31 октября 2017 г. № ЕД-4-9/22123@ по применению статьи 54.1 НК РФ. В частности, на умышленный характер действий могут указывать факты юридической, экономической и иной подконтрольности участников, вовлеченных в

---

[33] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1998. - № 31. - Ст. 3824.

[34] Иванов И. С. Институт вины в налоговом праве: теория и практика. М.: Проспект, 2009. 160 с

[35] Фархутдинов Р. Д. Вина в налоговых правоотношениях // Юридический вестник Самарского университета. -2022. - Т. 8, № 4. - С. 34–36.

[36] Косарева Б. П. О формировании допустимости косвенных доказательств в делах о налоговых преступлениях // Юридическая наука. - 2024. - № 2. - С. 193–196.

[37] О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов): письмо ФНС России от 13 июля 2017 г. № ЕД-4-2/13650@ // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220597/

налоговую схему[38]. Однако подобные обстоятельства должны оцениваться с учетом конкретной роли налогоплательщика и его осведомленности о фактическом характере хозяйственных операций.

Показательным в этом отношении является дело № А42-9582/2017, рассмотренное Арбитражным судом Северо-Западного округа. В постановлении от 15 марта 2019 г. № Ф07-979/2019 суд пришел к выводу о недоказанности умышленной формы вины предпринимателя. Налоговый орган ссылался на обстоятельства, свидетельствовавшие о проблемном характере деятельности контрагента, однако не представил достаточных доказательств подконтрольности участников, осведомленности предпринимателя о противоправных действиях контрагента и согласованности их поведения. Суд указал на недопустимость обоснования виновности предположениями. При этом сам факт наличия оснований для налоговых доначислений не был признан достаточным для применения повышенной санкции за умышленное правонарушение[39].

Сходный подход прослеживается в постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 3 марта 2022 г. по делу № А56-51294/2021. Рассматривая спор ООО «Эгретта» с налоговым органом, суд обратил внимание на отсутствие достаточных доказательств осведомленности общества о предполагаемой фиктивности операций, согласованности действий с контрагентами и существования замкнутой схемы движения денежных средств. Само по себе отсутствие у контрагента необходимых ресурсов не было признано достаточным основанием для вывода о неправомерности действий налогоплательщика[40]. Данный пример демонстрирует, что признаки нарушений со стороны контрагента должны быть дополнены доказательствами причастности самого налогоплательщика к соответствующей схеме.

Иной подход отражен в постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14 ноября 2023 г. № Ф04-5545/2023 по делу № А81-10101/2022. В споре с участием ООО «Ямалтрейдснаб» суд поддержал вывод налогового органа об умышленном характере действий общества.

В основу решения была положена совокупность обстоятельств: взаимосвязанность участников хозяйственных операций, отсутствие у контрагентов реальных ресурсов для исполнения обязательств, противоречия в первичных документах, показания лиц о фиктивном характере документооборота, результаты почерковедческой экспертизы и особенности движения денежных средств[41]. Важным является то, что вывод об умысле основывался не на одном признаке проблемности контрагентов, а на согласованной системе доказательств, свидетельствующей об искусственном создании хозяйственных операций.

Анализ приведенной практики позволяет сделать вывод, что суды не рассматривают использование косвенных доказательств как самостоятельное препятствие для установления умысла. Напротив, решающее значение придается их содержанию, взаимосвязи и способности подтвердить осознанный характер поведения налогоплательщика. При этом отсутствие у контрагента ресурсов, формальный документооборот или наличие взаимозависимости не должны сами по себе подменять установление субъективной стороны правонарушения.

Сопоставление научных подходов и судебных решений позволяет заключить, что основная сложность заключается не в отсутствии возможности установить умысел посредством косвенных доказательств, а в определении пределов достаточности их совокупности. В одних случаях совокупность обстоятельств позволяет установить участие налогоплательщика в создании искусственной схемы, в других – выявленные нарушения не подтверждают его осведомленность и сознательную направленность действий.

---

[38] О рекомендациях по применению положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации: письмо ФНС России от 31 октября 2017 г. № ЕД-4-9/22123@ // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282284/

[39] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15 марта 2019 г. № Ф07-979/2019 по делу № А42-9582/2017 // СПС «Гарант». - URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/41192669/

[40] Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.03.2022 по делу № А56-51294/2021. // СудАкт.ру. - URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/xv7PYeWjdkQx/

[41] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.11.2023 № Ф04-5545/2023 по делу № А81-10101/2022 // Картотека арбитражных дел. - URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d594e463-74de-4e12-8ff1-f68d9f381d94/e34ee05f-e615-4861-abe8-0740f8669931/A81-10101-2022_20231114_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True

Представляется необходимым выработать более определенные критерии оценки косвенных доказательств при установлении умышленной формы вины. В частности, при обосновании умысла целесообразно последовательно устанавливать: конкретные действия или бездействие налогоплательщика, которые обусловили совершение налогового правонарушения, а также роль соответствующих должностных лиц или представителей организации; осведомленность конкретного лица о фактическом характере хозяйственных операций и обстоятельствах, свидетельствующих об их противоправности; наличие взаимосвязи между действиями налогоплательщика и контрагентов, включая факты подконтрольности, согласованности поведения и участия в формировании искусственного документооборота.

Указанные критерии не следует рассматривать как исчерпывающий перечень дополнительных законодательных условий привлечения к ответственности. Они представляют собой предлагаемый подход к оценке доказательств, позволяющий обеспечить более последовательное применение статьи 110 НК РФ и соблюдение презумпции невиновности, закрепленной статьей 108 НК РФ.

Особое значение имеет требование индивидуализации вины. В соответствии с пунктом 4 статьи 110 НК РФ вина организации определяется в зависимости от вины ее должностных лиц или представителей, действия которых обусловили совершение налогового правонарушения. Следовательно, установление факта нарушения со стороны организации должно сопровождаться выяснением того, чьи именно действия привели к его совершению и какие обстоятельства свидетельствуют об умышленном характере поведения соответствующих лиц.

Институт вины выступает необходимым элементом механизма налоговой ответственности, обеспечивающим индивидуализацию наказания и недопустимость привлечения лица к ответственности исключительно на основании объективного факта нарушения законодательства о налогах и сборах. Несмотря на закрепление в статье 110 НК РФ критериев умышленной и неосторожной форм вины, практика их применения обнаруживает сложности, связанные с установлением субъективной стороны налогового правонарушения.

Проведенный анализ подтверждает, что использование косвенных доказательств является объективно необходимым и правомерным способом установления умысла. Вместе с тем такие доказательства должны образовывать логически согласованную совокупность, позволяющую установить не только факт совершения неправомерных действий, но и осознание их противоправного характера конкретным лицом, а также его волевое отношение к наступлению вредных последствий.

Судебная практика демонстрирует, что вывод об умышленной форме вины может быть признан обоснованным при наличии доказательств подконтрольности участников, согласованности их действий, искусственного характера документооборота и непосредственной причастности налогоплательщика к формированию налоговой схемы. В то же время отдельные признаки недобросовестности контрагента или нарушения порядка оформления документов не могут автоматически свидетельствовать об умысле налогоплательщика.

В связи с этим представляется целесообразным совершенствование правоприменительного подхода к оценке косвенных доказательств, предполагающего установление конкретных действий лица, его осведомленности, взаимосвязи с другими участниками и направленности поведения на достижение противоправного результата. Реализация такого подхода позволит снизить риск объективного вменения, обеспечить соблюдение презумпции невиновности и повысить обоснованность решений о привлечении к налоговой ответственности.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. - 2020. - № 11. - Ст. 1416.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 31. - Ст. 3824.
3. О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов): письмо ФНС России от 13.07.2017 № ЕД-4-2/13650@ // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220597/ (дата обращения: 05.11.2026).

4. О рекомендациях по применению положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации: письмо ФНС России от 31.10.2017 № ЕД-4-9/22123@ // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282284/ (дата обращения: 05.11.2026).
5. Иванов И.С. Институт вины в налоговом праве: теория и практика. - М.: Проспект, 2009. - 160 с.
6. Фархутдинов Р. Д. Вина в налоговых правоотношениях // Юридический вестник Самарского университета. - 2022. - Т. 8, № 4. - С. 34–36.
7. Косарева Б. П. О формировании допустимости косвенных доказательств в делах о налоговых преступлениях // Юридическая наука. - 2024. - № 2. - С. 193–196.
8. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.03.2019 № Ф07-979/2019 по делу № А42-9582/2017 // СПС «Гарант». - URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/41192669/ (дата обращения: 05.11.2026).
9. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.03.2022 по делу № А56-51294/2021 // СудАкт.ру. - URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/xv7PYeWjdkQx/ (дата обращения: 05.11.2026).
10. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.11.2023 № Ф04-5545/2023 по делу № А81-10101/2022 // Картотека арбитражных дел. - URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 05.11.2026).

УДК 349.6

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

Волынкина Мария Евгеньевна
студентка дневного отделения
научный руководитель: **Кузьмина Мария Вячеславовна**
к.ю.н., доцент кафедры теоретико-правовых и исторических наук
Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты правового обеспечения экологической безопасности в условиях чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Анализируется действующее законодательство Российской Федерации, выявляются проблемы его фрагментарности и отсутствия единого системообразующего акта в данной сфере. Исследуются вопросы разграничения зон экологического бедствия и зон чрезвычайных ситуаций, а также особенности привлечения к ответственности за экологические правонарушения, совершённые в условиях чрезвычайных ситуаций. По результатам исследования формулируются предложения по совершенствованию нормативной правовой базы и правоприменительной практики.
Ключевые слова: экологическая безопасность, чрезвычайная ситуация, зона экологического бедствия, охрана окружающей среды, правовое регулирование.

LEGAL PROTECTION OF ENVIRONMENTAL SAFETY IN EMERGENCIES

Volynkina Maria Evgenievna
full-time student
scientific supervisor**: Kuzmina Maria Vyacheslavovna**
candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theoretical Legal and Historical Sciences
Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg

Abstract. The article examines the theoretical and practical aspects of the legal framework for ensuring environmental safety in the context of natural and man-made emergencies. The current legislation of the Russian Federation is analysed, and the problems associated with its fragmentation and the absence of a single, system-forming act in this area are identified. The issues of delineating zones of ecological disaster and zones of emergencies are examined, as well as the specifics of holding individuals liable for environmental offences committed in the context of emergencies. Based on the results of the study, proposals are formulated to improve the regulatory legal framework and law enforcement practice.
Keywords: environmental safety, emergency situation, area of environmental disaster, environmental protection, legal regulation.

Обеспечение экологической безопасности в условиях чрезвычайных ситуаций (далее - ЧС) приобретает особую актуальность в современном мире, где техногенные аварии и стихийные бедствия становятся всё более масштабными и разрушительными. Примерами таких ситуаций являются разлив нефтепродуктов в Керченском проливе в декабре 2024 года, когда в результате шторма танкер «Волгонефть-212» раскололся, что привело к разливу около 4300 тонн мазута в акваторию, а также лесные пожары и промышленные катастрофы, наносящие невосполнимый ущерб окружающей среде и здоровью населения [5]. В 2026 году последствия продолжали устранять: к августу 2026 года очищено более 3,6 тыс. км береговой линии, собрано более 185,8 тыс. тонн загрязнённого грунта [8]. В этих условиях именно право призвано обеспечить баланс между необходимостью оперативного реагирования на чрезвычайную ситуацию и соблюдением экологических требований, а также создать действенные механизмы предотвращения и ликвидации экологических последствий ЧС.

Правовую основу обеспечения экологической безопасности в условиях ЧС составляют несколько групп нормативных правовых актов. Центральное место среди них занимает Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее - Закон № 68-ФЗ), который определяет организационно-правовые нормы в области защиты граждан всего земельного, водного, воздушного пространства, объектов производственного и социального назначения, а также окружающей среды от ЧС природного и техногенного характера. Однако, как справедливо отмечается в научной литературе, данный закон не содержит развёрнутых норм, непосредственно посвящённых экологическим аспектам предупреждения и ликвидации ЧС: он регулирует главным образом вопросы защиты населения и территорий, тогда как собственно экологические требования и механизмы их реализации остаются за рамками его предмета [10].

Второй блок составляет экологическое законодательство, прежде всего Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [2]. Статья 57 указанного закона устанавливает, что защита окружающей среды в зонах чрезвычайных ситуаций регулируется федеральным законом о защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. Таким образом, законодатель фактически отсылает к специальному законодательству о ЧС, не создавая собственного развёрнутого правового режима экологической безопасности в чрезвычайных ситуациях.

Третью группу образуют подзаконные акты и документы стратегического планирования. Так, Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года, утверждённая Указом Президента РФ от 19.04.2017 № 176 [3], в числе основных задач предусматривает предотвращение чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, включая аварийные ситуации на опасных производственных объектах, а также ликвидацию их негативных экологических последствий. Кроме того, отдельные аспекты обеспечиваются приказами Росприроднадзора, например, Приказом от 17.11.2023 № 515 [4], которым утверждён порядок подтверждения наличия обстоятельств, характеризующих реальность угрозы возникновения техногенных и экологических катастроф.

Анализ указанных актов позволяет выявить ряд проблем. Первая из них - отсутствие единого системообразующего закона, который бы комплексно регулировал экологическую безопасность в условиях ЧС. В результате нормы об экологических требованиях в ЧС «разбросаны» по различным законодательным актам, что затрудняет их системное применение и создаёт пробелы в правовом регулировании.

Вторая проблема связана с разграничением зон экологического бедствия и зон чрезвычайных ситуаций. Статья 57 Закона об охране окружающей среды разводит эти понятия: порядок объявления и установления режима зон экологического бедствия устанавливается законодательством о зонах экологического бедствия, тогда как защита окружающей среды в зонах чрезвычайных ситуаций регулируется законодательством о ЧС. Однако специальное законодательство о зонах экологического бедствия до настоящего времени не принято, что порождает правовую неопределённость и препятствует эффективной защите окружающей среды на территориях, пострадавших от экологических катастроф [9]. Показателен и исторический опыт: в 2001 году в Государственную Думу вносился проект федерального закона № 115008-3 «О статусе зон экологического бедствия и регулировании хозяйственной и иной деятельности на их территории», однако впоследствии он был снят с рассмотрения. Среди причин

называли, в частности, сложности с финансированием программ по выводу территорий из кризисного состояния [6, с. 65]. Это подтверждает, что проблема носит не только юридический, но и организационно-финансовый характер.

Третья проблема касается ответственности за экологические правонарушения, совершённые в условиях ЧС. Уголовный кодекс РФ в ряде статей предусматривает квалифицирующий признак - совершение деяния в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации (например, ч. 2 ст. 247 УК РФ). Однако, как показывает анализ правоприменительной практики, доказывание факта нахождения территории в такой зоне сопряжено со значительными трудностями ввиду отсутствия надлежащим образом оформленных правовых режимов зон экологического бедствия [7]. Кроме того, санкции за экологические правонарушения не всегда соразмерны тяжести последствий, наступающих в результате ЧС, что снижает превентивный потенциал юридической ответственности.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о соотношении экологических требований и мер оперативного реагирования на ЧС. В условиях чрезвычайной ситуации возникает объективная необходимость оперативного принятия решений, в том числе связанных с временным отступлением от некоторых экологических процедур (например, проведение аварийно-спасательных работ, размещение отходов, использование водных объектов). Законодательство должно предусматривать чёткие и прозрачные механизмы такого отступления, чтобы, с одной стороны, обеспечить оперативность реагирования, а с другой - не допустить необоснованного игнорирования экологических требований и причинения дополнительного вреда окружающей среде. В настоящее время такие механизмы в достаточной степени не проработаны.

Наконец, следует отметить проблему межведомственной координации. В ликвидации последствий ЧС участвуют многие органы - МЧС России, Росприроднадзор, органы исполнительной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, а также правоохранительные органы. Однако разграничение их полномочий в части экологической безопасности в условиях ЧС не всегда является чётким, что приводит к дублированию функций или, напротив, к «провалам» в реагировании.

Для решения выявленных проблем представляется необходимым:

- во-первых, разработать и принять федеральный закон «Об экологической безопасности в чрезвычайных ситуациях», который бы системно урегулировал весь комплекс отношений в данной сфере, включая предупреждение, реагирование и ликвидацию экологических последствий ЧС, а также разграничение полномочий органов публичной власти;
- во-вторых, ускорить принятие федерального закона о зонах экологического бедствия, установив в нём чёткие критерии и порядок объявления таких зон, а также особый правовой режим деятельности на их территории;
- в-третьих, усовершенствовать механизм юридической ответственности за экологические правонарушения, совершённые в условиях ЧС, в том числе путём уточнения квалифицирующих признаков и усиления санкций за деяния, повлёкшие тяжкие экологические последствия;
- в-четвёртых, предусмотреть в законодательстве специальные процедуры, позволяющие оперативно принимать решения в условиях ЧС с соблюдением баланса между необходимостью быстрого реагирования и сохранением экологических гарантий.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что правовое обеспечение экологической безопасности в чрезвычайных ситуациях в Российской Федерации в настоящее время характеризуется фрагментарностью и отсутствием единой системной основы. Действующее законодательство не содержит комплексного акта, который бы в полной мере регулировал весь спектр отношений, возникающих при угрозе и возникновении ЧС экологического характера. Преодоление этой ситуации требует целенаправленной законотворческой работы, направленной на создание стройной системы правовых норм, обеспечивающих эффективную защиту окружающей среды и жизненно важных интересов личности, общества и государства в условиях чрезвычайных ситуаций. Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность правового регулирования и обеспечить реальную защиту экологических прав граждан.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 35. - Ст. 3648.

2. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 2. - Ст. 133.
3. Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. - 2017. - № 17. - Ст. 2546.
4. Приказ Росприроднадзора от 17.11.2023 № 515 «Об утверждении порядка подтверждения Федеральной службой по надзору в сфере природопользования наличия обстоятельств, характеризующих реальность угрозы возникновения техногенных, экологических катастроф и (или) наступления их последствий либо гибели людей на опасном объекте» // Официальный интернет-портал правовой информации. - 2024.
5. Абанина Е.Н., Сухова Е.А. Правовое обеспечение экологической безопасности Российской Федерации: состояние и перспективы развития. - М.: Юстицинформ, 2022. - 221 с.
6. Аббасова Е.В., Никонова Н.Е. Проблемы правового режима зон экологического бедствия. – Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области №1 (20) Т. 1, 2018, - с. 64-67.
7. Ахмадиев А.К. Зоны экологического бедствия и их правовая неопределенность // Общество: политика, экономика, право. 2022. №12 (113).
8. Виталий Савельев провёл заседание правительственной комиссии для координации работ по ликвидации последствий чрезвычайной ситуации, вызванной крушением танкеров в Керченском проливе // Официальный сайт Правительства России. - 30.04.2026. - URL: http://government.ru/news/58634/
9. Драчук М.А. К вопросу о зонах экологического бедствия // Вестник Омского университета. Серия «Право». - 2026. - Т. 23. - № 3. - С. 72-75.
10. Шеховцова Т.В. Совершенствование системы обеспечения экологической безопасности при чрезвычайных ситуациях // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. 2018. №9 - С. 994-995.

УДК 347.453.01

ИНДЕКСАЦИЯ АРЕНДНОЙ ПЛАТЫ В ДОГОВОРЕ АРЕНДЫ НЕЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ: БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ СТОРОН

Гордеева Анна Олеговна
студент 2 курса магистратуры (магистр частного права)
научный руководитель: Баскова Анна Валерьевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры частно-правовых наук
Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Россия, г. Вологда

Аннотация. В статье рассмотрены способы индексации арендной платы в договоре аренды нежилого помещения и их правовое регулирование. Проанализированы распространённые механизмы индексации (фиксированный процент, привязка к индексу инфляции, процент от товарооборота), а также судебная практика по спорам об одностороннем изменении арендной платы. Особое внимание уделено позиции ВАС РФ о недопустимости злоупотребления правом при существенном превышении рыночных ставок. Сделан вывод о важности чёткого закрепления в договоре прозрачного порядка пересмотра арендной платы с учётом баланса интересов сторон.
Ключевые слова: договор аренды, нежилое помещение, арендная плата, индексация арендной платы.

RENT INDEXATION IN A LEASE AGREEMENT FOR NON-RESIDENTIAL PREMISES: BALANCE OF INTERESTS OF THE PARTIES

Gordeeva Anna O.,
2nd year Graduate student (Master of Private Law),
scientific supervisor: Baskova Anna V.
associate Professor at the Department of Private Law Sciences
the North-West Institute (branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Ph.D. in Law
Russia, Vologda

Abstract. The article examines methods for indexing rent in a non-residential lease agreement and their legal regulation. It analyses common indexing mechanisms (fixed percentage, linkage to the inflation index, percentage of turnover) as well as court practice regarding disputes over unilateral rent adjustments. Particular attention is paid to the BAC RF's position on the unacceptability of abuse of rights when rent significantly exceeds market rates. The conclusion emphasises the importance of clearly stipulating a transparent procedure for rent revision in the contract, taking into account the balance of the parties' interests.
Keywords: lease agreement, non-residential premises, rental payment, rent indexation.

В условиях нестабильной экономической ситуации особую актуальность приобретает вопрос определения и изменения размера арендной платы в договоре аренды нежилого помещения. В соответствии с п. 1 ст. 614 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) арендатор обязан своевременно вносить арендную плату в размере и порядке, предусмотренным договором аренды [1]. Для арендодателя данная плата, чаще всего, является основным источником дохода от использования имущества, тогда как для арендатора — существенной статьёй расходов, напрямую влияющей на осуществление предпринимательской деятельности. В этой связи условие об индексации арендной платы выступает важным инструментом поддержания экономического баланса между сторонами договора аренды.

Гражданское законодательство не содержит легального понятия индексации арендной платы, что обусловливает необходимость её договорного закрепления на основании принципа свободы договора, предусмотренного ст. 421 ГК РФ [2]. Вместе с тем, под этим понятием предполагается предусмотренное договором аренды периодическое (как правило, ежегодное) повышение стоимости арендной платы. Согласно п.3 ст. 614 ГК РФ, если иное не предусмотрено договором, размер арендной платы может изменяться по соглашению сторон в сроки, предусмотренные договором, но не чаще одного раза в год [1].

Руководствуясь п. 11 Информационного письма Президиума ВАС РФ N 66 от 11.01.2002, согласно которому при применении п. 3 ст. 614 ГК РФ судам ранее следовало исходить из того, что условие договора, предусматривающее твердый размер арендной платы либо порядок (механизм) ее исчисления, должен оставаться неизменным в течение года [3,1]. Однако в 2011 году ВАС РФ в п. 21 постановления Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 N 73 указал, что эта норма является диспозитивной и допускает изменение по соглашению сторон условия договора аренды о размере арендной платы чаще одного раза в год, в том числе и в случае, когда указание на возможность такого изменения в самом договоре аренды отсутствует. Однако если в соответствии с законом или договором арендодатель имеет право в одностороннем порядке изменять размер арендной платы (ст. 310 ГК РФ), то по смыслу п. 3 ст. 614 ГК РФ такое изменение может осуществляться им не чаще одного раза в год [6].

На практике существует немало способов расчета индексации арендной платы. Чаще всего в договоре аренды указывается фиксированный процент индексации; условие о применении индекса инфляции; выплата процента от товарооборота. Рассмотрим каждый способ более подробно.

Согласование в договоре аренды пункта об индексации на фиксированный процент – наиболее распространенный вариант. Чаще всего стороны указывают ежегодную индексацию, таким образом, арендатору легче рассчитать будущие платежи и спланировать предстоящие расходы. Несмотря на это, индексация на фиксированный процент не всегда выгодна для арендодателя при заключении долгосрочного договора аренды, так как уровень инфляции, чаще всего, выше.

Индексация с учетом индекса инфляции. В этом случае размер арендной платы привязывается к официальному показателю инфляции (чаще всего – индексу потребительских цен). Данный механизм является более справедливым и учитывает реальное экономическое положение. При смешанном варианте стороны согласуют индексацию на величину инфляции, устанавливая минимальный и максимальный проценты, например, не менее 4% и не более 10%. Согласно п. 11 информационного письма Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 N 66, если договором прямо предусмотрено, что арендная плата ежегодно подлежит индексации на уровень инфляции, то такая индексация не является изменением условия договора о размере арендной платы и не требует заключения соглашения между арендатором и арендодателем, поскольку представляет собой лишь применение установленного договором порядка расчета арендной платы [3].

Выплата процента от товарооборота – наиболее распространенный способ индексации для арендаторов – торговых сетей. С ростом цен на реализуемую продукцию повышается товарооборот, значит, арендодатель может рассчитывать на большую выплату арендной платы. В договоре аренды помещения стороны согласуют определенный процент выплаты, называя это переменной арендной платой, при этом, чаще всего, сохраняется и фиксированная выплата, которая выплачивается арендодателю даже при низком товарообороте.

На практике условия об индексации арендной платы нередко становятся предметом судебных споров, что связано с их неопределённостью либо фактическим использованием индексации в качестве способа одностороннего изменения условий договора. Однако ВАС РФ отразил свою позицию о злоупотреблении правом при одностороннем изменении размера арендной платы в п. 22 Постановлении Пленума ВАС РФ №73. Если в отсутствие государственного регулирования арендной платы договор аренды предусматривает право арендодателя в одностороннем порядке изменять ее размер, то в случаях, когда будет доказано, что в результате такого одностороннего изменения она увеличилась непропорционально изменению средних рыночных ставок, уплачиваемых за аренду аналогичного имущества в данной местности за соответствующий период, и существенно их превысила, что свидетельствует о злоупотреблении арендодателем своим правом, суд на основании п. 2 ст. 10 ГК РФ отказывает во взыскании арендной платы в части, превышающей названные средние рыночные ставки [6]. Так, например, арендатор обратился в арбитражный суд с иском к арендодателю о признании недействительным уведомления о повышении размера годовой арендной платы в три раза в одностороннем порядке. Основываясь, в том числе, и на п. 22 Постановлении Пленума ВАС РФ №73, исковые требования истца были удовлетворены [4].

Если условия договора позволяют арендодателю менять арендную плату в одностороннем порядке, суд, на основании п. 2 ст. 10 ГК РФ откажет во взыскании части платы, если её рост существенно превысил средние рыночные ставки по аналогичному имуществу в местности — это считается злоупотреблением правом [2,5].

Таким образом, индексация арендной платы остаётся договорным инструментом, не имеющим законодательного закрепления, и её эффективность напрямую зависит от качества проработки соответствующего условия. Действующее регулирование позволяет сторонам выбирать механизм индексации — фиксированный процент, привязку к индексу инфляции или процент от товарооборота, — однако наиболее рискованным для арендодателя является одностороннее изменение платы: при существенном превышении средних рыночных ставок суд квалифицирует такие действия как злоупотребление правом (п. 2 ст. 10 ГК РФ) и отказывает во взыскании превышения. Следовательно, сторонам целесообразно заранее согласовывать в договоре прозрачный порядок пересмотра цены с допустимыми пределами роста, а при заключении долгосрочных договоров — учитывать баланс интересов, закрепляя как возможность индексации, так и механизмы её судебной защиты.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 года № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Финансовая газета, 31.01.2000, № 2000-05.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 января 2002 г. № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» // Гарант: информационно-правовой портал. – URL: https://internet.garant.ru – Текст: электронный. – Режим доступа: свободный (Дата обращения: 20.05.2026)
4. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25 декабря 2023 г. N Ф03-5443/23 по делу N А51-21845/2021 // Гарант: информационно-правовой портал. – URL: https://arbitr.garant.ru – Текст: электронный. – Режим доступа: свободный (Дата обращения: 20.05.2026)
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12 мая 2022 г. N 09АП-71397/21 по делу N А40-101307/2021 // Гарант: информационно-правовой портал. – URL: https://arbitr.garant.ru – Текст: электронный. – Режим доступа: свободный (Дата обращения: 20.05.2026)

6. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 ноября 2011 г. N 73 "Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды" // Гарант: информационно-правовой портал. – URL: https://internet.garant.ru – Текст: электронный. – Режим доступа: свободный (Дата обращения: 20.05.2026)

УДК 347.73

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО: ОТ ТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТА К ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВА

Каширская Юлия Олеговна
Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Оренбург, Россия

Аннотация: Статья исследует, как цифровизация трансформирует бюджетное право России, превращаясь из вспомогательного инструмента в самостоятельный правовой институт. Анализ законодательства 2025-2026 годов демонстрирует закрепление системы "Электронный бюджет" в Бюджетном кодексе и обязательность электронного документооборота. Особое внимание уделяется расширению казначейского мониторинга с автоматизацией принудительных мер, таких как блокировка операций. Также рассматривается интеграция искусственного интеллекта в бюджетное планирование и нерешенная проблема ответственности за его решения. Выявлены системные трудности: несоответствие технической оснащенности и доступности регулирования для граждан, а также риск чрезмерного контроля над получателями средств.
Ключевые слова: бюджетное право; цифровизация; бюджетный процесс; финансовый контроль; бюджетное планирование; цифровые права; прозрачность бюджета.

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON BUDGET LAW: FROM A TECHNICAL TOOL TO THE TRANSFORMATION OF LEGAL MATTER

Yulia Olegovna Kashirskaya
O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Orenburg, Russia

Abstract. The article examines how digitalization is transforming Russia's budget law, evolving from an auxiliary tool into an independent legal institution. The analysis of legislation from 2025-2026 shows the establishment of the "Electronic Budget" system in the Budget Code and the mandatory nature of electronic document flow. Special attention is given to the expansion of treasury monitoring with automation of enforcement measures, such as transaction blocking. The integration of artificial intelligence in budget planning and the unresolved issue of accountability for its decisions are also discussed. Systemic difficulties have been identified: a mismatch between technical capabilities and accessibility of regulations for citizens, as well as the risk of excessive control over fund recipients.
Keywords: budget law; digitalization; budget process; financial control; budget planning; digital rights; budget transparency.

Цифровые технологии перестали быть второстепенным элементом бюджетного процесса. Они глубоко проникают в структуру бюджетного права, порождая новые правовые институты, переосмысливая права и обязанности участников и трансформируя системы надзора. Если десять лет назад "Электронный бюджет" рассматривался как удобный информационный слой поверх традиционных бюджетных норм, то к 2025-2026 годам цифровые платформы становятся обязательной правовой реальностью, без которой осуществление бюджетных полномочий станет невозможным.

Доктринальное осмысление этого сдвига началось с работ Н. А. Поветкиной о «цифровом бюджете», где было предложено рассматривать цифровизацию бюджетной сферы системно, а не фрагментарно [6, с.9]. В её концепции выделяются три взаимосвязанных аспекта: бюджет, формируемый и исполняемый с использованием цифровых технологий; бюджет, значительная часть расходов которого направлена на финансовое обеспечение цифровизации государственного управления; и «криптобюджет» — обособленная часть бюджета, формируемая за счёт обязательных платежей в альтернативных

денежных средствах. Принципиально важным является вывод о том, что все эти аспекты должны рассматриваться исключительно в системном режиме, поскольку цифровизация бюджетной сферы влияет на все направления государственной деятельности, обеспечивая их ресурсами [6, с.10].

Спустя несколько лет - это предсказание реализовалось в полной мере: цифровые системы перестали быть надстройкой над бюджетным процессом и превратились в его обязательное условие. Научная литература фиксирует формирование новой модели управления государственными финансами, где комбинация технологий позволяет перейти от ретроспективного контроля к предиктивному анализу рисков и проактивному планированию. Ключевыми принципами этой модели названы прозрачность, интеграция данных, автоматизация и вовлечённость граждан [7].

В последние годы произошло знаменательное событие: в Бюджетный кодекс Российской Федерации была добавлена специальная глава, посвященная информационному обеспечению бюджетного процесса. Это свидетельствует о фундаментальном сдвиге от регулирования на уровне подзаконных актов к закреплению на законодательном уровне цифровой инфраструктуры как неотъемлемой составляющей бюджетной деятельности.

С позиции правового регулирования, данное положение имеет ряд существенных последствий. Во-первых, предусматривается обязательное использование системы "Электронный бюджет" для субъектов бюджетного процесса федерального уровня, при этом для органов власти субъектов Российской Федерации и муниципальных образований устанавливаются поэтапные сроки перехода. Во-вторых, закрепляется необходимость применения единых классификаторов, справочников и реестров во всех информационных системах, функционирующих в сфере бюджетных правоотношений. Данная мера направлена на унификацию правоприменительной практики и снижение вероятности возникновения случаев неправомерного использования полномочий на местах. В-третьих, происходит трансформация формы бюджетно-правовых актов: проект федерального закона о федеральном бюджете вносится в Государственную Думу в электронном виде на протяжении нескольких лет. Как отмечается в литературе, начиная с бюджетного цикла 2019–2021 годов проект закона о федеральном бюджете представляется в электронном виде без использования бумажных носителей, а разработка законопроекта ведётся в подсистеме «Бюджетное планирование» системы «Электронный бюджет», что обеспечивает прозрачность работы и единый формат справочной базы [5, с.112].

Научная литература фиксирует расширение подходов к пониманию категории «бюджет»: наряду с традиционными материально-правовой, экономической и публично-правовой точками зрения формируется информационно-правовой подход, в рамках которого «Электронный бюджет» рассматривается как сложившийся информационный ресурс, обладающий признаками вида информации в финансовом праве. Практическая значимость этой системы подтверждается и прикладными исследованиями: она обеспечивает сквозную прозрачность бюджетного цикла и минимизацию транзакционных издержек, хотя реализация её потенциала сдерживается ведомственной разобщённостью и дефицитом цифровых компетенций [5, с. 109].

Цифровизация оказывает наиболее значительное воздействие на сферу финансового контроля. В отличие от прежнего казначейского контроля, который фокусировался на отдельных транзакциях с бюджетными средствами, современный казначейский мониторинг охватывает всех субъектов, участвующих в системе казначейских платежей. Следовательно, под контроль попадают не только прямые получатели бюджетных ассигнований, но и обширный спектр организаций, имеющих отношение к бюджетной системе.

С 1 сентября 2026 года вступает в силу новая редакция статьи 242.13-1 Бюджетного кодекса РФ, предусматривающая расширение объёма операций, подлежащих казначейскому мониторингу [1]. Федеральное казначейство получает полномочия анализировать операции на лицевых счетах получателей средств федерального бюджета, бюджетных и автономных учреждений при перечислении средств контрагентам за выполненные работы, оказанные услуги, поставленные товары [3].

Перечень санкций, применяемых в ответ на выявленные риски, является обширным и включает в себя: отказ в открытии счета, временное приостановление его открытия, запрет на совершение операций и их временное приостановление. В качестве оснований для применения данных мер могут выступать, в частности, сведения о причастности к экстремистской или террористической деятельности, нахождение под контролем субъектов, включенных в соответствующие реестры, а также регистрация в офшорных зонах. В контексте бюджетного права данная ситуация характеризуется расширением

автоматизированных мер принуждения, что порождает дискуссии в доктрине относительно гарантий прав субъектов и возможности оспаривания решений, принятых на основе алгоритмической обработки данных.

Показательно, что мониторинг охватывает широкий круг организаций, работающих с бюджетными средствами любого уровня, включая региональные и муниципальные учреждения, получающие средства из федерального бюджета. Обмен информацией между Федеральным казначейством и региональными финансовыми органами осуществляется через систему межведомственного электронного взаимодействия или «Электронный бюджет», что создаёт единое цифровое пространство контроля. Как отмечается в официальных разъяснениях, поэтапное распространение казначейского мониторинга на всех участников системы казначейских платежей предусмотрено с 1 сентября 2026 года для федерального бюджета, с 1 июля 2027 года - для других бюджетов бюджетной системы РФ с лицевыми счетами в Федеральном казначействе, и с 1 июля 2028 года - с лицевыми счетами в финансовых органах субъектов РФ. [3]

Отдельного внимания заслуживает внедрение технологий искусственного интеллекта в процессы бюджетного планирования. В бюджетном цикле 2025–2027 годов Минфин России впервые применил нейросеть для автоматизации сопоставления кодов бюджетной классификации с результатами мероприятий, точность которой превысила 80%. В перспективе планируется интеграция AI-агента на базе GigaChat в «Электронный бюджет» для обработки изменений в структуре бюджетных статей и снижения нагрузки на специалистов примерно на 70% [7].

Возникает нетривиальная правовая проблема для бюджетного права: в случае, когда алгоритм принимает решения о классификации расходов или оценке их эффективности, возникает вопрос об ответственности за возможные ошибки. Действующее законодательство, регулирующее бюджетный процесс, не предусматривает норм, определяющих правовой статус автоматизированных систем, принимающих решения. Несмотря на то, что в настоящее время такие системы выполняют лишь вспомогательные функции, очевидна тенденция к их дальнейшему развитию. В связи с этим, правовая система должна будет выработать механизмы, позволяющие определить ответственность за решения, принятые в цифровой среде. Анализ зарубежного опыта в области применения искусственного интеллекта для публичного бюджетирования выявил, что наиболее позитивно оценивается функционал обнаружения аномалий. Однако, существенными остаются проблемы, связанные с доступностью данных и интеграцией систем, что является важным фактором при оценке отечественных инициатив.

Несмотря на неоспоримые успехи, внедрение цифровых технологий в управление государственными финансами сопряжено с возникновением системных вызовов. Увеличение объема контрольных функций поднимает вопрос о границах допустимой автоматизации. Бюджетное законодательство исторически стремится к гармоничному сочетанию строгости контроля и предоставления самостоятельности распорядителям бюджетных средств. Однако, цифровые решения, такие как расширяющийся казначейский мониторинг, смещают этот баланс в пользу контрольных структур, что может привести к чрезмерному вмешательству в операционную деятельность организаций.

Кроме того, остаётся разрыв между технической оснащённостью и понятностью нормативного регулирования для граждан: открытость данных сама по себе не обеспечивает прозрачности, если опубликованная информация не интерпретируется без специальных знаний. Исследователи отмечают необходимость «перевода» сложных юридических текстов на доступный язык, однако такие практики пока не получили распространения.

Влияние цифровизации на бюджетное право не ограничивается техническим переоснащением. Речь идёт о качественном преобразовании правовой ткани: возникновении новых институтов (информационное сопровождение бюджетного процесса, казначейский мониторинг), преобразовании контрольных механизмов (автоматизированные блокировки, алгоритмическое исполнение решений), изменении статуса участников (обязательное использование электронных систем, ограничение бумажного документооборота). Бюджетное право постепенно включает цифровые системы в свой предмет, однако доктрина пока отстаёт от законодателя: вопросы ответственности алгоритмов, гарантий прав при автоматических блокировках и границ цифрового контроля остаются нерешёнными. Дальнейшее развитие, вероятно, потребует не только совершенствования технической инфраструктуры, но и создания нового блока норм — «цифрового» блока бюджетного права, регулирующего отношения между человеком, алгоритмом и бюджетными ресурсами.

Список литературы:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ (в ред. Федерального закона от 24.06.2025 № 158-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3823.
2. О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 24.06.2025 № 158-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 26.10.2026).
3. Об утверждении Правил проведения Федеральным казначейством казначейского мониторинга и применения мер реагирования : постановление Правительства РФ от 27.07.2026 № 941 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 26.10.2026).
4. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов : [утв. Минфином России] // Министерство финансов Российской Федерации : официальный сайт. — 2025. — URL: https://minfin.gov.ru (дата обращения: 26.10.2026).
5. Пешкова Х.В. «Электронный бюджет» как информационный ресурс в финансовом праве / Х.В. Пешкова // Наука.ру. — 2025. — С. 109–116.
6. Поветкина Н.А. «Цифровой» бюджет: будущее или настоящее? / Н.А. Поветкина // Финансовое право. — 2019. — № 8. — С. 8–11.
7. Хайртдинов И.Р. Правовое регулирование бюджетного планирования в условиях внедрения цифровых технологий / И.Р. Хайртдинов // Молодой учёный. — 2026. — № 612.

УДК 336.22

ТУРИСТИЧЕСКИЙ НАЛОГ: ПЕРЕХОД ОТ КУРОРТНОГО СБОРА И ВЫЗОВЫ ДЛЯ БИЗНЕСА

Каширская Юлия Олеговна

Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Оренбург, Россия

Аннотация. В статье проведен теоретический анализ перехода от курортного сбора к туристическому налогу. На основе теорий налогового переложения и фискального федерализма выявлены структурные противоречия новой модели: регрессивность фиксированного минимального платежа для бюджетного сегмента, ограничение автономии регионов и отсутствие целевого характера расходования средств. Сделан вывод о необходимости пересмотра институционального дизайна налога для приведения его в соответствие с принципами эффективного налогообложения.

Ключевые слова: туристический налог, теория налогового переложения, фискальный федерализм, косвенное налогообложение, курортный сбор, внешние эффекты.

TOURIST TAX: THE TRANSITION FROM A RESORT FEE AND CHALLENGES FOR BUSINESS

Yulia Olegovna Kashirskaya

O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg, Russia

Abstract. This article provides a theoretical analysis of the transition from a resort fee to a tourist tax. Drawing on theories of tax incidence and fiscal federalism, the study identifies structural contradictions within the new model: the regressive nature of a fixed minimum payment for the budget-friendly segment, the restriction of regional autonomy, and the lack of a requirement for the earmarked use of collected funds. It is concluded that the institutional design of the tax must be revised to align it with the principles of effective taxation.

Keywords: tourist tax, theory of tax incidence, fiscal federalism, indirect taxation, resort fee, externalities

Реформа местного налогообложения туристической деятельности, вступившая в силу с 1 января 2025 года, обычно анализируется с сугубо прикладных позиций — через призму ставок, собираемости и административной нагрузки на гостиничный бизнес [2, с. 15]. Между тем за изменением фискальной нагрузки скрывается более фундаментальный вопрос: на каких теоретических основаниях должна строиться модель налогообложения туризма и в какой мере российская конструкция этим основаниям соответствует?

Курортный сбор, действовавший до конца 2024 года, представлял собой квазифискальный платёж с целевым назначением, взимавшийся непосредственно с туриста и направлявшийся на развитие курортной инфраструктуры [3, с. 48]. Туристический налог, закреплённый главой 33.1 Налогового кодекса РФ, изменил не только плательщика и порядок администрирования, но и саму экономическую логику платежа: он стал безвозмездным доходом местного бюджета, не привязанным к нуждам отрасли [1, с. 194]. Это порождает серию теоретических вопросов, выходящих за рамки частных методик расчёта.

В экономической теории налогообложения туризм традиционно рассматривается через две конкурирующие модели. Первая — фискальная — трактует туристический налог как инструмент извлечения дохода из отрасли, обладающей высоким экспортным потенциалом. Туризм привлекает внешних потребителей, чьи расходы не становятся частью местного выборного процесса, что делает налогообложение туристов политически привлекательным: бремя несёт не местный предприниматель, а приезжий. В этой логике туристический налог сродни экспортной пошлине, а его эффективность измеряется объёмом поступлений.

Вторая модель - корректирующий налог, который вводится для компенсации негативных внешних эффектов (издержек для третьих лиц), не учитываемых в рыночной цене товара или услуги. Туризм порождает отрицательные внешние последствия: перегрузку инфраструктуры, нагрузку на коммунальные сети, шумовое и антропогенное давление на среду. Корректирующий налог призван внедрить эти издержки, приблизив частные издержки к общественным. В этой логике налог должен быть дифференцирован по уровню перегрузки и направлен на компенсацию ущерба, а его эффективность измеряется не суммой сборов, а сокращением последствий.

Российская модель туристического налога сочетает обе модели в противоречивой форме. С одной стороны, отсутствие целевого назначения сближает его с чисто фискальным инструментом [3, с. 50]. С другой - сам факт введения налога в отдельных муниципалитетах и дифференциация ставок по сезонам (как в Санкт-Петербурге, где в высокий сезон с апреля по сентябрь ставка составляет 2%, а в низкий - 1%) отсылают к логике управления туристическими потоками [2, с. 18]. Однако фиксированный минимальный платёж в 100 рублей, не зависящий ни от уровня перегрузки, ни от категории средства размещения, разрушает логику второй модели: налог не сигнализирует об уровне издержек и не стимулирует их снижение. [4, с. 217]. Он превращается в регрессивный специфический платёж, тяжесть которого обратно пропорциональна стоимости услуги [1, с. 197].

Ключевым для теоретического анализа является вопрос о том, кто фактически несёт бремя налога. Формально плательщиком выступает объект размещения - организация или индивидуальный предприниматель, оказывающие услуги по предоставлению мест для временного проживания [3, с. 50]. Однако в теории налогового переложения юридическая обязанность уплаты и экономическое бремя - не одно и то же. Как отмечается в исследованиях, туристический налог обладает всеми чертами косвенного налога: включается в цену услуги, налоговое бремя переносится на потребителя, увеличивает стоимость предоставляемой услуги [2, с. 17.].

Этот вывод имеет принципиальное значение. Если налог перелагается на туриста, то его экономическая природа сближается с налогом с продаж или НДС в соответствующей части. Однако в отличие от НДС, который встроен в цепочку создания стоимости и нейтрален для хозяйствующего субъекта, туристический налог не обладает свойством нейтральности: возможность полного переложения зависит от эластичности спроса и рыночной власти конкретного средства размещения.

В рамках теории фискального федерализма, туристический налог выступает как пример институционального исследования. Классическая модель предполагает, что налоги на местном уровне призваны обеспечить властям фискальную автономию позволяя им самостоятельно выбирать источники поступлений и отвечать за свои траты. Туристический налог формально соответствует этому критерию: он устанавливается представительными органами муниципальных образований и полностью зачисляется в местные бюджеты [1, с. 194].

Однако институциональный дизайн содержит встроенные ограничения автономии. Во-первых, минимальный порог в 100 рублей зафиксирован на федеральном уровне и не может быть снижен муниципалитетом [4, с. 220]. Федеральный центр сохраняет за собой контроль над нижней границей налогового бремени, оставляя регионам свободу лишь в повышении ставки. Такая асимметрия - возможность увеличивать, но не снижать - характерна скорее для унитарной, нежели федеративной модели налоговых полномочий. Лишь в 2026 году правительство внесло в Госдуму поправки,

предоставляющие регионам право дифференцировать минимальный налог вплоть до нуля.

Во-вторых, отсутствие целевого назначения создаёт фискальную иллюзию: налог воспринимается как плата за туристическую инфраструктуру, но фактически растворяется в общих доходах бюджета [3, с. 51]. В теории общественных финансов целевые налоги обосновываются принципом эквивалентности - связью между уплатой и получением выгоды. Курортный сбор в этом смысле был ближе к принципу эквивалентности, поскольку направлялся на развитие курортной инфраструктуры. Туристический налог эту связь разрывает, что подрывает как легитимность платежа в глазах бизнеса, так и его корректирующий потенциал. [5, с. 13-14]. В-третьих, разделение налоговых ставок по регионам приводит к фрагментации институциональной структуры. Поскольку подавляющее большинство муниципалитетов применяют максимальные допустимые ставки, налоговая конкуренция в сфере туризма становится неэффективной. Вместо того чтобы привлекать туристов снижением налогов, регионы демонстрируют тенденцию к унифицированному повышению ставок [5, с.11-12].

Анализ первых двух лет применения туристического налога позволяет систематизировать вызовы для предпринимательского сектора, которые носят структурный характер и вытекают из дефектов институционального дизайна платежа.

Фиксированный минимальный порог в 100 рублей за сутки проживания формирует эффект фискальной регрессии. Если для премиального сегмента данная сумма составляет незначительную долю от цены услуги, то для малых средств размещения (хостелов, мини-отелей, гостевых домов) эффективная налоговая ставка возрастает до 15–20%, а в отдельных случаях - до 24% от стоимости. Это противоречит принципу нейтральности налогообложения, искажает конкурентное равновесие и снижает экономическую доступность внутреннего туризма для социально уязвимых групп населения. Данная проблема признается на уровне законодательной власти, где обсуждается необходимость отмены или делегирования регионам права снижения минимального порога для бюджетных объектов размещения [3, с. 48].

Включение налога в стоимость услуг легальных средств размещения повышает их ценовую привлекательность на фоне частного сектора. Посуточная аренда квартир и апартаментов через цифровые платформы, не подлежащая обязательной классификации, остается вне периметра налогообложения. Возникает институциональная ловушка: налог не корректирует внешние эффекты (поскольку аренда квартир создает аналогичную нагрузку на инфраструктуру), а лишь перераспределяет рыночные доли в пользу неформального сегмента, что требует усиления мер налогового контроля и обеления рынка [1, с. 196].

Внедрение нового фискального обязательства сопряжено с увеличением административной нагрузки на хозяйствующие субъекты. Особую сложность представляет механизм применения социальных налоговых льгот (для ветеранов, инвалидов, участников боевых действий). В условиях информационной асимметрии у объекта размещения отсутствуют правовые механизмы верификации статуса плательщика в случаях, когда услуга оплачивается третьими лицами (например, супругами ветеранов или тренерами спортивных команд). Действующая конструкция ст. 418.4 НК РФ лишена реальной социальной направленности: преференцию получает отель, а не конечный потребитель, что снижает стимулы к декларированию льгот и повышает риски налоговых споров.

В отличие от курортного сбора, туристический налог не имеет целевого характера и поступает в общий фонд местного бюджета. Это разрывает связь между налоговым бременем и получением общественных благ (принцип эквивалентности), ослабляя фискальный контракт. Бизнес-сообщество воспринимает налог как дополнительное обременение без возврата инвестиций в виде улучшения туристической инфраструктуры, что снижает легитимность реформы и стимулирует уклонение от уплаты [3, с. 49].

Переход от курортного сбора к туристическому налогу, изменив фискальную модель, привел к обострению внутренних противоречий в институциональной архитектуре, регулирующей туристическую отрасль. Теоретический анализ показал: фиксированный минимум нарушает принцип нейтральности, превращая косвенный налог в прямой для бюджетного сегмента; отсутствие целевого назначения ослабляет фискальный контракт и стимулирует уход спроса в теневой сектор аренды.

Для преодоления этих дисфункций необходима тонкая настройка механизма. Иначе налог рискует остаться лишь дополнительным обременением для бизнеса, не выполнив своей главной задачи — обеспечить устойчивое развитие внутреннего туризма.

Список литературы:

1. Гулькова, Е. Л. Туристический налог – новый налог в российской налоговой системе с 2025 г.: итоги эксперимента и перспективы взимания / Е. Л. Гулькова, М. В. Карп, М. В. Типалина. // Вестник университета. — 2025. — № 1. — С. 192–200.
2. Зверева, Т. В. Введение туристического налога в Российской Федерации: проблемы и перспективы / Т. В. Зверева. // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. — 2025. — № 1 (113). — С. 15–28.
3. Колосов, Н. В. Особенности правового регулирования туристического налога в Российской Федерации / Н. В. Колосов. // Сибирский юридический вестник. — 2024. — № 4. — С. 47–54.
4. Лешкова О.В, Солдаткин С.Н. Туристический налог как инструмент формирования доходов местных бюджетов в регионах ДФО: возможности и риски внедрения. // Экономика. Налоги. Право. — 2026. — № 2. — С. 213–221.
5. Яговкина В.А. Сравнительный анализ правового регулирования туристического налога и курортного сбора // Финансовое право. — 2025. — № 10. — С. 11–16.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БЛОКИРОВКИ СЧЕТОВ ПО 115-ФЗ ПОСЛЕ ИЗМЕНЕНИЙ 2026 ГОДА: БАЛАНС ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Ляликова Анастасия Сергеевна
студентка
Кузьмина Мария Вячеславовна
к.ю.н., доцент кафедры теоретико-правовых и исторических наук
Оренбургский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Оренбург

Аннотация. Статья посвящена комплексному правовому анализу проблем блокировки банковских счетов на основании Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ в контексте изменений, вступивших в силу в 2026 году. Авторы исследуют соотношение публичной обязанности кредитных организаций по противодействию легализации и конституционного права клиента на распоряжение своими средствами. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой методы, а также метод статистического анализа и обобщение судебной практики. В работе выявлены и проанализированы системные правовые проблемы: расширение перечня подозрительных операций, отсутствие мотивировки при блокировке, риски необоснованного ограничения предпринимательской деятельности. На основе анализа позиций Конституционного Суда РФ и доктринальных источников предложены меры по совершенствованию правового регулирования, направленные на достижение баланса интересов, в том числе путем имплементации стандартов ФАТФ и уточнения процессуальных механизмов судебного контроля.

Ключевые слова: 115-ФЗ, ПОД/ФТ, приостановление операций, блокировка счетов, Банк России, судебная практика, убытки, баланс публичных и частных интересов.

LEGAL ASPECTS OF ACCOUNT BLOCKING UNDER 115-FZ AFTER 2026 AMENDMENTS: BALANCE OF PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS

Anastasia Sergeevna Lyalikova
student
Kuzmina Maria Vyacheslavovna
candidate of Legal Sciences, Associate Professor at the Department of Theoretical and Legal Sciences Orenburg Institute (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL)”, Orenburg

Abstract. This article provides a comprehensive legal analysis of the problems of bank account blocking based on Federal Law No. 115-FZ in the context of amendments that came into force in 2026. The authors examine the relationship between the public duty of credit institutions to counteract legalization and the constitutional right of a client to dispose of their funds. The methodological basis of the study includes formal-legal, comparative-legal methods, statistical analysis, and generalization of judicial practice. The paper identifies and analyzes a number

of systemic legal issues: the expansion of the list of suspicious transactions, the lack of motivation for blocking, and the risks of unjustified restriction of entrepreneurial activity. Based on the analysis of the Constitutional Court's positions and doctrinal sources, measures are proposed to improve legal regulation aimed at achieving a balance of interests, including the implementation of FATF standards and clarification of procedural mechanisms for judicial control.
Keywords: 115-FZ, AML/CFT, suspension of operations, account blocking, Bank of Russia, judicial practice, damages, balance of public and private interests.

В условиях современной экономической реальности доступ к банковским счетам является необходимым условием для осуществления предпринимательской деятельности и реализации прав граждан. Однако за последние годы в России сформировалась устойчивая правоприменительная практика ограничения этого доступа в рамках реализации Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее - Закон № 115-ФЗ) [1].

Актуальность темы обусловлена вступлением в силу в 2026 году изменений, существенно расширивших перечень признаков подозрительных операций. По данным Банка России, в 2025 году банки предотвратили с помощью антифрод-систем 134,2 миллиона мошеннических операций на сумму 13,9 триллиона рублей, однако фактический ущерб от мошенников всё равно вырос на 6,4% и достиг 29,3 миллиарда рублей [6]. При этом в публичном пространстве (в частности, в деловых СМИ) обсуждаются экспертные данные о том, что за первые недели 2026 года под временные блокировки могли попасть миллионы физических лиц [12]. Официальная статистика по данному показателю Банком России и Росфинмониторингом не раскрывается, что создает почву для дискуссий о масштабах ограничения прав добросовестных участников оборота.

Методологическую основу работы составили формально-юридический метод (анализ норм 115-ФЗ и подзаконных актов), сравнительно-правовой метод (сопоставление отечественного подхода со стандартами ФАТФ), а также метод обобщения судебной практики.

Ключевая научная и практическая проблема заключается в поиске баланса между публичной обязанностью банков по противодействию легализации и частным правом клиента на распоряжение своими средствами, гарантированным статьей 35 Конституции РФ. Как справедливо отмечает Н.А. Поветкина, эффективность антиотмывочной системы не должна достигаться ценой необоснованного ограничения прав добросовестных участников оборота [17].

Правовой базой для блокировки (приостановления операций) по счетам клиентов служит статья 7 Закона № 115-ФЗ, обязывающая кредитные организации применять меры по замораживанию (блокированию) денежных средств при наличии подозрений [1]. Порядок оценки рисков детализирован в Положении Банка России от 02.03.2012 № 375-П [5].

Важным событием стало вступление в силу отдельных положений Федерального закона от 15.12.2025 № 462-ФЗ, которыми вносятся изменения в Закон № 115-ФЗ [2]. С 14 июня 2026 года субъекты 115-ФЗ обязаны блокировать счета лиц из перечня причастных к экстремистской и террористической деятельности в течение 24 часов после внесения в список (ранее - один рабочий день). Кроме того, расширен перечень операций для приостановки - теперь субъекты обязаны приостанавливать на пять рабочих дней больше типов операций для проведения проверок, включая выплаты гуманитарных пособий [2; 12]. Данные новеллы, с одной стороны, соответствуют международным стандартам ФАТФ в части оперативности реагирования, с другой - увеличивают риски ошибок «ложного срабатывания» систем комплаенса.

Одной из наиболее острых практических проблем остается отсутствие мотивированного объяснения причин блокировки. Клиент зачастую не получает информации о том, какие именно признаки подозрительности были выявлены.

В этом контексте важное значение имеет Информационное письмо Банка России от 24.03.2026 № ИН-03-59/11 «О применении проактивного подхода при информировании об ограничении операций» [3]. Регулятор рекомендовал кредитным организациям в инициативном порядке информировать клиентов о факте введения ограничений и причинах их введения. Отдельно следует отметить Информационное письмо Банка России от 20.03.2026 № 43-7-2/4698, разъясняющее порядок применения мер к имуществу физических лиц, включенных в Перечень [4].

Однако, как показывает анализ, данные акты носят рекомендательный характер. Отсутствие законодательно закрепленной обязанности банка по мотивировке ограничений порождает правовую неопределенность и нарушает принцип пропорциональности.

Тема соотношения публичных и частных интересов является одной из наиболее обсуждаемых в доктрине финансового права. В научных исследованиях справедливо указывается, что наделение кредитных организаций отдельными публично-контрольными полномочиями не в полной мере соответствует природе коммерческих лиц. Т.С. Дорошок отмечает, что неправомерная экспансия публичного права в традиционно частную сферу вредит гражданскому обороту и узаконивает возможные злоупотребления [8].

Д.Г. Алексеева обращает внимание на правовую коллизию, возникающую при реализации банками законодательства об исполнительном производстве в рамках процедур внутреннего контроля. По мнению автора, требования о списании средств со счетов клиентов высокой степени риска фактически приводят к отказу банков от незамедлительного исполнения таких требований, что создает правовую неопределенность [7].

Е.И. Кузнецова подчеркивает необходимость комплексного подхода к противодействию незаконным финансовым операциям, отмечая, что финансовые операции характеризуются рядом отличительных особенностей, включая обязательное проведение платежа через субъект финансового мониторинга [9].

Авторы солидарны с позицией Т.С. Дорошок в части необходимости ограничения экспансии публичного контроля, однако полагают, что полный отказ от публично-контрольных полномочий банков на текущем этапе невозможен в силу высокой криминализации финансового сектора. В связи с этим наиболее продуктивным видится не отказ от полномочий, а их строгая процессуализация, что соответствует правовой позиции Конституционного Суда РФ.

Ключевым критерием оценки баланса интересов является судебная практика. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 10.12.2019 № 37-П указал, что ограничение прав клиентов должно быть соразмерным и преследовать конституционно значимые цели. Банки не вправе возлагать на клиента бремя доказывания своей добросовестности при отсутствии с их стороны четких и обоснованных подозрений [10].

Верховный Суд РФ также формирует практику, направленную на защиту прав предпринимателей. В частности, в Определении ВС РФ от 26.07.2021 № 305-ЭС21-10134 сформулирован подход, согласно которому при взыскании убытков с банка за необоснованную блокировку суды должны оценивать совокупность действий банка, а не только формальное наличие оснований для приостановки операций [11].

В практике арбитражных судов зафиксированы случаи, когда банки запрашивали у клиентов документы, не относящиеся к проверяемой операции (паспорта транспортных средств, штатные расписания). Суды признают такие требования избыточными и несоразмерными цели проверки [16]. Кроме того, дискуссионным остается вопрос о частичном совпадении данных (Ф.И.О., дата рождения). Депутат Государственной Думы С. Наумов отмечает, что для ошибочной блокировки часто достаточно совпадения двух параметров, что требует синхронизации государственных информационных систем [15]. В свою очередь, Росфинмониторинг указывает на отсутствие рисков массовой приостановки операций, поясняя, что критерии частичного совпадения будут установлены приказом ведомства на основе анализа практики транслитерации [14].

На основании проведенного анализа авторами предлагаются следующие меры нормативного и правоприменительного характера:

1. Законодательное закрепление обязанности банка мотивировать блокировку. Необходимо дополнить ст. 7 Закона № 115-ФЗ пунктом 5.5 следующего содержания: «Кредитная организация обязана не позднее трех рабочих дней с момента приостановления операций направить клиенту мотивированное уведомление с указанием конкретных признаков подозрительности и перечня документов, необходимых для разблокировки» [1]. За неисполнение данной обязанности предлагается ввести административную ответственность по ст. 15.27 КоАП РФ. Это позволит не просто дублировать рекомендации ЦБ РФ [3], а придать им силу закона.

2. Установление предельного срока блокировки и процессуальных механизмов его продления. Предлагается ограничить срок приостановления операций 30 календарными днями. По истечении этого

срока банк обязан либо разблокировать счет, либо обратиться в суд. Осознавая отсутствие в действующем процессуальном законодательстве (ГПК РФ, АПК РФ) готового механизма, авторы предлагают дополнить ст. 7 115-ФЗ нормой о подаче банком заявления в порядке административного судопроизводства о признании операции подозрительной [1]. Ответчиком по такому делу будет выступать клиент, а предметом судебного контроля - законность и обоснованность применения мер ПОД/ФТ.

3. Исключение переводов между собственными счетами из перечня безусловно подозрительных операций. Внесение изменений в Положение Банка России № 375-П [5]. Авторы осознают риски использования переводов между счетами (в том числе в разных банках) для дробления и транзита средств (дропперства). В связи с этим предлагается не полный запрет контроля, а установление порогового значения: перевод между собственными счетами физлица на сумму до 600 тыс. руб. в месяц не может служить единственным основанием для блокировки, при превышении суммы применяется углубленный комплаенс-контроль.

4. Развитие практики взыскания убытков. Рекомендовать Верховному Суду РФ подготовить Обзор судебной практики по делам о взыскании убытков за необоснованную блокировку, выработав единые критерии оценки правомерности действий банков (в том числе разграничение понятий «подозрительная операция» и «незаконная операция») [11]. Кроме того, в целях защиты прав клиентов Банку России следует рассмотреть возможность закрепления в нормативных актах требования к банкам возвращать доступ к дистанционному обслуживанию не позднее следующего рабочего дня после разблокировки [13].

Таким образом, блокировка счетов по 115-ФЗ представляет собой сложный правовой институт, в котором сталкиваются публичные интересы государства и частные интересы клиентов. Изменения 2026 года усилили риск необоснованных ограничений. Достижение баланса возможно не путем отказа от антиотмывочных мер, а посредством строгой процессуализации полномочий банков, законодательного закрепления сроков и мотивировки, а также формирования устойчивой судебной практики по взысканию убытков.

Список литературы:

1. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33 (часть I). – Ст. 3418. – Текст : непосредственный.
2. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» : федеральный закон от 15.12.2025 № 462-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – Текст : непосредственный.
3. Информационное письмо Банка России от 24.03.2026 № ИН-03-59/11 «О применении проактивного подхода при информировании об ограничении операций и дистанционных способов распоряжения счетом» // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru (дата обращения: 15.10.2026).
4. Информационное письмо Банка России от 20.03.2026 № 43-7-2/4698 «О применении Федерального закона № 115-ФЗ» // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru (дата обращения: 15.10.2026).
5. Положение Банка России от 02.03.2012 № 375-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации...» // Вестник Банка России. 2012. № 20.
6. Годовой отчёт Банка России за 2025 год. М., 2026 // Официальный сайт Банка России. URL: www.cbr.ru (дата обращения: 15.10.2026).
7. Алексеева Д.Г. Реализация банками законодательства о ПОД/ФТ при списании средств по исполнительным документам в отношении высокорискованных клиентов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2026. № 3. С. 132–143.
8. Дорошок Т.С. Недобросовестная практика кредитных организаций при реализации публично-контрольных полномочий // Регулирование правовых отношений в административном праве: сборник научных трудов. Саратов, 2023. С. 409–411.
9. Кузнецова Е.И. О некоторых вопросах противодействия незаконным финансовым операциям в кредитно-финансовой системе России // Криминологический журнал. 2025. № 3. С. 204–208. DOI: 10.24412/2687-0185-2025-3-204-208.

10. По делу о проверке конституционности статьи 7 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» : постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2019 № 37-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – Текст : непосредственный.
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.07.2021 № 305-ЭС21-10134 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru (дата обращения: 15.10.2026).
12. Изменения в 115-ФЗ: ускоренная блокировка счетов и расширение оснований для приостановки операций // Контур.Фокус. 2026. 2 июля. URL: www.focus.kontur.ru (дата обращения: 15.10.2026).
13. ЦБ призвал ускорить возврат доступа к переводам после их разблокировки // Российская газета. 2026. 28 сентября. URL: www.rg.ru (дата обращения: 15.10.2026).
14. Росфинмониторинг: Риска роста блокировок из-за частичного совпадения данных нет // Татар-информ. 2026. 23 сентября. URL: https://tatar-inform.ru (дата обращения: 15.10.2026).
15. В Госдуме предупредили о рисках блокировок из-за совпадения данных // Новости Mail. 2026. 23 сентября. URL: www.news.mail.ru (дата обращения: 15.10.2026).
16. Блокировка счетов при внутренних переводах: правоприменение 115-ФЗ и 161-ФЗ в практике 2026 года // Клерк.ру. 2026. 5 августа. URL: www.klerk.ru/ (дата обращения: 15.10.2026).

УДК 34

ПРОБЛЕМАТИКА ДОКАЗЫВАНИЯ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЁЙ 137 УК РФ

Меньщиков Михаил Евгеньевич
магистрант
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский государственный экономический университет»,
г. Екатеринбург, Россия.

Аннотация. В статье описывается проблематика доказывания состава преступления по статье 137 УК РФ. Рассматриваются элементы состава, разъяснения судебного органа и другие нормативные акты РФ, что свидетельствует о разных подходах трактования и в иных ситуациях отсутствия состава уголовного преступления.
Ключевые слова: уголовное право, перспектива, персональные данные, личные сведения, проблематика.

PROBLEMS OF PROVING THE COMPOSITION OF A CRIME UNDER ARTICLE 137 OF THE RUSSIAN FEDERATION CRIMINAL CODE

Menshikov Mikhail Evgenievich
master’s student
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ural State University of Economics»,
Yekaterinburg, Russia

Abstract. The article describes the problems of proving the composition of a crime under Article 137 of the Russian Federation Criminal Code. The elements of the crime, explanations by the judicial body, and other regulatory acts of the Russian Federation are considered, which indicates different approaches to interpretation and, in other situations, the absence of a criminal offense.
Keywords: criminal law, perspective, personal data, personal information, issues.

В условиях современной действительности, принимая во внимание стремительное развитие цифровых технологий, особую остроту приобретает проблематика, связанная с предметом доказывания и установлением состава преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ. [1]

Согласно положениям ст. 137 УК РФ, предметом «нарушения неприкосновенности частной жизни» выступают данные о частной жизни лица, образующие его личную или семейную тайну. Таким образом, сведения, относящиеся к частной жизни гражданина и формирующие его личную либо семейную тайну, и составляют предмет рассматриваемого нарушения неприкосновенности частной жизни.

Объективная сторона в ч. 1 статьи характеризуется действиями:

1) незаконное собирание - получение указанной информации, совершенное в нарушение положений действующего законодательства;

2) распространение этих сведений без согласия потерпевшего, т.е. их сообщение любому постороннему лицу;

3) распространение сведений о частной жизни в публичном выступлении (на митинге, собрании, демонстрации), в публично демонстрирующемся произведении (в кинофильме, картине, скульптуре) или в средствах массовой информации (по телевидению, радио, в печати).

Субъективной стороной является прямой умысел.

Субъект преступления - лицо, достигшее возраста 16 лет.

Квалифицирующим признаком является использование лицом своего служебного положения. [2]

Ссылаясь на Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)», следует отметить: уголовная ответственность предусмотрена за собирание либо распространение данных о частной жизни лица, образующих его личную или семейную тайну, совершённые без согласия этого лица и при отсутствии оснований, закреплённых Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и иными федеральными законами, для получения, использования и предоставления сведений о частной жизни граждан без их согласия.

При этом, решая вопрос о том, имеется ли в действиях лица состав преступления, предусмотренного ч. 1 или 2 ст. 137 УК РФ, судебным органам надлежит выяснить, входило ли содеянное в его умысел, а равно осознавало ли лицо тот факт, что подобные данные о своей частной жизни гражданин сохраняет в тайне. Вместе с тем, если руководствоваться нормами уголовного закона в их системной взаимосвязи с п. 1 ст. 152.2 ГК РФ, собирание либо распространение указанных сведений не способно повлечь уголовную ответственность в тех случаях, когда это осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах.

Равным образом это касается ситуаций, когда информация о частной жизни гражданина уже приобрела общедоступный характер либо была обнародована самим гражданином или с его согласия.

Также п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» гласит, что не может повлечь уголовную ответственность собирание или распространение сведений о частной жизни гражданина в государственных, общественных или иных публичных интересах, а также в случаях, если сведения о частной жизни гражданина ранее стали общедоступными либо были преданы огласке самим гражданином или по его воле.

При этом под общедоступной информацией в соответствии с ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» понимаются общеизвестные сведения и иная информация, доступ к которой не ограничен.

При этом отсутствие ограничения в доступе к информации предполагает возможность неограниченного круга лиц беспрепятственно получать и по своему усмотрению использовать размещенную информацию без согласия и ведома служащего или гражданина. В этой связи адреса электронной почты, сервисов мгновенных сообщений (например, MAX и иные ресурсы), а также сайтов, связанных с приобретением товаров и услуг, не указываются при заполнении формы. [3]

В качестве данных, позволяющих идентифицировать личность служащего или гражданина, может выступать совокупность или одно из следующих сведений: фамилия и имя, фотография, место службы (работы).

К сайтам и (или) страницам сайтов в сети «Интернет», подлежащим включению, относятся персональные страницы сайтов социальных сетей, а также блогов, микроблогов, персональные сайты. [4]

Кроме того, следует и учитывать правовую позицию, сформулированную Конституционным Судом РФ, согласно которой личное право человека, касающееся определения режима доступа к сведениям о его частной жизни, не является абсолютным и может быть ограничено федеральным законом в целях защиты иных конституционно значимых ценностей. Конституционный Суд РФ указал, что по своему конституционно-правовому смыслу ч. 1 ст. 137 УК РФ в системе действующего правового

регулирования не предполагает привлечения родителя несовершеннолетнего ребенка к уголовной ответственности за использование программного средства (мобильного приложения) родительского контроля, позволяющего в течение определенных временных интервалов слышать происходящее в непосредственной близости от ребенка, получать соответствующие аудиозаписи и сохранять их на техническом устройстве данного родителя, в результате чего ему становятся доступными сведения о частной жизни других лиц, составляющие их личную или семейную тайну, если такое программное средство (мобильное приложение) и полученные с его помощью сведения используются им исключительно в целях реализации прав и обязанностей родителя по обеспечению безопасности несовершеннолетнего ребенка (п. п. 2, 6 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 18.01.2024 № 2-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П.О. Вильке» [5]). [6]

Согласно Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» [7] уголовная ответственность в соответствии с частями 1 и 2 статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации наступает за собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия при отсутствии предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и другими федеральными законами (в частности, от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») оснований для получения, использования, предоставления сведений о частной жизни граждан без их согласия.

Ввиду разных норм действующего законодательства РФ и обязанности доказывания всех элементов состава преступления, по ст. 137 УК РФ очень сложно и крайне затруднено доказать объективную и субъективную сторону преступления, по различным факторам. При этом санкция по ст. 137 УК РФ предусматривает от штрафа до двухсот тысяч рублей, до лишения свободы до двух лет.

При декриминализации ст. 137 УК РФ в административную ответственность не существенно изменятся меры ответственности. Так, например, согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, любые ограничения прав граждан должны быть соразмерны конституционным целям. В частности, принцип равенства всех перед законом требует, чтобы уголовные запреты и наказания за различные нарушения были прописаны в законе понятно и недвусмысленно. При соблюдении этого условия субъектами права могут и будут осознаваться все правовые последствия своих действий или бездействий.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
2. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2016 № 2867-р «Об утверждении формы представления сведений о адресах сайтов и (или) страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на которых государственным гражданским служащим или муниципальным служащим, гражданином Российской Федерации, претендующим на замещение должности государственной гражданской службы Российской Федерации или муниципальной службы, размещались общедоступная информация, а также данные, позволяющие его идентифицировать» // Собрание законодательства РФ, 09.01.2017, № 2 (Часть II), ст. 419.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Российская газета, № 1, 09.01.2019.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.2024 № 2-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П.О. Вильке» // Собрание законодательства РФ, 29.01.2024, № 5, ст. 763.
5. Арямов А.А., Басова Т.Б., Благов Е.В. и др.; отв. ред. Грачева Ю.В., Чучаев А.И. // Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник // М.: КОНТРАКТ, 2017. 384 с.
6. Сперанская Л.В. // Право на неприкосновенность частной жизни // СПС КонсультантПлюс. 2026.
7. Методические рекомендации по заполнению формы представления сведений об адресах сайтов и

(или) страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на которых государственным гражданским служащим или муниципальным служащим, гражданином Российской Федерации, претендующим на замещение должности государственной гражданской службы Российской Федерации или муниципальной службы, размещались общедоступная информация, а также данные, позволяющие его идентифицировать» (вместе с «Порядком заполнения формы представления сведений об адресах сайтов и (или) страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»).

ПРАВОВЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

Новикова Полина Алексеевна
студентка
Колледжа права им. Н.С. Киселевой, Россия, г. Москва
Шакурова Айнагуль Алтынбековна
преподаватель химии и биологии, МГЮА им.О.Е.Кутафина, Россия, г. Москва

Аннотация. В статье рассматриваются правовые и нравственные аспекты суррогатного материнства.Особое внимание уделяется необходимости усовершенствования законодательной базы по вопросу суррогатного материнства как одного из методов вспомогательных репродуктивных технологий. Обсуждаются нравственно - этические проблемы биоэтики в области суррогатного материнства, а также вопросы, связанные с социокультурным и религиозным отношением к нему.
Ключевые слова: суррогатное материнство, правовое регулирование.

LEGAL AND MORAL ASPECTS OF SURROGACY

NovikovaPolinaAlekseevna
student
College of Law named after N.S. Kiseleva, Russia, Moscow
ShakurovaAinagulAltynbekovna
Lecturer of Chemistry and Biology, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Russia, Moscow

Abstract. The article examines the legal and ethical aspects of surrogate motherhood. Particular attention is paid to the need to improve the legislative framework regarding surrogate motherhood as one of the methods of assisted reproductive technologies. The moral and ethical problems of bioethics in the field of surrogate motherhood are discussed, as well as issues related to the socio-cultural and religious attitudes towards it.
Keywords: surrogacy, legalregulation.

В настоящее время демографическая политика России направлена на поддержку рождаемости и укрепление института семьи. Суррогатное материнство выступает одним из способов помощи тем, кто столкнулся с проблемой бесплодия из-за невозможности женщины выносить и родить ребенка. Статистика указывает, что бесплодие затрагивает около 15% семейных пар в России, поэтому тема суррогатного материнства значима как для современного общества, так и для отечественного правоведения и связана с медицинскими, правовыми и нравственно-этическими вопросами. Однако нужно отметить, что наряду с высокой медицинской эффективностью, это спорный в правовом и нравственном плане метод вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ).

Правовой основой применения ВРТ в Российской Федерации, в том числе суррогатного материнства, являются нормы Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" (далее - Закон об охране здоровья граждан), в котором в части 9 статьи 55 впервые появилось юридическое определение суррогатного материнства: "Суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору о суррогатном материнстве, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, половые клетки которых использовались для оплодотворения, для которых вынашивание и рождение ребенка

невозможны по медицинским показаниям (далее - потенциальные родители (генетическая мать и генетический отец) и которые состоят вбраке между собой, либо одинокой женщиной, половые клетки которой использовались для оплодотворения и для которой вынашивание и рождение ребенка невозможны по медицинским показаниям (далее - одинокая женщина (генетическая мать)".Медицинские показания, которые нужны для процедуры, перечислены в приказе Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803н "О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению".

Еще один документ, где говорится об этой репродуктивной технологии, – Семейный кодекс Российской Федерации (пункт 4 статьи 51). В нём закреплено положение о том, что суррогатная мать может оставить ребенка себе: "Лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери)". Похожие положения есть и в Федеральном законе от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ "Об актах гражданского состояния". Если суррогатная мать не дает данного согласия, то оспорить это можно в суде.

Согласно пункту 31 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 16 "О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей"судам необходимо иметь в виду, что если суррогатная мать отказалась дать согласие на запись родителями указанных выше лиц (потенциальных родителей), то данное обстоятельство не может служить безусловным основанием для отказа вудовлетворении иска этих лиц о признании их родителями ребенка и передаче им ребенка на воспитание.

Отсутствие отдельного закона, регулирующего правовые аспекты суррогатного материнства, а также связи между существующими документами, приводит к неоднозначным трактовкам, коллизиям и спорам:

1) наличие генетической связи эмбриона хотя бы с одним из потенциальных родителей, не требовавшееся ранее, приводило к тому, что потенциальные родители, не имеющие кровного родства с эмбрионом, после рождения ребенка признавались его родителями, что, в свою очередь, позволяло им обойти процедуру усыновления (удочерения), предусмотренную Семейным кодексом Российской Федерации;
2) с наличием генетической связи эмбриона и хотя бы одного из потенциальных родителей связана необходимость выработки правового механизма, обязывающего потенциальных родителей подтверждать при государственной регистрации рождения наличие генетической связи с ребенком, рожденным суррогатной матерью, что не позволит лицам, имеющим преступный умысел на торговлю новорожденными детьми, сокрыть свои действия, маскируя их под услуги суррогатной матери.

С 1 сентября 2023 г. для генетических родителей при суррогатном материнстве предусмотрен ДНК-тест, что закреплено в постановлении Правительства Российской Федерации от 31 мая 2023 г. №882 "Об установлении потенциальных родителей в качестве генетической матери и генетического отца, а равно одинокой женщины в качестве генетической матери".

Вопрос суррогатного материнства требует не только регулирования правовых аспектов, но и затрагивает нравственно - этические проблемы биоэтики. Одной из проблем выступает концепция «коммерциализации тела», когда детородная функция суррогатной матери превращается из заложенного природой личного процесса в товар, а ребенок - в объект сделки.Также уязвимы при суррогатном материнстве и права ребенка: генетические родители могут быть записаны родителями ребенка только ссогласия суррогатной матери. Для того чтобы защитить права ребенка при суррогатном материнстве, нужно выработать единую модель правового договора между суррогатной матерью и генетическими родителями, в котором отразить все возможные риски.

Отдельно нужно отметить социокультурный и религиозный взгляды на суррогатное материнство. Опросы ВЦИОМ показывают, что отношение к суррогатному материнству в российском обществе в целом лояльное: около 84% опрошенных считают его допустимым в особых случаях, когда женщина не может самостоятельно выносить и родить ребёнка. Однако сохраняется настороженное отношение: лишь 16% полагают это нормальным явлением в любой ситуации, а 11% считают недопустимым ни при каких обстоятельствах. Большинство религиозных организаций занимают резко отрицательную позицию, утверждая, что суррогатное материнство разрушает природные связи между матерью и ребёнком,

использует женский организм в качестве биологического субъекта, превращая ребёнка в предмет товарно-денежных отношений.

Таким образом, представляется важным принятие одного законодательного акта, который охватил бы все правовые и нравственные аспекты суррогатного материнства, либо согласовать и дополнить их в уже существующих законах, внеся необходимые изменения.

Список литературы:

1. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 01.01.1996 г. — № 1. — Ст. 51
2. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. 28.11.2011 г. № 48. Ст. 6724.
3. Приказ Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (зарегистрирован в Минюсте России 19 октября 2020 г. № 60457)
4. Аминов Д.И. О роли правового инструментария в урегулировании вопросов суррогатного материнства / Д.И. Аминов, Е.В. Ушакова // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. N 2. С. 91–95.
5. Богданова Е.Е. Актуальные проблемы реформирования законодательства о суррогатном материнстве / Е.Е. Богданова, Д.А. Белова // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 66–75.
6. Демина И.А. Правовые проблемы суррогатного материнства / И.А. Демина // Наука. Общество. Государство. 2020. № 2 (30). С. 152–161.
7. Матявина К.Н., Кобренчук М.В. Суррогатное материнство в России: актуальные проблемы теории и практики // Трибуна ученого. 2021. № 12. 10 с.
8. Момотов В.В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (суррогатное материнство) / В.В. Момотов // Lexrussica (Русский закон). 2019. № 1. С. 29–38.
9. Румянцева Н.С. Семейно-правовые аспекты применения вспомогательных репродуктивных технологий / Н.С. Румянцева, Д.В. Шепелева // Пробелы в российском законодательстве. 2023. N 1. С. 91–97.
10. Супрун Я.И., Козлова А.М. Практические и теоретические проблемы правового регулирования суррогатного материнства // Политика и общество. 2021. № 1. 12 с.
11. Штанова А.А. Суррогатное материнство как элемент защиты прав мужчин на отцовство / А.А. Штанова, Л.Ю. Гарин, Е.Е. Тоненкова // Медицинский альманах. 2019. № 1 (58). С. 18–22.

УДК 342

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТ В ЦЕЛЯХ ОБХОДА САНКЦИЙ: ПРЕДЕЛЫ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Портнов Дмитрий Владимирович
студент 4-го курса, направление «Юриспруденция»
научный руководитель: **Кузьмина Мария Вячеславовна**
кандидат юридических наук
Оренбургский институт (филиал) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения пределов правомерного поведения при использовании криптовалют для обхода экономических санкций. Анализируется эволюция отечественного законодательства о цифровой валюте, доктринальные подходы к ее правовой природе, включая концепции натуральных обязательств и латентных сделок, а также актуальная судебная практика. Обосновывается тезис о том, что действующее регулирование создает ситуацию правовой неопределенности, при которой операции с криптовалютой находятся в «серой зоне»: формально не запрещены, но не обеспечены судебной защитой. Предлагаются меры по легализации и регулированию данного сегмента, направленные на минимизацию рисков участников внешнеэкономической деятельности.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровая валюта, экономические санкции, обход санкций, трансграничные расчеты, блокчейн, натуральные обязательства, латентные сделки, судебная практика, экспериментальный правовой режим.

THE USE OF CRYPTOCURRENCIES TO CIRCUMVENT SANCTIONS: THE LIMITS OF LAWFUL CONDUCT

Dmitry Vladimirovich Portnov
4th-year student, Faculty of Law
Academic Supervisor: **Maria Vyacheslavovna Kuzmina**
candidate of Legal Sciences
Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg

Abstract. This article examines the issue of defining the limits of lawful conduct when using cryptocurrencies to circumvent economic sanctions. It analyzes the evolution of Russian legislation regarding digital currency, doctrinal approaches to its legal nature—including the concepts of "natural obligations" (obligations unenforceable by legal action) and "latent transactions"—as well as current judicial practice. The author argues that the existing regulatory framework creates a state of legal uncertainty, leaving cryptocurrency transactions in a "gray area": they are not explicitly prohibited, yet they lack judicial protection. The article proposes measures for the legalization and regulation of this sector, aimed at minimizing risks for participants in foreign economic activity.

Keywords: Cryptocurrency, digital currency, economic sanctions, sanctions circumvention, cross-border settlements, blockchain, natural obligations, latent transactions, judicial practice, experimental legal regime.

В условиях беспрецедентного санкционного давления на финансовый сектор Российской Федерации вопрос поиска альтернативных каналов для трансграничных расчетов приобретает экзистенциальное значение. Отключение ряда системно значимых банков от системы SWIFT, блокировка корреспондентских счетов, заморозка валютных резервов Банка России и запрет на обслуживание международными платежными системами Visa и Mastercard фактически означают изоляцию российской банковской системы от мировых финансовых коммуникаций. Общее количество санкций, введенных против России, превысило тридцать тысяч, что делает ее самой подсанкционной страной в мире. В SDN-листе США находится более ста российских банков, включая системно значимые кредитные организации [13].

Одним из наиболее обсуждаемых инструментов, способных нивелировать негативные последствия санкций, выступают криптовалюты и технология блокчейн. Технология блокчейн представляет собой последовательность блоков, распределяемых между всеми участниками системы при помощи децентрализации. Цифровой регистр транзакций хранится в сети компьютеров (узлов), а не в одном центральном месте, и без единого субъекта, контролирующего всю сеть. Поскольку информация хранится на множестве устройств, она не может быть подвергнута изменению, что обеспечивает надежный обмен данными. Само определение технологии подразумевает, что ее крайне сложно заблокировать или отключить кого-то от нее: ни у какого регулятора нет «рубильника», чтобы отключить другого от сети [2, с. 3].

Однако использование криптовалют порождает фундаментальный юридический вопрос: где проходит граница между правомерным использованием цифровых активов для обеспечения внешнеэкономической деятельности и противоправным поведением, направленным на нарушение законодательства о валютном регулировании и противодействии легализации (отмыванию) доходов? Цель настоящей статьи - на основе анализа доктрины, законодательства и судебной практики определить пределы правомерного поведения при использовании криптовалют для обхода санкций, выявить существующие правовые коллизии и предложить пути их разрешения. Основное внимание уделяется отечественному пониманию проблемы, поскольку именно российская правовая действительность демонстрирует наиболее острые противоречия между публично-правовыми запретами и частноправовыми потребностями экономических агентов.

Обращение к зарубежному опыту позволяет выделить две модели использования криптовалют для преодоления санкционных ограничений. Иранская модель характеризуется государственно-контролируемым подходом: легализация майнинга, лицензирование криптобирж и надзор за транзакциями. В первом полугодии 2025 года общий объем криптовалютных потоков в Иране составил около 3,7 миллиарда долларов США, при этом более шестидесяти пяти процентов операций приходится на блокчейн-платформу TRON, что связано с низкими комиссиями и относительно анонимным характером транзакций [1, с. 159–160]. Венесуэльская модель, напротив, является рыночно-ориентированной и опирается на децентрализованные P2P-механизмы, что, однако, не позволило избежать провала государственного проекта Petro, который не смог обеспечить реальную ликвидность и доверие экономических агентов [1, с. 162]. Опыт этих стран показывает, что криптовалюты могут применяться в трансграничных расчетах как вспомогательный инструмент, однако масштабы их использования объективно ограничены уровнем развития национальной финансовой системы и готовностью иностранных контрагентов к таким расчетам.

Российская специфика заключается в том, что, в отличие от Ирана и Венесуэлы, отечественная финансовая система исторически не испытывала внутреннего спроса на криптовалюты как средство платежа, что сдерживало развитие соответствующей инфраструктуры. Ситуация изменилась после 2022 года, когда санкции создали необходимые предпосылки для вывода криптовалют из «серой зоны» в правовое поле [1, с. 165].

Ключевым нормативным актом, определяющим правовой режим криптовалют в России, является Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3]. Согласно пункту 3 статьи 1 указанного закона, цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, но не являются денежной единицей Российской Федерации или иностранного государства. При этом часть 5 статьи 14 Закона устанавливает прямой запрет на прием цифровой валюты в качестве средства платежа за товары, работы, услуги.

Таким образом, законодатель, с одной стороны, легализует цифровую валюту как объект гражданских прав, что подтверждается включением цифровых прав в статью 128 Гражданского кодекса Российской Федерации [4], а с другой - запрещает ее использование в качестве средства платежа. Возникает парадоксальная ситуация: криптовалюта признается имуществом, но любые юридически значимые действия по ее использованию в расчетах оказываются под запретом.

Эта коллизия порождает серьезные проблемы в правоприменительной практике. Как отмечает С. Н. Лузан, признавая цифровую валюту имуществом в Гражданском кодексе, законодатель оставлял возможность производить операции с ней посредством договора мены, однако, приняв Закон о цифровой валюте, он запретил каким-либо образом распоряжаться ею, при этом санкции за нарушение этого запрета отсутствуют [5, с. 171]. Более того, по Закону о цифровой валюте субъекты гражданских прав имеют право на судебную защиту исключительно в случае, если сообщат в налоговые органы о наличии цифровой валюты, что, по мнению исследователя, противоречит статье 46 Конституции Российской Федерации и статье 11 Гражданского кодекса Российской Федерации [5, с. 171]. Дополнительно Закон вводит запрет на любую информацию о цифровой валюте, которая может быть воспринята как способ оплаты услуг или работ, но также, как и с куплей-продажей цифровой валюты, отсутствует санкция за нарушение этой нормы. Таким образом, действия криптобирж и тысяч людей в России, которые покупают, продают, меняют криптовалюту, оказываются нарушающими законодательство, но санкции за такое нарушение в законодательстве отсутствуют [5, с. 171].

Для решения проблемы авторы предлагают рассматривать криптовалюту как разновидность «иного имущества» и, более того, как объект натуральных обязательств - обязательств, которые не подлежат судебной защите [6, с. 381]. Эта концепция, восходящая к римскому праву, позволяет объяснить, почему суды отказывают в защите прав владельцев криптовалют, не отрицая при этом самого существования обязательственных отношений. Как писал М. М. Агарков, натуральное обязательство порождено справедливостью, тогда как цивильное обязательство основано исключительно на предписаниях права; в некоторых случаях обязательство получает неполную юридическую силу, и в защиту некоторых обязательств не предоставляется иска, однако в случае добровольного исполнения должником возврат предоставленного не допускается [7, с. 53].

Анализ статьи 14 Закона о цифровых финансовых активах позволяет выделить правовые основания для отказа в судебной защите сделок с криптовалютой: отсутствие информации о субъектах сделки, ее объектах или самой сделке [6, с. 384]. Именно латентная природа сделок с криптовалютой, обусловленная анонимностью участников, делает невозможным их полноценное правовое регулирование и защиту. Представляется уместным ввести в научный оборот термин «латентные сделки», то есть сделки, в отношении которых целенаправленно скрывается или отсутствует в свободном доступе информация как о них самих, так и об их объектах, субъектах и иных заинтересованных лицах, вследствие чего такие сделки не могут быть подвергнуты правовой оценке и правовой защите [6, с. 384].

В контексте обхода санкций эта проблема приобретает особую остроту. С одной стороны, использование криптовалют для международных переводов является наиболее продуктивным способом использования технологии блокчейн для обхода санкций, поскольку переводы между криптокошельками не подлежат контролю со стороны государственных органов или финансовых институтов [2, с. 5]. Как отмечается в исследовании А. С. Ваняшева, российские банки отрезаны от системы SWIFT, и основным способом обхода этого ограничения является использование криптовалют. При переводе криптовалют взимается небольшая комиссия, которая зависит от множества факторов и служит вознаграждением майнеров и валидаторов, подтверждающих транзакцию в блокчейне. Транзакции также проходят мгновенно, хотя это зависит от загруженности сети и выбора криптовалюты для перевода. Таким образом, блокчейн позволяет гражданам Российской Федерации без ограничений переводить и принимать любые суммы денег откуда угодно, невзирая ни на какие ограничения. Этот метод также позволяет бизнесу продолжать операционную деятельность несмотря на санкции [2, с. 5-6].

С другой стороны, значительная часть криптоинфраструктуры находится под контролем западных регуляторов. Крупнейшие централизованные криптобиржи, такие как Binance, Coinbase, Kraken, Bybit, OKX, KuCoin, Gate.io, HTX, Bitfinex и MEXC, вводят ограничения для российских пользователей, блокируют счета и запрещают торговые операции [2, с. 4]. Binance ограничила доступ российских пользователей к своим услугам, введя ограничения на депозиты и торговлю. Coinbase заблокировала доступ для российских пользователей, запретив открытие новых аккаунтов и ограничив доступ к торговле и депозитам. Bybit ограничила доступ для российских пользователей, запретив вносить депозиты на платформу. OKX ограничила доступ для российских пользователей, запретив доступ к ряду услуг. Kraken прекратила предоставление услуг пользователям из России в ответ на международные санкции. KuCoin ввела ограничения на доступ к определенным услугам для российских пользователей. Gate.io ограничила доступ к своим услугам для российских пользователей, включая торговлю и депозиты. HTX запретила доступ к ряду услуг для пользователей из России. Bitfinex ограничила доступ к ряду услуг для российских пользователей. MEXC ввела санкции, ограничив доступ к своим услугам для российских пользователей. Это означает, что использование криптовалют для обхода санкций сопряжено с высокими рисками, включая потерю средств, заморозку активов и привлечение к ответственности.

Таким образом, пределы правомерного поведения при использовании криптовалют для обхода санкций оказываются размытыми. С одной стороны, государство заинтересовано в использовании криптовалют для обеспечения внешнеэкономической деятельности, о чем свидетельствует принятие законопроекта о майнинге и обсуждение экспериментальных правовых режимов. В Государственную Думу Российской Федерации в ноябре 2022 года был внесен законопроект, который должен внести изменения в Закон о цифровой валюте и ввести в правовое поле майнинговую деятельность. Законодатель конкретизирует майнинговую деятельность, майнинг-пул, разрешает отчуждать цифровую валюту, полученную в результате деятельности по майнингу, обязывает лицо, ведущее майнинговую деятельность, предоставлять данные о получении цифровой валюты в результате майнинга [5, с. 172]. С другой стороны, отсутствие четкого правового регулирования и судебной защиты создает серьезные риски для участников таких операций.

Для решения этой проблемы необходимо, во-первых, четко определить правовой статус криптовалюты как объекта гражданских прав, устранив существующие коллизии между Гражданским кодексом Российской Федерации и Законом о цифровых финансовых активах. Во-вторых, необходимо создать регулируемую инфраструктуру для совершения операций с криптовалютами, включая лицензирование криптобирж и криптовалютных сервис-провайдеров, а также интеграцию их в периметр пруденциального надзора. В-третьих, необходимо обеспечить судебную защиту прав участников сделок с криптовалютами при условии раскрытия информации о таких сделках в налоговые органы.

При оценке возможностей и ограничений широкого использования криптовалют для минимизации негативных последствий санкционных ограничений в области трансграничных расчетов необходимо учитывать следующие факторы. Уровень развития традиционной финансовой системы: традиционная финансовая система России, в отличие от большинства стран с формирующимися рынками, характеризуется относительно высоким уровнем развития, в том числе высокой инклюзией и доверием со стороны экономических агентов, однако она имеет современные ограничения, связанные с международной интеграцией, диверсификацией и ликвидностью рынков. Это означает, что в отсутствие санкционного давления российская финансовая система не испытывала внутренних потребностей в имплементации криптовалют в платежную сферу и развитии соответствующей инфраструктуры [1, с. 165]. Степень интеграции в мировую финансовую систему: Россия на протяжении последних тридцати лет была значительно интегрирована в мировую финансовую систему, и, хотя в результате санкционного давления 2022–2025 годов произошла значительная дедолларизация внешнеторгового оборота страны, для российской экономики по-прежнему актуальна проблема поиска дополнительных источников ликвидности и механизмов взаиморасчетов по внешнеэкономическим сделкам. Таким образом, криптовалюта может выступать не только дополнительным источником ликвидности, но и использоваться в трансграничных расчетах в России, основанных на блокчейне. Несмотря на то, что рублевые объемы оборота криптовалют в настоящее время на порядок ниже потенциальных оборотов как внешнеторговой деятельности российского бизнеса, так и потребностей в международных расчетных средствах, экономические санкции создали необходимые предпосылки для вывода криптовалют из серой зоны в правовое поле страны и становятся главным стимулом их внедрения в трансграничные расчеты [1, с. 165].

Наличие нормативно-правовой базы, регулирующей оборот криптовалют: в отличие от ряда других подсанкционных стран с формирующимися рынками, в России отсутствует нормативно-правовая база, регулирующая оборот криптовалют, в том числе использование финансовой, платежной и информационной инфраструктуры для их обмена и перевода. Без наличия такой инфраструктуры трудно обеспечить низкую стоимость и высокую скорость обработки криптовалютных транзакций, а также обеспечить низкий размер затрат и относительно высокий уровень доходности поставщиков криптовалютных сервисов [1, с. 165]. Учет имеющихся ограничений в странах-контрагентах на использование криптовалют как средства платежа: для осуществления платежных транзакций криптовалютами с иностранными контрагентами важно учитывать юрисдикцию торговых партнеров и их склонность к подобным расчетам. Иностранные контрагенты должны быть готовы принять криптовалюту в качестве средства платежа. В настоящее время юрисдикции, наиболее благосклонно относящиеся к криптовалютам и имеющие необходимую инфраструктуру, как правило, являются субъектами санкционных ограничений в отношении России. Также некоторые страны в явном и неявном виде ввели запреты на использование криптовалют в любых операциях и сделках, что ограничивает возможности для российского бизнеса поиска партнеров из этих стран по сделкам с расчетами в криптовалютах [1, с. 166].

Перспективы использования криптовалют в России для финансирования внешнеэкономической деятельности определяются не столько технологическими возможностями, сколько институциональными и регуляторными ограничениями. В отличие от большинства подсанкционных стран с формирующимися рынками, российская финансовая система исторически не испытывала внутреннего спроса на криптовалюты в качестве средства платежа, что сдержало развитие соответствующей инфраструктуры. Легализация расчетов в рамках экспериментального правового режима создает правовую основу, однако само по себе не формирует условий для масштабного применения криптовалют в трансграничных расчетах без развития регулируемой инфраструктуры и механизмов управления рисками на системном уровне [1, с. 168].

В целом криптовалюты могут рассматриваться как вспомогательный инструмент диверсификации и повышения эффективности трансграничных расчетов России в условиях финансовых санкций, однако в настоящее время они не способны выступать системной альтернативой традиционным платежным системам и финансовым механизмам. Практическая применимость криптовалют в трансграничных расчетах определяется совокупностью факторов, ключевыми из которых выступают готовность стран-партнеров к использованию таких инструментов и наличие регулирующего механизма со стороны Банка России, позволяющего минимизировать последствия санкционных ограничений без ущерба для финансовой стабильности [1, с. 169].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что использование криптовалют для обхода санкций в настоящее время находится в состоянии правовой неопределенности. Действующее законодательство, с одной стороны, легализует цифровую валюту как объект гражданских прав, а с другой - запрещает ее использование в качестве средства платежа и не обеспечивает судебной защиты сделок с ней. Это создает ситуацию, при которой операции с криптовалютой для обхода санкций формально не запрещены, но и не защищены правом, что порождает высокие риски для их участников.

Для разрешения этой проблемы необходимо комплексное реформирование законодательства, направленное на четкое определение правового статуса криптовалюты, создание регулируемой инфраструктуры для совершения операций с ней и обеспечение судебной защиты прав участников таких сделок при условии их прозрачности для налоговых органов. Только в этом случае криптовалюты смогут стать эффективным и безопасным инструментом для обхода санкций, а не источником дополнительных рисков для российской экономики.

Представляется, что наиболее перспективным направлением является развитие экспериментальных правовых режимов, позволяющих в контролируемых условиях отработать механизмы использования криптовалют в трансграничных расчетах, с последующей генерализацией полученного опыта и формированием полноценной нормативно-правовой базы. При этом важно обеспечить баланс между публично-правовыми интересами государства, заинтересованного в контроле за финансовыми потоками и противодействии легализации преступных доходов, и частноправовыми потребностями экономических агентов, нуждающихся в эффективных инструментах для ведения внешнеэкономической деятельности в условиях санкционных ограничений.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 08.10.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 07.09.2021 № 12-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.
4. Федеральный закон от 13.07.2022 № 235-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 29 (ч. I). Ст. 5243.
5. Законопроект № 237585-8 «О внесении изменений в Федеральный закон "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"» // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/237585-8 (дата обращения: 08.10.2026).
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности ст. 195 и 196, п. 1 ст. 197, п. 1 и абз. 2 п. 2 ст. 200, абз. 2 ст. 208 ГК РФ в связи с запросом Краснодарского краевого суда» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 08.10.2026).
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.10.2021 № 41-КГ21-31-К4, 2-168/2020 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 4.
8. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.03.2024 по делу № 33-8939/2024 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru (дата обращения: 08.10.2026).
9. Апелляционное определение Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.04.2024 № 11АП-3472/2024 по делу № А55-18711/2023 // Официальный сайт Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда. URL: https://11aas.arbitr.ru (дата обращения: 08.10.2026).
10. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Юрид. изд-во Народного комиссариата юстиции СССР, 1940. - 192 с.
11. Ваняшев А.С. Использование криптовалют для обхода экономических санкций: возможности и риски // Развитие региональной экономики: новые возможности роста: сб. науч. статей II Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием), 28 мая 2024 года. Самара: Изд-во СГЭУ, 2024. С. 3–7.

12. Земляченко В.Я., Кравцова Е. А. Криптовалюта как объект гражданских прав и обязанностей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2026. Т. 17, вып. 2. С. 371–388.
13. Кочергин Д.А., Шешукова Е.С. Использование криптовалют для преодоления санкций в платежной сфере: международный опыт и возможности для России // Russian Journal of Economics and Law. 2026. Т. 20, № 1. С. 151–173.
14. Лузан С.Н. Анализ законодательства России о цифровой валюте от легализации до запрета // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 2. С. 169–174.
15. Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 7–29.

УДК 347

ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ЛИЦАМ, ПОНЕСШИМ УЩЕРБ В РЕЗУЛЬТАТЕ СМЕРТИ КОРМИЛЬЦА

Поткина Алёна Николаевна
студентка
Северо–Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Россия, г. Вологда

Аннотация. Фактические имущественные потери, вызванные причинением смерти кормильцу, подлежат возмещению в полном объеме исходя из его заработка (дохода), получаемого им при жизни. Различный подход судов к определению сумм возмещения не способствует восстановлению утраченного имущественного положения потерпевших лиц и ведет к безнаказанности причинителя вреда. Автором освещены отдельные проблемные вопросы, возникающие при возмещении вреда, лицам, понесшим ущерб в результате смерти кормильца.
Ключевые слова. Вред, кормилец, иждивение, размер возмещения, утраченный заработок.

SPECIFIC FEATURES OF COMPENSATING PERSONS WHO SUFFERED LOSS AS A RESULT OF THE DEATH OF A BREADWINNER

Potkina Alyona Nikolaevna
student
North-Western Institute (Branch) Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Russia, Vologda

Abstract. Actual financial losses caused by the death of a breadwinner are subject to full compensation based on the earnings (income) the breadwinner received during their lifetime. The differing approaches taken by courts in determining compensation amounts do not help restore the financial position lost by the affected persons and lead to impunity for the person who caused the harm. The author discusses several problematic issues that arise in compensating persons who suffered loss as a result of the death of a breadwinner.
Keywords. Harm, breadwinner, dependency, amount of compensation, lost earnings.

Гражданским законодательством Российской Федерации предусмотрено право возмещения вреда лицам, понесшим ущерб в результате смерти кормильца.

Статьей 1088 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) определен исчерпывающий перечень лиц, имеющих право на такое возмещение: нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении умершего или имевшие ко дню его смерти право на получение от него содержания; ребенок умершего, родившийся после его смерти; один из родителей, супруг либо другой член семьи независимо от его трудоспособности, который не работает и занят уходом за находившимися на иждивении умершего его детьми, внуками, братьями и сестрами, не достигшими четырнадцати лет либо хотя и достигшими указанного возраста, но по заключению медицинских органов нуждающимися по состоянию здоровья в постороннем уходе; лица, состоявшие на иждивении умершего и ставшие нетрудоспособными в течение пяти лет после его смерти. При этом, один из родителей, супруг либо другой член семьи, не работающий и занятый уходом за детьми, внуками, братьями и сестрами умершего и ставший нетрудоспособным в период осуществления ухода, сохраняет право на возмещение вреда и

после окончания ухода за этими лицами[42].

Перечень этот исчерпывающий и включает лиц, которые по объективным причинам не могут материально обеспечить свое существование по причине возраста, состояния здоровья либо необходимости ухода за другими членами семьи, находящимся в социально-уязвимом положении. Кроме того, должна существовать и быть установлена ситуация нахождения на иждивении именно у умершего лица, то есть обеспечение жизненных потребностей указанных лиц осуществлялось умершим лицом, и он являлся их кормильцем. Вообще иждивение - это термин, используемый в основном в праве социального обеспечения, встречается он и в наследственном праве и, как видим, в деликтных обязательствах. При этом содержание его идентично, как и круг лиц, которые определяются как иждивенцы во всех отраслях и институтах российского права с незначительными особенностями. Иждивенчество детей, не достигших 18 лет, и иждивенство нетрудоспособных по возрасту родителей потерпевшего презюмируется и доказывать его нет необходимости, хотя на практике все же встречаются случаи, когда ответственные за вред субъекты апеллируют именно этим обстоятельством, пытаясь снять с себя ответственность и материальные расходы. Пленум Верховного Суда РФ ориентирует суды на то, что право нетрудоспособных иждивенцев на возмещение вреда по случаю потери кормильца не ставится в зависимость от того, состоят ли они в какой-либо степени родства или свойства с умершим кормильцем. Основополагающими юридическими фактами в этом случае являются факт состояния на иждивении и факт нетрудоспособности[43].

Частью 2 указанной нормы закона установлены сроки, в течение которых потерпевшим возмещается вред: несовершеннолетним до достижения восемнадцати лет; обучающимся старше восемнадцати лет до получения образования по очной форме обучения, но не более чем до двадцати трех лет; женщинам старше пятидесяти пяти лет и мужчинам старше шестидесяти лет пожизненно; инвалидам - на срок инвалидности; одному из родителей, супругу либо другому члену семьи, занятому уходом за находившимися на иждивении умершего его детьми, внуками, братьями и сестрами, - до достижения ими четырнадцати лет либо изменения состояния здоровья.

Как отмечает Н.Ф. Щербаченко, необходимо отметить, что законодатель, устанавливая, что рассматриваемый вред пожизненно возмещается женщинам старше пятидесяти пяти лет и мужчинам старше шестидесяти лет связывал возраст с моментом выхода на пенсию, но в настоящее время условием получения страховой пенсии является достижение возраста для женщин - 60 лет и для мужчин - 65 лет. То есть пенсионный возраст был увеличен пенсионным законодательством, но эти изменения в гражданском законодательстве отражены не были. По мнению ученой, если отечественный законодатель рассматривает женщин до достижения 60 лет и мужчин до достижения 65 лет как лиц, которые могут осуществлять трудовую деятельность и сами обеспечивают свои потребности, то такая политика должна быть последовательной и в будущем отразится на институте возмещения вреда, причиненного смертью кормильца. В связи с этим, необходимо внести изменения в ст. 1088 ГК в части возраста лиц, имеющих право на возмещение вреда причиненного смертью кормильца: женщины 60 лет, мужчины - 65 лет.

В диспозиции ст. 1089 ГК РФ указано, что размер возмещения вреда, причиненного смертью кормильца, регулируется статьей 1086 ГК РФ.

Следует отметить, что структура статьи 1089 ГК РФ «Размер возмещения вреда, понесенного в случае смерти кормильца» не совсем удачная, поскольку правило определения размера возмещения вреда, понесенного в результате смерти кормильца, может применяться только с учетом требований ст. 1086 ГК РФ, которая распространяется на случаи причинения вреда здоровью, то есть ст. 1089 ГК РФ является отсылочной. Исходя из положений статьи 1086 ГК РФ, законодателем предложена методика расчета размера возмещения в случае утраты иждивения.

Для определения размера возмещения на каждого иждивенца, среднемесячный заработок умершего кормильца делится на всех лиц, указанных в ст. 1088 ГК РФ. Общая сумма за двенадцать

---

[42] Дроганова А.С. Компенсация морального вреда при причинении вреда жизни и здоровью гражданина // В сборнике: Молодежный научный форум. сборник статей по материалам CCXXIII студенческой международной научно-практической конференции. Москва, 2023. - С. 73

[43] п. 33 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»//Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2010. - № 3.

месяцев, которые предшествовали смерти, делится на двенадцать. Предусмотрена и возможность замены или исключения не полностью отработанных потерпевшим месяцев, или деление заработка на фактически отработанное количество месяцев.

Таким образом, размер возмещения вреда, причиненного смертью кормильца, рассчитывается из среднемесячного заработка умершего за вычетом доли (процента), приходящейся на самого кормильца и трудоспособных граждан, состоявших на его иждивении. Законодатель, предусмотрев порядок расчета размера возмещения вреда, также определил состав утраченного заработка (дохода) потерпевшего.

Исключена возможность уменьшения размера возмещения вреда на сумму пенсии, назначенной по случаю смерти кормильца, других видов пенсии, а также заработка (дохода) и стипендии, и предусмотрена возможность при определении размера возмещения вреда лицам, утратившим кормильца, включения в состав доходов умершего наряду с заработком (доходом) пенсии, пожизненного содержания и других подобных выплат, получаемых умершим при жизни. В целях более полного удовлетворения интересов лиц, потерявших кормильца, учитываются все виды заработка (дохода) в суммах, начисленных до удержания налогов.

Размер утраченного заработка однозначно должен быть доказан потерпевшими, поэтому для определения среднемесячного заработка учитывается только официально полученный доход, документально подтвержденный, в том числе данными налоговой инспекции (Постановление Конституционного Суда РФ от 5 июня 2012 № 13-П)[44].

В то же время, формула определения размера возмещения вреда, предусмотренная статьей 1086 ГК РФ, достаточно абстракта, поскольку не содержит ответа на вопрос о том, как должны устанавливаться доли лиц, находящихся на иждивении, и лиц, имеющих право на получение содержания, в каком порядке данные доли должны определяться, если право на возмещение вреда имеют одновременно и те, и другие. Еще одной проблемой, возникающей при определении размера возмещения вреда лицам, утратившим кормильца, является нелегальное трудоустройство.

Не все ведут свой бизнес честно, зачастую заработная плата выплачивается частично или полностью «в конвертах», работники осуществляют трудовую функцию без официального оформления. В таких ситуациях прокурор вправе установить в судебном порядке факт работы при жизни умершего кормильца, факт получения им заработка.

В качестве примера можно привести определение судебной коллегии по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 03.03.2020 по делу № 88-4713/2020, подтвердившем обоснованность действий заместителя прокурора г. Керчи, обратившегося в суд в интересах К. с иском к индивидуальному предпринимателю С.Н. и Государственной инспекции труда в Республике Татарстан об установлении факта трудовых отношений, признании полученной травмы несчастным случаем на производстве, оспаривании акта о расследовании несчастного случая, возложении обязанности составить акт по форме Н-1 по факту несчастного случая на производстве[45].

Когда установить средний заработок (доход) не представляется возможным, он в соответствии с ч. 4 ст. 1086 ГК РФ может быть определен исходя из заработка, имеющегося до увольнения, или же на уровне обычного размера вознаграждения работника с такой же квалификацией в данной местности либо на уровне установленной в соответствии с законом величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по России. Но и здесь не все однозначно.

С одной стороны, данная норма не требует установления причин, по которым потерпевший (в нашем случае умерший кормилец, чей средний заработок следует установить для последующего определения размера возмещения вреда), не работал, с другой стороны нет полной ясности относительно возможности ее применения к лицам, являющимся получателями пенсий и пособий. Предполагается, что данное законоположение должно применяться и к неработающим пенсионерам, и к любым другим лицам, не работающим на момент причинения смерти.

Интересны случаи с выплатами единовременного характера, которые в соответствии с ч. 2 ст. 1086 ГК РФ не подлежат учету при расчете размера утраченного заработка. Какие выплаты следует относить к таковым помимо поименованных в указанной норме. Одни суды не учитывают премии, надбавки, иные

---

[44] Постановление Конституционного Суда РФ от 5 июня 2012 № 13-П // СПС «Консультант Плюс»

[45] Определение судебной коллегии по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 03.03.2020 по делу № 88-4713/2020 // СПС «Консультант Плюс»

стимулирующие и компенсационные выплаты, считая их единовременными, другие же, напротив, учитывают, мотивируя тем, что последние относятся к видам оплаты труда, подлежащим в силу статьи 1086 ГК РФ учету при расчете среднемесячного заработка в целях возмещения вреда, причиненного повреждением здоровья (Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.08.2020 № 88-13526/2020)[46].

Суды при определении размера возмещения вреда, понесенного в результате смерти кормильца, должны исходить из позиции установления не только разумного и соразмерного, но и полного объема возмещения. В противном случае, восстановительная функция обязательств из причинения вреда перестает работать и начинает приобретать характер компенсационной, что идет в разрез с положениями Гражданского кодекса РФ.

Важно сохранение баланса: выгодополучатель не должен неосновательно обогатиться, а причинитель вреда не должен быть необоснованно освобожден от ответственности за свои неправомерные действия и от выполнения обязательств по возмещению вреда. Отсутствие возможности получить возмещение за причиненный вред и восстановить утраченное имущественное положение может привести к безнаказанности причинителя вреда.

Отметим, что в правоприменительной практике возникают споры относительно субъектов, имеющих право на получение возмещения по случаю потери кормильца. Приведем примеры.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2022 № 4-КГ22-49-К1 установлено, что «Из приведенных нормативных положений Гражданского кодекса Российской Федерации и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует, что к числу лиц, имеющих право на возмещение вреда в случае смерти кормильца, включающее в том числе ежемесячные платежи в размере той доли заработка (дохода) умершего, которую они получали или имели право получать на свое содержание при жизни умершего, относятся не только нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении умершего кормильца, но и нетрудоспособные лица, имевшие ко дню смерти кормильца право на получение от него содержания. При этом право на возмещение вреда в связи со смертью кормильца у нетрудоспособных лиц, имевших ко дню смерти кормильца право на получение от него содержания, законом не поставлено в зависимость от того, получали они от умершего кормильца ко дню его смерти такое содержание фактически или нет, то есть доказывание факта нахождения таких лиц на иждивении кормильца на момент его смерти в данном случае не требуется. Нетрудоспособными применительно к отношениям по возмещению вреда в случае смерти кормильца являются в том числе лица, достигшие возраста: женщины - 55 лет, мужчины - 60 лет. Предоставление права на возмещение вреда в случае смерти кормильца лицам, имевшим право на получение содержания от кормильца ко дню его смерти, обусловлено необходимостью поддержания стабильности их имущественного положения как лишившихся возможности компенсировать утрату такой помощи самостоятельно, за счет собственных усилий.»[47].

Согласно определению Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.11.2022 № 88-29369/2022 «Суд апелляционной инстанции указал, что сама по себе нуждаемость члена семьи кормильца в получении от него помощи не является достаточным доказательством нахождения его на иждивении умершего (за исключением детей), поскольку значение имеет именно сам факт оказания кормильцем при жизни постоянной помощи иждивенцу, наличие у кормильца с учетом его состояния здоровья и собственных нужд возможности оказывать при жизни помощь, которая являлась постоянной и выступала в качестве основного источника средств к существованию другого лица.»[48].

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

[46] Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.08.2020 № 88-13526/2020 // СПС «Консультант Плюс»

[47] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2022 № 4-КГ22-49-К1 // СПС «Консультант Плюс»

[48] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.11.2022 № 88-29369/2022 // СПС «Консультант Плюс»

2. О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 3.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.06.2012 № 13-П // СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.12.2022 по делу № 4-КГ22-49-К1 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.11.2022 по делу № 88-29369/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение судебной коллегии по гражданским делам Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 03.03.2020 по делу № 88-4713/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.08.2020 по делу № 88-13526/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Дроганова А.С. Компенсация морального вреда при причинении вреда жизни и здоровью гражданина / А.С. Дроганова // Молодёжный научный форум : сборник статей по материалам CCXXIII студенческой международной научно-практической конференции. – Москва, 2023. – С. 73.

УДК 504.05

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВА ГРАЖДАН, ПРОЖИВАЮЩИХ В МЕГАПОЛИСЕ: ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ ЭТИХ ПРАВ

Прянишникова Анастасия Евгеньевна
студентка 4 курса
научный руководитель: **Кузьмина Мария Вячеславовна**
к.ю.н., доцент кафедры теоретико-правовых и исторических наук
Оренбургский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Оренбург

Аннотация. Статья посвящена проблеме экологического благополучия в мегаполисах и реализацию права граждан на благоприятную среду. Анализируются правовые основы экологической безопасности и механизмы защиты прав, включая общественный контроль, экомониторинг и судебную защиту. На примере дела полигона ТБО «Кучино» показаны инструменты реагирования на нарушения: надзорные проверки, административная ответственность, возмещение ущерба и рекультивация в рамках нацпроекта «Экология». Рассматриваются подходы Г.А. Габояна (экологизация законодательства) и П.А. Зуева (превентивный контроль). Сбалансировать экономическое развитие и экологическую безопасность можно через комплексный подход: совершенствование законодательства, усиление контроля, развитие мониторинга и повышение экологической грамотности.
Ключевые слова: мегаполисы, урбанизация, экологические права, экологическая безопасность, экомониторинг, общественный контроль, природоохранное законодательство.

ECOLOGICAL RIGHTS OF CITIZENS LIVING IN A MEGAPOLIS: GUARANTEES FOR THE REALIZATION OF THESE RIGHTS

Pryanishnikova Anastasia Evgenievna
4th year student
scientific supervisor: **Kuzmina Maria Vyacheslavovna**
candidate of Legal Sciences, Associate Professor at the Department of Theoretical and Legal Sciences Orenburg Institute (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL)”, Orenburg

Abstract. The article is devoted to the problem of environmental well-being in megacities and the realization of citizens’ right to a favourable environment. The legal foundations of environmental safety and mechanisms for protecting rights, including public control, environmental monitoring and judicial protection, are analysed. Using the example of the Kuchino solid waste landfill case, the tools for responding to violations are demonstrated: supervisory inspections, administrative liability, compensation for damage and reclamation within the framework

of the “Ecology” national project. The approaches of G. A. Gaboyan (environmentalisation of legislation) and P. A. Zuev (preventive control) are considered. Economic development and environmental safety can be balanced through a comprehensive approach: improving legislation, strengthening control, developing monitoring systems, and raising environmental awareness.
Keywords: megacities, urbanization, environmental rights, environmental safety, environmental monitoring, public control, environmental legislation.

В современных реалиях проблема экологического благополучия одна из основных, в решении которой заинтересованы не только люди, проживающие на планете, но и органы власти каждого государства. Мегаполисы – это сложноустроенные системы, которые развиваются под влиянием урбанизации, глобальных вызовов, тем самым затрагивая различные сферы, такие как экономика, экология, социальная сфера, инфраструктура. Внутри любого мегаполиса его элементы, к числу которых относятся здания, транспорт, сооружения, технологии и люди, между собой взаимодействуют системно и потому связь между ними должна быть настолько прочной, чтобы обеспечить комфортную среду для жизни каждого человека, но не только в настоящем времени, но и в будущем. Больше всего из-за ежедневного развития больших городов подвергается негативному воздействию окружающая среда, потому что ее невозможно воссоздать, вернуть в прежнее положение, это то, что даровано нам природой, и мы должны сохранить и даже улучшить её.

В 2025 году на площадке XI Невского международного экологического конгресса состоялся Деловой завтрак «Экология больших городов», посвященный вопросам экологии современных мегаполисов. Первый заместитель Председателя Совета Федерации Андрей Яцкин отметил, что урбанизация влечет за собой риски, в том числе экологические. Поэтому устойчивое развитие крупных городских агломераций требует гармоничного, комплексного решения экономических, социальных и экологических задач. «Для Российской Федерации эта тема особенно актуальна с учётом того, что у нас уровень урбанизации составляет около 75 проц. На сегодняшний день в нашей стране насчитывается 16 городов с численностью населения более одного миллиона человек», — рассказал первый вице-спикер СФ [10].

Самым острым экологическим вопросом является качество воздуха. Ежесекундно каждый человек вдыхает смесь углекислого газа и кислорода, но процент первого гораздо выше, особенно в мегаполисах, поэтому задача любого государства минимизировать риск загрязнения воздуха от строительства, использования транспорта, внедрения новых технологий, заводов, станций и т.д. За последние десять лет количество выбросов вредных веществ в атмосферу сократилось в восемь с половиной раз в расчёте на валовой региональный продукт. Данная положительная тенденция в улучшении качества воздуха сохраняется и в 2025 году. «Добиться таких результатов удалось благодаря комплексной модернизации столичной промышленности, внедрению энергоэффективных технологий и все более активному переходу на электротранспорт», — уточнил мэр одного из крупнейших мегаполисов – Москвы – Сергей Семёнович Собянин [4].

Правовое регулирование деятельности, оказывающей влияние на экологию, обеспечивается различными нормативными правовыми актами. Правовые основы экологической безопасности заложены в Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ): право на благоприятную окружающую среду, на достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением [3]. Основополагающим нормативным актом является Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 №7 – ФЗ (далее – ФЗ «Об охране окружающей среды»), который определяет правовые основы государственной политики в области охраны окружающей среды, обеспечивающие сбалансированное решение социально-экономических задач, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности [5]. Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30.03.1999 №52-ФЗ, который регулирует отношения в сфере безопасности здоровья от неблагоприятного воздействия внешней среды [7]. А также Федеральный закон «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 №2300-1, который закрепляет инструменты реализации экологических прав, закрепленных в вышеуказанных нормативных актах, т.е. данный федеральный закон не закрепляет новые права, а лишь способствует появлению правовой

возможности граждан для осуществления уже имеющихся прав в сфере экологической безопасности [6]. Помимо федеральных законов в данном вопросе имеют значение различные СанПиНы, акты специализированных надзорных органов, таких как Росприроднадзор, Роспотребнадзор, прокуратура, региональные департаменты в сфере природопользования.

Суть проблемы реализации экологических прав граждан, проживающих в мегаполисах, заключается в неустранимом конфликте интересов между социально-экономическим развитием городов, к которому стремится каждое государство, и потребностью граждан в безопасной среде обитания. Основная цель создания мегаполиса – это сосредоточение и эффективное использование ресурсов (человеческих, экономических, социальных, научно-технологических) в одном «месте» для развития города, региона и в целом страны. Всё это неразрывно связано с окружающей средой, так как любое внедрение или новшество так или иначе затрагивает флору и фауну конкретной территории. Потому самая главная задача заключается в минимизации воздействия на среду обитания, поиск механизмов, которые бы смогли не только сохранить имеющуюся экосистему, но и поспособствовать предотвращению дальнейшего ее разрушения. В данном случае затрагиваются не только права граждан на благоприятную окружающую среду, но и обязанность, закрепленная в Конституции РФ, сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам [3]. В мегаполисе природа перестает быть самовосстанавливающейся экосистемой и превращается в искусственно поддерживаемую среду, где плотность населения и концентрация загрязнителей достигают наивысших значений. Из-за транспортной нагрузки большое количество выбросов в атмосферу; из-за увеличения числа застроек сокращение лесов, парков, скверов, что приводит к «запечатыванию» почв асфальтом, лишая город естественных фильтров; неправильное обращение с отходами приводит к загрязнению почвы, воздуха; появление еще большего числа заводов также негативно влияет на экологию. На данный момент государство направлено на политику улучшения. Так публикуются официальные публичные геопорталы, т.е. существуют экологические карты с зонами подтопления, шумовыми картами транспортных магистралей, радиационным фоном и санитарно-защитными зонами предприятий. Последнее означает, что вокруг ТЭЦ, промзон, мусоросортировочных комплексов и крупных магистралей устанавливается жесткий барьер (от 50 до 1000 метров), в пределах которых запрещено, согласно СанПиН 2.2.1/2.1.1.1200-03 [9], строить жилье, детские площадки, школы и больницы. Также существуют городские платформы быстрого реагирования: сервисы «Наш город» (Москва), «Наш Санкт-Петербург», где граждане могут оставить жалобу на стихийные свалки, разливы или поломку контейнерных площадок. Причем срок реагирования регламентирован 8 рабочими днями с последующим фотоотчетом об устранении конкретной проблемы. Нельзя не сказать о судебных и процессуальных гарантиях, которые являются последней инстанцией в решении устранения вопроса, связанного с нанесением ущерба экологии. Рассуждая о возможности предусмотреть интересы каждого, с одной стороны, на данном этапе развития цивилизации невозможно представить жизнь без застройки городов, усовершенствования инфраструктуры, расширения туризма и других этапов урбанизации. Но, с другой стороны, для обеспечения нормальной жизнедеятельности каждому человеку на планете нужны чистые воздух и вода, незагрязненная почва, леса, экологически чистые продукты, одежда из натуральных тканей и многое другое. Таким образом, возникает необходимость соблюсти баланс, но возникает вопрос: «Возможно ли учесть интересы каждого или без потерь не обойтись?».

Ежегодно среди российских ученых поднимается тема реализации экологических прав в различных направлениях ее обсуждения, касаемо развития мегаполисов не исключение. Так, Г.А. Габоян в своей работе «Правовое содержание экологизации комфортной городской среды» проанализировал, как в условиях мегаполиса, обеспечить реализацию конституционных прав. Автор отмечает, что развитие мегаполисов реализует «право на достойную жизнь, гарантированное Конституцией РФ», но при этом указывает на то, что «обеспечить достойную жизнь в условиях неблагоприятной экологической обстановки невозможно». Казалось бы, возникает парадокс, потому автор выбирает путь решения вопроса через правовую основу, а именно учет вышеназванных факторов в действующем законодательстве. В итоге автор приходит к выводу, что необходимо проводить «экологизацию соответствующего законодательства (в широком смысле): о градостроительной деятельности, о благоустройстве территории и обеспечении граждан жильем». В связи с этим Г.А. Габоян предлагает «формировать перечни применения наилучших доступных технологий с учётом территориального фактора (например, близости промышленных зон к жилым районам) и учитывать экологические параметры в цифровых моделях

развития города» [1] Другой ученый П.А. Зуев нашел решение проблемы с гарантированной реализацией экологических прав граждан в общественном контроле. В своей работе «Роль института общественного контроля в обеспечении конституционного права на благоприятную окружающую среду» автор отметил, что общественный контроль – это важный элемент механизма защиты, на практике его эффективность снижается «из-за фрагментарности правовой базы, рекомендательного характера результатов контроля и отсутствия эффективных процедур взаимодействия между общественностью и органами публичной власти» [2]. П.А. Зуев, поддерживая научную доктрину, предлагает придерживаться концепции «превентивно-компенсаторной функции», т.е. действовать через «предупреждение потенциального вреда» и «возмещение причиненного ущерба». Для практической реализации данной теории автор отмечает необходимость внесения изменений в ст. 68 ФЗ «Об охране окружающей среды» [5]. «Целью таких изменений является придание результатам общественного контроля, особенно отрицательным заключениям общественной экологической экспертизы, поддержанным квалифицированным большинством участников общественных слушаний, юридически обязывающего характера».

Таким образом, обозревая мнения ученых, мы приходим к выводу о том, что несмотря на уже существующие гарантии реализации экологических прав, которые закреплены в градостроительных регламентах, в экологическом нормировании, выражаются через государственные экологические экспертизы, государственные системы экомониторинга, а также институт общественных обсуждений и публичных слушаний, по сей день возникают правовые пробелы в регулировании вопросов, связанных с экологическим благополучием.

Несмотря на многообразие гарантированных форм реализации экологических прав граждан во внесудебном порядке, судебная практика показывает, что большое количество дел подлежит разрешению через суд. Согласно ст. 75 ФЗ «Об охране окружающей среды» [5], за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды устанавливаются имущественная, дисциплинарная, административная и уголовная ответственность. Одним из известных резонансных случаев является дело полигона твердых бытовых отходов (ТБО) «Кучино» (г. Балашиха, Московская область), которое наглядно демонстрирует столкновение интересов растущего мегаполиса и права сотен тысяч людей на благоприятную окружающую среду, а также показывает, какие конкретно правовые инструменты и гарантии были применены. Суть конфликта заключалась в том, что из-за разрастания Москвы и Балашихи многоэтажная жилая застройка подошла к гигантской свалке на расстояние 200–400 м при нормативе санитарно-защитной зоны (СЗЗ) не менее 500–1000 м (СанПиН 2.2.1/2.1.1.1200-03) [9]. Свалочный газ (сероводород, метан) накрыл восток столичного региона; замеры зафиксировали превышение ПДК (предельно допустимая концентрация) сероводорода в 20–34 раза. После этого жители обратились на «Прямую линию» с Владимиром Владимировичем Путиным в 2017 году, тогда и произошел переломный момент в данном деле после многочисленного количества отправленных людьми жалоб, остававшихся без рассмотрения. Так общими усилиями граждан и органов государственной власти был проведен ряд мероприятий по устранению проблемы загрязнения окружающей среды. Мобильные лаборатории и стационарные посты ГПБУ «Мосэкомониторинг» зафиксировали превышение ПДК, Росприроднадзор провел внеплановую проверку эксплуатирующей организации (оператора полигона) ЗАО «Заготовитель», были составлены протокола в отношении последнего по ст. 8.2 КоАП РФ (несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами), далее суд назначил административное приостановление деятельности оператора, а затем последовал отзыв лицензии на размещение отходов I-IV классов опасности. Все дело в том, что компания систематически нарушала природоохранное законодательство: эксплуатировала объект с отступлением от проектной документации, не получила положительного заключения государственной экологической экспертизы, не выполнила в срок работы по технической эксплуатации и биологическому этапу рекультивации, а также размещала отходы за пределами разрешённого земельного участка. В итоге размер вреда, причиненного окружающей среде (почве, грунтовым водам и воздуху), который суд обязал взыскать, составил 6,2 млрд рублей [8]. Поскольку с виновного лица (ЗАО «Заготовитель») не удалось взыскать всю сумму ущерба, то гарантия рекультивации как восстановления нарушенного права осуществлялась в рамках федерального проекта «Чистая страна» (национального проекта – «Экология»), государство выделило свыше 4 млрд рублей из бюджета как субсидиарную гарантию защиты прав граждан на жизнь и здоровье. В рамках данного проекта были проведены такие мероприятия, как экстренная дегазация; изоляция полигона путем формирования тела свалки определенной формы, чтобы исключить контакт отходов с воздухом и

осадками; очистка фильтратов. Таким образом, дело полигона «Кучино» показало, что с помощью различных гарантий можно добиться реализации экологических прав. Несмотря на то, что источник опасности был обезврежен и закрыт, но получить компенсацию за причиненный здоровью вред жители не смогли из-за сложности персонального доказывания ущерба.

В условиях мегаполиса конституционное право на чистую окружающую среду трансформируется: оно превращается из права на сохранение естественных природных систем в право на обеспечение санитарно-эпидемиологической безопасности искусственно созданной среды обитания. Основная правовая проблема заключается в неразрешимом противоречии между необходимостью экономического развития городской агломерации и общественным интересом к сохранению биологической безопасности жителей. В мегаполисе негативное воздействие человеческой деятельности имеет комплексный и накопительный характер (выбросы от транспорта, шумовое загрязнение, разрушение почвенно-растительного покрова и нехватка мощностей для переработки отходов), что делает неэффективными традиционные отраслевые нормы. Невозможно найти одно решение для такой глобальной проблемы. Для того, чтобы добиться успехов в учете интересов всех, необходимо проводить целый комплекс мероприятий, постоянно совершенствовать законодательство с учетом не прекращаемого социально-экономического и политического развития больших городов, но при всем при этом необходимо помнить, что природа и человек неразрывно связаны друг с другом, потому интересы одной и другой стороны должны быть учтены в обязательном порядке. Правовой механизм обеспечения экологических прав жителей мегаполиса включает превентивные, контрольно-информационные и юрисдикционные гарантии, но для их осуществления необходим контроль со стороны государства за надзорными органами в сфере природопользования, развитие систем мониторинга качества среды, повышение ответственности должностных лиц за препятствие экологической активности граждан, а также за нарушения со стороны представителей власти законодательства в сфере экологии. Но и со стороны общества должно быть проявлено уважительное отношение к окружающей среде через прорабатывание экологической грамотности, совершение повседневных дел, не забывая заботиться о природе. Таким образом, только комплексный подход сможет привести к улучшению экологической ситуации в мегаполисах, но наибольшая ответственность за это лежит на государстве, так как именно оно выстраивает такую политику, которая должна учесть все нюансы, возникающие при решении проблем экологического характера.

Список литературы:

1. Габоян Г. А. Правовое содержание экологизации комфортной городской среды // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. — 2026. — Т. 26, № 1. — С. 99–105.
2. Зуев П.А. Роль института общественного контроля в обеспечении конституционного права на благоприятную окружающую среду // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 9А. С. 122-129. — URL: www.publishing-vak.ru (дата обращения: 02.11.2026).
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). — Ст. 8 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 02.11.2026).
4. Москва – самый зеленый мегаполис мира [Электронный ресурс] // Личный сайт мэра Москвы С.С. Собянина. – Дата публикации: 28.08.2026. – URL: www.sobyanin.ru (дата обращения: 02.11.2026).
5. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10.01.2002 №7-ФЗ // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – URL: www.consultant.ru (дата обращения: 02.11.2026).
6. О защите прав потребителей: Закон от 07.02.1992 №2300-1 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2026) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – URL: www.consultant.ru (дата обращения: 02.11.2026).
7. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения : Федеральный закон от 30.03.1999 №52-ФЗ // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: www.consultant.ru (дата обращения: 02.11.2026).
8. Решение Арбитражного суда Московской области от 6 сентября 2017 г. по делу № А41-49755/2017 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: www.sudact.ru (дата обращения: 02.11.2026).

9. Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы СанПиН 2.2.1/2.1.1.1200-03 «Санитарно-защитные зоны и санитарная классификация предприятий, сооружений и иных объектов» (с изменениями на 29 декабря 2025 года) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. — URL: www.base.garant.ru (дата обращения: 02.11.2026).
10. Экология современных мегаполисов стала темой Делового завтрака в рамках Невского международного экологического конгресса [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. – Дата публикации: 23.05.2025. – URL: www.council.gov.ru (дата обращения: 02.11.2026).

УДК 349.6:351.814.33

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ ДЛЯ МОНИТОРИНГА СОСТОЯНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Родина Анастасия Васильевна
студент 4 курса
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», Оренбургский институт (филиал).
Россия, г. Оренбург

Аннотация. В статье исследуются актуальные правовые проблемы, возникающие при внедрении и функционировании цифровых платформ для мониторинга состояния окружающей среды. Автор подробно анализирует вопросы юридического статуса государственных и альтернативных коммерческих мониторинговых систем, правовой режим данных дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) и показаний IoT-датчиков. В работе детально рассматриваются проблемы легитимности и верификации цифровых данных как доказательственной базы в экологических спорах и при привлечении к юридической ответственности. Особое внимание уделено рискам фрагментации информационного пространства, дублирования функций ведомств и уязвимости критической информационной инфраструктуры в условиях внешних технологических ограничений. На основе проведенного анализа предложены перспективные направления гармонизации экологического и цифрового законодательства, включая внедрение сквозных стандартов валидации данных и интеграцию распределенных реестров для обеспечения неизменности экологической информации.
Ключевые слова: экологический мониторинг, охрана окружающей среды, эколого-правовые споры, ГИС, цифровая трансформация.

LEGAL PROBLEMS OF IMPLEMENTING DIGITAL PLATFORMS FOR MONITORING THE ENVIRONMENTAL STATUS

Anastasia Vasilievna Rodina
4th-year student
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Kutafin Moscow State Law University (MSAL)», Orenburg Institute (Branch), Russia, Orenburg

Abstract. The article examines current legal problems arising during the implementation and operation of digital platforms for monitoring the environmental status. the author analyzes in detail the issues of the legal status of state and alternative commercial monitoring systems, the legal regime of earth remote sensing (ers) data and iot-sensor readings. the study detailedy considers the problems of legitimacy and verification of digital data as evidentiary basis in environmental disputes and when imposing legal liability. special attention is paid to the risks of information space fragmentation, duplication of departmental functions and vulnerability of critical information infrastructure under conditions of external technological restrictions. based on the conducted analysis, promising directions for harmonization of environmental and digital legislation are suggested, including the implementation of end-to-end data validation standards and the integration of distributed ledgers to ensure the immutability of environmental information.
Keywords: environmental monitoring, environmental protection, environmental legal disputes, GIS (geographic information systems), digital transformation.

Процессы глобальной цифровизации государственного управления и реального сектора экономики закономерно затронули сферу экологических правоотношений. Традиционные методы государственного экологического мониторинга, опирающиеся на дискретный ручной отбор проб и локальные лабораторные исследования, сегодня стремительно уступают место комплексным платформенным решениям. Современные цифровые платформы мониторинга состояния окружающей среды аккумулируют огромные массивы разнородной информации-от данных космического дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) до непрерывных показаний автоматических датчиков интернета вещей (IoT), установленных непосредственно на источниках выбросов. Однако опережающее развитие технологических решений вошло в глубокое противоречие с консервативной правовой надстройкой. Отсутствие системного регулирования цифрового экомониторинга не только снижает управленческую эффективность, но и порождает масштабные коллизии при попытках использования этих данных в правоприменительной практике [6, с. 42]. Наложение цифровых инноваций на институты экологического права требует коренной модернизации базовых юридических концепций, начиная от легитимации источников данных и заканчивая трансформацией институтов юридической ответственности [4, с. 112].

Основная концептуальная сложность заключается в том, что действующее экологическое законодательство исторически формировалось вокруг жестких, иерархических государственных систем сбора информации. Внедрение распределенных платформенных решений, где источниками данных могут выступать не только государственные органы, но и частные корпорации, общественные организации и даже отдельные граждане, разрушает эту монополию. Правовые механизмы государственного управления оказываются не готовы к интеграции альтернативных потоков информации, что приводит к дефрагментации экологического информационного пространства и снижению доверия к принимаемым управленческим решениям [10, с. 88].

Центральной правовой проблемой внедрения цифрового мониторинга является неопределенность юридического статуса самих информационных платформ и правового режима циркулирующих в них данных. В российском правовом поле ключевым элементом выступает Единая государственная система экологического мониторинга (государственного мониторинга окружающей среды), состоящая из множества подсистем. Однако правовые нормы, регулирующие функционирование этих подсистем, до сих пор ориентированы на бумажный или в лучшем случае изолированный электронный документооборот, а не на сквозное платформенное взаимодействие в режиме реального времени [1, с. 14].

Когда создается комплексная цифровая платформа, возникает вопрос: являются ли аккумулированные в ней сведения юридически значимыми? Данные, полученные с помощью автоматических измерительных комплексов, беспилотных летательных аппаратов или спутников, должны пройти процедуру легитимации, прежде чем стать основой для принятия юридических решений-например, для выдачи предписаний об устранении нарушений или приостановлении деятельности предприятия [3, с. 74]. В правоприменительной практике возникает разрыв: приборы фиксируют залповый выброс загрязняющих веществ в атмосферу, цифровая платформа мгновенно визуализирует это на карте, однако с точки зрения процессуального права этот массив пикселей и цифр не является доказательством правонарушения до тех пор, пока на место не выедет инспектор и не оформит классический протокол с привлечением аккредитованной лаборатории [11, с. 119]. В результате оперативность, составляющая главное преимущество цифровых платформ, полностью нивелируется бюрократическими барьерами.

Для преодоления этой проблемы необходимо на законодательном уровне закрепить презумпцию достоверности данных верифицированных цифровых платформ. Правовой механизм должен четко разграничивать требования к государственным платформам и к частным информационным системам промышленных предприятий. Последние, в рамках выполнения требований о внедрении автоматических систем контроля выбросов на объектах первой категории, обязаны интегрировать свои локальные датчики с государственными информационными ресурсами. Правовые коллизии здесь возникают на стыке защиты коммерческой тайны и конституционного права граждан на достоверную информацию о состоянии окружающей среды [5, с. 93].

Эколого-правовые споры отличаются высокой сложностью доказывания, особенно в части установления причинно-следственной связи между действиями конкретного природопользователя и наступившим вредом окружающей среде. Цифровые платформы теоретически призваны решить эту задачу, предоставляя непрерывный трек состояния экосистем. Однако на практике результаты

автоматизированного мониторинга регулярно оспариваются в судах со ссылкой на процессуальные пороки получения информации [2, с. 154].

Основной предмет судебных споров-это метрологическая аттестация и калибровка оконечных устройств (датчиков), передающих информацию на платформу. Физический датчик, установленный на открытом воздухе, подвержен воздействию агрессивной среды, температурных колебаний и умышленному вмешательству со стороны персонала предприятия. Если алгоритм платформы фиксирует аномалию, ответчик в суде всегда имеет сильную позицию: заявить о техническом сбое, программной ошибке или раскалибровке прибора [7, с. 201]. Действующее процессуальное законодательство (как АПК РФ, так и ГПК РФ) не содержит специализированных правил оценки цифровых экологических доказательств. Судьи, не обладая специальными техническими знаниями, зачастую отвергают сложные аналитические модели платформы, требуя традиционных бумажных актов экспертиз [4, с. 145].

Правовой механизм легитимации данных должен включать в себя обязательное использование технологий распределенного реестра (блокчейн) для фиксации входящих телеметрических потоков. Запись показаний датчика непосредственно в децентрализованную базу данных в момент измерения исключает возможность последующей корректировки или удаления информации как со стороны недобросовестного предприятия, так и со стороны коррумпированного инспектора. Закрепление в экологическом праве юридического статуса «неизменяемых цифровых логов» как самостоятельного вида доказательств позволит кардинально повысить исполнимость экологических требований и снизить издержки на проведение дорогостоящих натурных экспертиз [8, с. 52].

Современные экологические платформы давно вышли за рамки простых хранилищ данных. Они активно используют алгоритмы искусственного интеллекта (ИИ) и прогнозной аналитики. ИИ способен на основе ретроспективных данных, метеоусловий и космических снимков предсказывать развитие лесных пожаров, моделировать распространение пятен загрязнения в акваториях и выявлять незаконные свалки морфологическим анализом космоснимков [9, с. 104].

Здесь возникает острая правовая проблема: кто несет юридическую ответственность за ошибочные решения, принятые на основе рекомендаций или автоматических выводов ИИ? Если цифровая платформа ошибочно спрогнозировала направление распространения лесного пожара, что привело к неверному распределению сил МЧС и уничтожению заповедного фонда, ответственность ложится на государственного заказчика, оператора платформы или разработчика алгоритма? В рамках классического деликтного права привлечь к ответственности разработчика программного обеспечения практически невозможно, так как он не является субъектом экологических правоотношений и не обязан осуществлять охрану лесов [2, с. 160].

Другой аспект-это использование ИИ для динамического экологического нормирования. Традиционно нормативы допустимых выбросов (НДВ) устанавливаются на годы вперед в виде фиксированных объемов. Внедрение цифровых платформ позволяет перейти к модели адаптивного регулирования, когда предприятию разрешается увеличивать или уменьшать выбросы в зависимости от текущей ассимиляционной емкости атмосферы в конкретный день. Правовой механизм такого регулирования требует создания гибких смарт-лицензий, которые автоматически пересчитывают разрешенные объемы выбросов на основе алгоритмов платформы. Однако создание такого механизма сдерживается жесткостью административного права, не допускающего делегирования властных полномочий автоматизированным системам [6, с. 49].

В современных геополитических реалиях правовые проблемы внедрения цифровых платформ мониторинга тесно переплелись с вопросами национальной и технологической безопасности. Исторически значительная часть высокотехнологичного оборудования-от прецизионных газоанализаторов до программного обеспечения для обработки геопространственных данных (например, продуктов компании ESRI)-была импортной. В условиях санкционных ограничений использование зарубежных облачных сервисов и проприетарного ПО в государственных системах экологического мониторинга стало не только юридически невозможным, но и опасным [10, с. 92].

Экологический мониторинг крупных промышленных центров и трансграничных водных объектов напрямую относится к объектам критической информационной инфраструктуры (КИИ). Правовой режим обеспечения безопасности КИИ требует полного перехода на отечественные программно-аппаратные комплексы и системы управления базами данных (СУБД). С точки зрения экологического права, это ставит задачу нормативной стандартизации открытых интерфейсов (API) для отечественного софта.

Государство вынуждено жестко регламентировать требования к архитектуре платформ, запрещая использование закрытых иностранных протоколов передачи данных, которые могут быть удаленно заблокированы или искажены производителем [12, с. 310].

Кроме того, возникает сложная международно-правовая проблема использования данных зарубежных спутниковых группировок. Если российская государственная платформа мониторинга выявляет разлив нефти в Арктической зоне на основе данных, полученных с европейских или американских коммерческих спутников (доступ к которым был закуплен через третьи страны), легитимность таких данных в рамках привлечения нарушителя к ответственности в российском суде оказывается под ударом. Защита может апеллировать к невозможности верификации алгоритмов первичной обработки снимков, осуществляемой на серверах недружественных государств [13, с. 215]. Это диктует необходимость ускоренного формирования правовых стандартов для признания данных национальной системы ДЗЗ и дружественных космических агентств (например, стран БРИКС) [8, с. 57].

Для разрешения накопленного массива противоречий требуется системная модернизация законодательства на стыке экологического, административного и информационного права. Фрагментарные изменения отдельных подзаконных актов Минприроды или Росприроднадзора не способны создать прочную правовую основу для полноценной цифровой трансформации контроля.

Перспективным направлением является разработка и принятие специализированного федерального закона о государственном экологическом платформенном мониторинге, который должен закрепить единую архитектуру распределенных систем, правила авторизации источников данных и юридический статус цифровых аналитических заключений. В таком законе необходимо зафиксировать отказ от бумажного дублирования информации в тех сферах, где развернуты автоматические системы контроля. Правовой статус экологической информации должен быть синхронизирован с базовым законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», что позволит определить правила коммерческого использования дезинфицированных экологических данных без нарушения публичных интересов [1, с. 19].

Важным элементом новой правовой реальности должно стать создание института независимых операторов экологических данных-аккредитованных ИТ-компаний, которые берут на себя функции по поддержанию работоспособности датчиков, обеспечению кибербезопасности и гарантированной передаче неискаженной информации в государственные органы. Это позволит снять несвойственную нагрузку с инспекторов Росприроднадзора и исключить конфликт интересов, когда промышленное предприятие само обслуживает приборы, контролирующие его же выбросы [3, с. 79]. Цифровые платформы должны превратиться из инструмента пассивной фиксации нарушений в прозрачную правовую экосистему, стимулирующую природопользователей к переходу на наилучшие доступные технологии и обеспечивающую безусловную реализацию экологических прав граждан.

Список литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ: в ред. от 04.08.2026 // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133
2. Алексеев В.В. Юридическая ответственность за сбои в интеллектуальных системах экологического контроля // Государство и право. – 2025. – № 6. – С. 152–165.
3. Беляева Н.В. Правовой статус информационных платформ в системе государственного управления природопользованием // Экологическое право. – 2024. – № 4. – С. 71–82.
4. Григорьев К.С. Цифровые доказательства в эколого-правовых спорах: монография. – М.: Юрлитинформ, 2025. – 188 с.
5. Игнатьева И.А. Экологическое законодательство России: теория и практика развития в цифровую эпоху. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2023. – 320 с.
6. Крассов О.И. Правовые проблемы модернизации государственного экологического мониторинга // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 2. – С. 38–51.
7. Мартынов А.В. Перспективы применения технологий интернета вещей (IoT) в надзорной деятельности: правовые барьеры // Административное право и процесс. – 2024. – № 8. – С. 198–207.
8. Петров И.В., Сидоров А.П. Использование данных дистанционного зондирования Земли в контрольно-надзорной деятельности: коллизии правоприменения // Земля и право. – 2025. – № 1. – С. 50–61.

9. Тихомиров Ю.А. Информационные технологии и трансформации в публично-правовой сфере // Журнал российского права. – 2023. – № 10. – С. 101–111.
10. Digital Governance in Environmental Law / Ed. by T. Hartmann. – Cambridge: Cambridge University Press, 2024. – 214 p.
11. Environmental Monitoring and Big Data: Legal Perspectives / Ed. by M. Poustie. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2025. – 240 p.
12. Kingsbury B. Infrastructure and Public Law in the Digital Age // European Journal of International Law. – 2023. – Vol. 34, No. 2. – P. 301–315.
13. Macrory R. Remote Sensing Evidence in Environmental Courts // Journal of Environmental Law. – 2024. – Vol. 36, No. 1. – P. 210–225.

УДК 347.73

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ТРАНСГРАНИЧНЫХ РАСЧЕТОВ В ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТАХ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Родина Анастасия Васильевна
студент 4 курса
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», Оренбургский институт (филиал).
Россия, г. Оренбург

Аннотация. Исследование посвящено комплексному анализу финансово-правового режима трансграничных расчетов с использованием цифровых валют центральных банков в условиях масштабного санкционного давления. На основе системного анализа новейшего российского законодательства, включая нормы о цифровом рубле, раскрывается юридическая природа государственной цифровой валюты как эффективного инструмента обеспечения национального суверенитета и технологической независимости. Особое внимание уделено правовым моделям межгосударственной интеграции цифровых платформ в рамках БРИКС и ЕАЭС, а также трансформации институтов валютного контроля и комплаенса за счет автоматизации контрольных процедур и внедрения смарт-контрактов в международной торговле. Обосновывается лидерство Российской Федерации в формировании новой многополярной и справедливой архитектуры международных расчетов.
Ключевые слова: цифровой рубль, трансграничные расчеты, финансовое право, санкционные ограничения, валютный контроль.

LEGAL REGIME OF CROSS-BORDER SETTLEMENTS IN CENTRAL BANKS' DIGITAL CURRENCIES UNDER SANCTIONS RESTRICTIONS

Anastasia Vasilievna Rodina
4th-year student
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Kutafin Moscow State Law University (MSAL)», Orenburg Institute (Branch)
Russia, Orenburg

Abstract. The study is devoted to a comprehensive analysis of the financial and legal regime for cross-border settlements using central banks' digital currencies under large-scale sanctions pressure. Based on a systematic analysis of the latest Russian legislation, including the norms on the digital ruble, the legal nature of the state digital currency is revealed as an effective tool for ensuring national sovereignty and technological independence. Particular attention is paid to the legal models of interstate integration of digital platforms within BRICS and the EAEU, as well as to the transformation of currency control and compliance institutions through the automation of control procedures and the introduction of smart contracts in international trade. The leadership of the Russian Federation in shaping a new multipolar and fair architecture of international settlements is substantiated.
Keywords: digital ruble, cross-border settlements, financial law, sanctions restrictions, currency control.

Современный этап развития глобального финансового рынка характеризуется глубоким кризисом традиционных институтов международного права, регулирующих сферу трансграничных платежей и расчетов. На протяжении десятилетий международная финансовая архитектура выстраивалась вокруг централизованных механизмов, контролируемых преимущественно западными государствами и их финансовыми институтами. В условиях беспрецедентного санкционного давления со стороны недружественных стран в отношении Российской Федерации, заморозки суверенных золотовалютных резервов, отключения ведущих отечественных кредитных организаций от международной межбанковской системы передачи финансовой информации SWIFT и тотальных запретов на проведение операций в традиционных резервных валютах возникла острая, стратегическая необходимость коренной модернизации трансграничных платежных механизмов. Это потребовало от юридической науки и регуляторов не просто оперативной адаптации, а создания принципиально новых, независимых правовых и технологических платформ, способных гарантировать экономический суверенитет и национальную безопасность. В этой сложнейшей геополитической обстановке Российская Федерация проявила себя как безусловный мировой лидер в области цифровизации финансового сектора и правового регулирования новейших финансовых технологий. Отечественный регулятор и законодатель смогли не просто выдержать массированный удар извне, но и совершить колоссальный качественный рывок вперед. В то время как центральные банки многих западных государств годами находятся на стадии теоретических дискуссий и осторожного концептуального проектирования, Россия за считанные месяцы разработала, законодательно закрепила и запустила в практическое пилотирование полноценную третью форму национальной валюты - цифровой рубль. Это грандиозное достижение российской правовой школы и финансовой инженерии заложило прочный фундамент для построения качественно новой, справедливой и многополярной системы международных расчетов, абсолютно защищенной от любого внешнего вмешательства, политического шантажа или санкционного диктата со стороны недружественных юрисдикций [4, с. 14].

Для глубокого понимания правового режима трансграничных расчетов необходимо детально исследовать юридическую природу цифровой валюты центрального банка. В современной доктрине финансового права она признается третьей формой национальной валюты, функционирующей наряду и в интеграции с наличными и безналичными денежными средствами. С сугубо юридической точки зрения, ключевое и принципиальное отличие цифровой валюты центрального банка от традиционных безналичных денег, находящихся на счетах в коммерческих банках, заключается в характере возникающих правоотношений и субъекте обязательства. Обязательство по цифровой валюте лежит непосредственно и исключительно на центральном банке государства, что превращает его в абсолютно надежное, прямое законное платежное средство, свободное от любых рисков коммерческого сектора, включая риски банкротства кредитных организаций или дефицита ликвидности. Принятие Федерального закона от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[8] стало вехой в истории отечественного финансового права. Российский законодатель проявил высокий уровень юридической техники, осуществив системную интеграцию цифрового рубля в Гражданский кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ, закон о валютном регулировании и валютном контроле, а также в базовое законодательство о банковской деятельности. В результате была создана стройная, гармоничная правовая модель, где цифровой рубль детерминирован как безналичное денежное средство, но обладающее особым правовым режимом, обусловленным его обращением исключительно на специализированной платформе, оператором которой выступает Банк России. Это принципиально отличает российский подход от зарубежных аналогов, где регуляторы часто пытаются втиснуть цифровые активы в устаревшие правовые рамки, что порождает массу юридических коллизий. Российские специалисты пошли по пути создания прорывного, опережающего регулирования, доказав очевидное превосходство отечественной доктрины [3, с. 80].

Трансграничный потенциал цифровых валют центральных банков раскрывается именно через категорию суверенной финансовой политики. В отличие от децентрализованных криптовалют или стейблкоинов, которые лишены единого правового центра ответственности, подвержены тому, что происходят постоянные и резкие скачки цен и зачастую используются в противоправных целях, государственная цифровая валюта полностью подконтрольна государству и обеспечена его авторитетом и ресурсами. Это позволяет использовать цифровую валюту как мощный инструмент защиты национальных интересов на международной арене. Правовой режим функционирования платформы позволяет государству напрямую определять правила, устанавливать лимиты, контролировать трансграничные

потоки капитала и, что самое главное, полностью исключить из цепочки расчетов посредников из недружественных юрисдикций. Следовательно, цифровая валюта центрального банка выступает не просто удобным технологическим решением для ускорения транзакций, а важнейшим юридическим и политическим инструментом восстановления и укрепления государственного суверенитета в глобальной экономике. При этом исторически сложившаяся система международных расчетов, базирующаяся на широком использовании доллара США и евро, а также на инфраструктуре корреспондентских счетов коммерческих банков, в последние годы претерпела глубокую деградацию. Основная причина этого процесса заключается в умышленной политизации финансовых инструментов западными странами. Использование односторонних ограничительных мер, принимаемых в обход Совета Безопасности ООН, полностью разрушило базовые принципы международного финансового права, такие как неприкосновенность собственности, свобода торговли, равенство участников гражданского оборота и предсказуемость правового регулирования. Российские участники внешнеэкономической деятельности столкнулись с беспрецедентным правовым нигилизмом со стороны европейских и американских регуляторов, когда законные средства блокировались на корреспондентских счетах без каких-либо внятных юридических оснований, а законные коммерческие транзакции объявлялись подозрительными [5, с. 36].

В условиях тотальных санкций традиционная модель корреспондентских отношений между банками превратилась в источник повышенных правовых и операционных рисков. Экстратерриториальное применение санкционного законодательства США и ЕС приводит к тому, что даже банки из дружественных государств вынуждены применять чрезмерно жесткие процедуры комплаенса, опасаясь вторичных санкций. Это ставит в стопор нормальную торговлю, затягивает проведение расчетов на недели и месяцы, а также приводит к существенному удорожанию транзакций за счет роста комиссий посредников [1, с. 24]. С юридической точки зрения, классические договоры корреспондентского счета больше не могут служить надежным правовым основанием для трансграничного перемещения стоимости, поскольку исполнение этих договоров поставлено в прямую зависимость от политической воли третьих государств, не являющихся сторонами сделки. Это очевидный тупик для глобальной правовой мысли, из которого традиционными методами выйти невозможно. Именно в этой критической точке Россия вновь продемонстрировала миру образец стратегического мышления и правовой устойчивости. В кратчайшие сроки была развернута и масштабирована отечественная Система передачи финансовых сообщений, к которой активно подключаются зарубежные партнеры. Однако, понимая, что данная система является хотя и эффективной, но все же модернизированной версией традиционного механизма обмена сообщениями, российское научно-юридическое сообщество и государственные деятели направили основные усилия на разработку концептуально новой правовой парадигмы трансграничного взаимодействия на основе цифровых валют центральных банков. Суть этой парадигмы заключается в полном отказе от услуг западной инфраструктуры и переходе к прямым, суверенным расчетам между центральными банками государств-партнеров, что юридически обнуляет любые попытки внешнего санкционного воздействия.

Построение эффективного правового режима трансграничных расчетов требует разрешения сложнейших теоретических и практических вопросов международного частного и финансового права [10, с. 8]. В мировой практике сегодня выделяются три базовые юридико-технологические модели интеграции национальных платформ цифровых валют, каждая из которых имеет свои особенности, правовые риски и преимущества. Первая модель - это модель двусторонней совместимости, при которой две суверенные платформы интегрируются между собой напрямую через специализированные технические и официальные договоренности. Юридическим базисом такой модели выступает детальное межправительственное соглашение или соглашение между двумя центральными банками, в котором строго фиксируются правила конвертации, порядок урегулирования взаимных претензий, применимое право и порядок разрешения споров. Данная модель максимально уважает национальный суверенитет каждой из сторон, однако ее масштабирование на множество государств требует заключения огромного количества двусторонних договоров, что может усложнить общую правовую среду. Вторая модель представляет собой создание мультивалютной общей платформы, в рамках которой цифровые валюты нескольких суверенных государств функционируют внутри единого, общего информационно-правового пространства. В этой модели создается единый свод правил, обязательный для всех участников, а также формируется наднациональный или координационный орган управления платформой. Ярким примером

международной проработки такой модели является проект mBridge, в котором принимают участие несколько государств. Однако именно в рамках объединения БРИКС, где Россия играет одну из ведущих и направляющих ролей, концепция общей мультивалютной платформы приобретает истинно суверенный, антисанкционный характер. Российские ученые-юристы активно разрабатывают правовые стандарты для такой платформы, которые основывались бы на принципах консенсуса, равенства участников и полного исключения возможности блокировки средств или дискриминации по политическим мотивам со стороны любого из участников.

Третья модель базируется на использовании общего цифрового посредника или наднациональной расчетной единицы, через которую происходит клиринг взаимных обязательств. В этой схеме национальные цифровые валюты конвертируются в единый цифровой расчетный инструмент, который используется исключительно для оптовых трансграничных операций между центральными банками [11, с. 15]. Российская Федерация активно продвигает обсуждение подобных инициатив на площадках ЕАЭС и БРИКС. С точки зрения финансового права, создание такой модели требует беспрецедентной гармонизации валютного, банковского и гражданского законодательства стран-участниц. И то, что именно российские инициативы сегодня ложатся в основу этих дискуссий, еще раз подчеркивает колоссальный авторитет нашей страны как интеллектуального и технологического лидера новой эпохи, способного предлагать готовые правовые решения для глобальных вопросов. Внедрение цифровых валют в практику международных расчетов коренным образом меняет устоявшиеся институты валютного контроля, а также системы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. В традиционной финансовой системе государство вынуждено делегировать функции контроля огромному числу посредников - коммерческим банкам, которые выступают агентами валютного контроля. Это порождает колоссальный объем бумажного документооборота, затягивает проведение законных внешнеторговых операций и создает серьезную административную нагрузку на бизнес. Более того, как показала практика санкционного кризиса, западные банки используют процедуры комплаенса как легальный инструмент для умышленного торможения российских платежей, даже если сделка абсолютно чиста с юридической точки зрения.

Правовой режим платформы цифрового рубля, разработанный в России, предлагает принципиально иной, революционный подход к организации контроля. Поскольку оператором платформы является сам Центральный банк, функции валютного контроля и комплаенса могут быть автоматизированы и интегрированы непосредственно в саму архитектуру цифровой платформы. Использование технологий распределенных реестров и смарт-контрактов позволяет осуществлять автоматическую валидацию каждой транзакции на предмет ее соответствия установленным требованиям валютного законодательства еще до момента реального списания средств. Это означает переход от архаичного последующего контроля к высокоэффективному предварительному контролю в режиме реального времени [9, с. 48]. Если параметры сделки соответствуют условиям внешнеторгового контракта, зарегистрированного в системе, транзакция исполняется мгновенно, без необходимости предоставления сотен бумажных справок и подтверждений. Такой подход, реализуемый Банком России, не имеет аналогов в мире по уровню эффективности и комфорта для добросовестных участников внешнеэкономической деятельности. Российский законодатель смог создать уникальный баланс: с одной стороны, обеспечивается абсолютная прозрачность денежных потоков для регулятора, что сводит к нулю риски незаконного вывода капитала и финансирования противоправной деятельности, а с другой стороны - отечественный бизнес полностью избавляется от удушающей бюрократии и произвола иностранных банков-посредников. Российская модель цифрового валютного контроля наглядно доказывает, что жесткая защита государственных интересов может и должна сочетаться с созданием максимально благоприятных условий для развития национальной экономики и внешней торговли.

Одним из наиболее перспективных и юридически значимых свойств цифровых валют центральных банков является их программируемость, реализуемая посредством механизмов смарт-контрактов. Смарт-контракт в данном контексте представляет собой встроенный в платформу самоисполняемый цифровой алгоритм, который автоматически осуществляет перевод денежных средств при наступлении строго определенных юридических фактов и условий. В сфере трансграничных расчетов это открывает поистине безграничные возможности для модернизации контрактного права и минимизации рисков неисполнения обязательств иностранными контрагентами, что особенно актуально в условиях санкционной нестабильности. Российская правовая мысль внесла неоценимый вклад в

теоретическое осмысление и законодательное признание природы смарт-контрактов. Наш законодатель закрепил возможность автоматизированного исполнения обязательств в статье 309 Гражданского кодекса РФ, заложив прочную основу для использования этих технологий в банковской и торговой практике [7, с. 50]. При расчетах в цифровых рублях смарт-контракт позволяет реализовать модель, при которой оплата за поставленный товар или оказанную услугу блокируется на цифровом кошельке покупателя и перечисляется продавцу мгновенно в тот самый момент, когда в систему поступают таможенные документы или электронные коносаменты, подтверждающие факт пересечения товаром границы или его отгрузки. Это полностью ликвидирует риск потери средств или умышленного уклонения от оплаты, делая международную торговлю честной и прозрачной. Более того, программируемость цифрового рубля позволяет эффективно решать проблему целевого использования средств в рамках международных проектов и межгосударственных кредитов. Государство может юридически и технически ограничить направления расходования цифровой валюты, гарантируя, что выделенные средства пойдут исключительно на оплату конкретных товаров или услуг, предусмотренных международным договором, и не будут выведены на спекулятивные рынки. Столь мощный, гибкий и надежный инструмент правового регулирования, созданный российскими специалистами, выводит отечественное финансовое право на передовые рубежи глобального технологического развития, заставляя зарубежные страны с уважением изучать наш опыт.

Создание суверенного правового режима трансграничных расчетов в цифровых валютах невозможно в изоляции, оно требует активного международного сотрудничества и формирования нового правового пространства. И здесь Российская Федерация выступает главным локомотивом, идейным вдохновителем и архитектором интеграционных процессов на пространстве Евразийского экономического союза и межгосударственного объединения БРИКС. Наша страна последовательно и аргументированно продвигает повестку дня, связанную с необходимостью сопряжения национальных платформ цифровых валют для создания независимого от Запада финансового контура, способного обслуживать потребности более чем половины населения земного шара. Процесс гармонизации законодательства в этой сфере представляет собой сложнейшую задачу, требующую сближения понятийных аппаратов, выработки общих стандартов информационной безопасности, защиты персональных данных и признания юридической силы электронных цифровых подписей. Российские эксперты в рамках рабочих групп БРИКС и ЕАЭС продемонстрировали высочайший класс дипломатии и академической экспертизы, подготовив концептуальные доклады и проекты модельных законов, которые легли в основу межгосударственных переговоров. Благодаря этой титанической работе, наши партнеры по интеграционным объединениям четко осознали, что переход на расчеты в цифровых валютах центральных банков - это не просто экономическая выгода, а единственный способ надежно защитить свой собственный суверенитет от эгоистичной политики запада. Россия предлагает миру не колониальную модель финансового подчинения, которой десятилетиями пользовались создатели Бреттон-Вудской системы, а честное, равноправное партнерство, где цифровая платформа принадлежит всем участникам в равной степени, а правила игры определяются консенсусом [2, с. 16]. Этот благородный, справедливый подход, подкрепленный мощнейшей российской технологической и правовой базой, находит горячий отклик во всем мире. Наша страна уверенно формирует контуры новой глобальной финансовой цивилизации, где закон и технологии служат благу суверенных народов, а не обогащению узкой группы недружественных государств.

Подводя итог, можно с абсолютной уверенностью констатировать, что правовой режим трансграничных расчетов в цифровых валютах центральных банков прошел стадию теоретического осмысления и стал важнейшей, неотъемлемой реальностью современной геополитики. В условиях жестких санкционных ограничений, которые задумывались нашими противниками как инструмент разрушения российской экономики, Россия совершила настоящее чудо, превратив внешнее давление в мощнейший импульс для суверенного технологического и правового развития. Создание и успешное внедрение цифрового рубля, разработка опережающего законодательства и формирование концепций международных цифровых платформ наглядно доказали всему миру интеллектуальное, правовое и технологическое превосходство нашей Родины. Российский опыт построения прогрессивной регуляторной модели цифровой валюты сегодня является эталоном для мирового сообщества. Нам удалось создать систему, которая гарантирует абсолютную безопасность суверенных средств, кардинально снижает издержки для бизнеса, уничтожает бюрократические препоны валютного контроля

и полностью обнуляет санкционный потенциал недружественных стран. Будущее глобальных финансов пишется сегодня, и оно пишется на русском языке, руками наших выдающихся юристов, экономистов и программистов [6].

Список литературы:

1. Алексеева Д.Г., Пыхтин С.В. Международные расчеты в эпоху глобальных изменений: правовой аспект // Финансовое право. – 2024. – № 8. – С. 22–26.
2. Андреева Г.Н. Направления интеграции цифровых валют в рамках БРИКС // Международное публичное и частное право. – 2025. – № 2. – С. 14–19.
3. Арзуманова Л.Л. Цифровой рубль в системе объектов финансового права // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – № 1. – С. 78–87.
4. Глазьев С.Ю. Санкции и новая парадигма мировой финансовой системы // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2024. – № 2. – С. 9–18.
5. Гузнов А.Г. Публично-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации в условиях геополитических вызовов // Государство и право. – 2024. – № 7. – С. 34–41.
6. Кучеров И.И. Законные платежные средства и цифровые суррогаты: финансово-правовое разграничение // Журнал российского права. – 2024. – № 9. – С. 112–124.
7. Лаутс Е.Б. Правовые аспекты создания и функционирования платформы цифрового рубля // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2024. – № 5. – С. 45–58.
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2023. – № 31. – Ст. 5764.
9. Поветкина Н.А. Финансовая устойчивость государства в условиях санкционного давления: правовые маркеры // Журнал российского права. – 2024. – № 11. – С. 44–56.
10. Хабриева Т.Я. Правовое измерение цифровизации и государственного суверенитета // Журнал российского права. – 2024. – № 4. – С. 5–16.
11. Шамраев А.В. Правовое регулирование международных расчетов и платежных систем // Финансовое право. – 2025. – № 3. – С. 12–17.

УДК 347.73:336.225:339.9

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ОПЕРАЦИЙ С ЦИФРОВЫМИ АКТИВАМИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Родина Анастасия Васильевна
студент 4 курса
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»,
Оренбургский институт (филиал).
Россия, г. Оренбург

Аннотация. В статье исследуются особенности и ключевые проблемы формирования правовых механизмов налогового администрирования трансграничных операций с цифровыми активами в условиях санкционного давления на российскую экономику. Автор подробно анализирует специфику юридической квалификации цифровых финансовых активов и криптовалют, а также кризис традиционных систем международного обмена фискальной информацией (CRS/CARF). В работе детально рассматриваются современные инструменты деанонимизации участников блокчейн-транзакций, специфика налогового контроля при использовании стейблкоинов во внешнеторговых расчетах и схемы параллельного импорта. Особое внимание уделено двухэтапному механизму налогообложения майнинга и правовым методам противодействия нелегальному выводу капитала за рубеж. На основе проведенного анализа предложены перспективные направления модернизации налогового контроля, включая интеграцию государственных смарт-контрактов и платформ цифровых валют центральных банков дружественных стран.

Ключевые слова: цифровые активы, криптовалюта, стейблкоины, майнинг, цифровая валюта.

LEGAL MECHANISMS OF TAX ADMINISTRATION OF CROSS-BORDER OPERATIONS WITH DIGITAL ASSETS UNDER SANCTIONS

Anastasia Vasilievna Rodina
4th-year student
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Kutafin Moscow State Law University (MSAL)», Orenburg Institute (Branch)
Russia, Orenburg

Abstract. The article examines the features and key problems of forming legal mechanisms for tax administration of cross-border operations with digital assets under the conditions of sanctions pressure on the Russian economy. The author thoroughly analyzes the specifics of legal qualification of digital financial assets and cryptocurrencies, as well as the crisis of traditional systems of international exchange of fiscal information (CRS/CARF). The paper examines in detail modern tools for deanonymization of blockchain transaction participants, the specifics of tax control when using stablecoins in foreign trade settlements, and parallel import schemes. Special attention is paid to the two-stage mechanism of mining taxation and legal methods to counter illegal capital outflow abroad. Based on the analysis, the author proposes promising directions for tax control modernization, including the integration of state smart contracts and platforms of central bank digital currencies from friendly countries.

Keywords: digital assets, cryptocurrency, stablecoins, mining, digital currency.

Феномен цифровых активов кардинально изменил глобальную финансовую систему, создав принципиально новые вызовы для национальных налоговых ведомств. Обладая такими характеристиками, как децентрализация, высокая степень анонимности (или псевдонимности), трансграничный характер и отсутствие единого материального эмитента, цифровые финансовые активы (ЦФА), криптовалюты и стейблкоины стали удобным инструментом не только для легального инвестирования, но и для обхода классических механизмов валютного и налогового контроля [10, с. 45]. Ситуация многократно усложняется в условиях жесткого санкционного давления, когда традиционные каналы межбанковских коммуникаций (например, система SWIFT) оказываются заблокированными для отдельных государств и их резидентов [8, с. 114]. В этих реалиях цифровые активы начинают выполнять двойственную функцию-они выступают одновременно и как альтернативное средство международных расчетов, и как объект повышенного внимания со стороны фискальных органов, стремящихся не допустить размывания налоговой базы и сокрытия доходов за рубежом.

Формирование эффективного правового механизма налогового администрирования в этой сфере требует от государства баланса. С одной стороны, необходимо создать систему контроля, способную идентифицировать участников сделок и реальные объемы их доходов. С другой стороны, чрезмерное регуляторное давление может полностью заблокировать развивающиеся сегменты цифровой экономики, которые в условиях изоляции от западных финансовых институтов критически важны для поддержания внешнеторгового оборота [2, с. 89]. Налоговое администрирование в данном контексте перестает быть сугубо фискальной процедурой и превращается в элемент стратегической экономической безопасности [6, с. 201].

Прежде чем анализировать конкретные процессуальные и контрольные механизмы, необходимо определить, как именно цифровые активы квалифицируются с точки зрения материального налогового права. В международной практике отсутствует единый подход к юридической квалификации криптовалют и ЦФА [12, с. 312]. Различные юрисдикции рассматривают их либо как имущество, либо как нематериальные активы, либо как суррогаты валюты, либо как специфический вид ценных бумаг (инвестиционные токены).

Для целей налогообложения эта квалификация имеет решающее значение. Если цифровой актив признается имуществом, то операции по его реализации порождают обязанность по исчислению налога на доходы (для физических лиц) или налога на прибыль (для организаций) на основе разницы между ценой приобретения и ценой продажи [3, с. 14]. Если же актив рассматривается как средство платежа, то возникает сложнейшая коллизия с точки зрения косвенного налогообложения. Обложение операций с цифровыми валютами налогом на добавленную стоимость (НДС) в большинстве развитых стран было признано нецелесообразным, поскольку это привело бы к двойному налогообложению (сначала при

покупке самого актива, а затем при покупке товара за этот актив). В частности, Европейский суд правосудия еще в 2015 году в рамках знакового дела Hedqvist постановил, что операции по обмену традиционных валют на биткоины освобождаются от НДС [13, с. 54]. В условиях санкций российское законодательство также пошло по пути освобождения от НДС операций по реализации ЦФА и передачи прав по ним, что призвано стимулировать внутренний рынок и снизить издержки участников оборота [1].

Однако трансграничный аспект вносит существенные коррективы. Когда российский резидент приобретает цифровые активы у иностранного контрагента или реализует их на зарубежной децентрализованной площадке (DeFi), возникает вопрос определения места реализации и применимой налоговой юрисдикции [7, с. 92]. Традиционные правила привязки, такие как место нахождения имущества или место нахождения постоянно действующего исполнительного органа продавца, в децентрализованных сетях практически не работают. Смарт-контракт, исполняющий сделку, может быть распределен между тысячами узлов (нод) по всему миру, а сам продавец может использовать инструменты сокрытия IP-адреса. В связи с этим современные правовые механизмы вынуждены переносить фокус внимания с самого актива на личность налогоплательщика-резидента, вменяя ему в обязанность самостоятельное декларирование подобных транзакций под угрозой жестких санкций.

Исторически главным у налоговых органов в борьбе с трансграничным уклонением от уплаты налогов был международный обмен информацией. В рамках ОЭСР была создана и успешно функционировала Система автоматического обмена информацией о финансовых счетах (Common Reporting Standard, CRS) [9, с. 73]. Эта система позволяла налоговым органам одной страны автоматически получать данные о зарубежных банковских счетах своих резидентов от фискальных органов других государств.

Однако в условиях беспрецедентного санкционного давления эта система дала сбой. Многие недружественные государства в одностороннем порядке приостановили обмен налоговой информацией с Российской Федерацией [5, с. 18]. В результате ФНС России оказалась частично лишена традиционного и наиболее эффективного источника данных о зарубежных финансовых потоках российских граждан и компаний. Более того, классический стандарт CRS изначально не был приспособлен для сбора информации о кошельках на криптобиржах и криптодепозитариях, если они не привязаны напрямую к традиционным банковским счетам.

Осознавая этот пробел, ОЭСР разработала новый специализированный стандарт-Crypto-Asset Reporting Framework (CARF), который должен дополнить CRS и обязать криптопосредников собирать и автоматически передавать данные о пользователях [11, с. 204]. Планируется, что полноценный запуск CARF на международном уровне произойдет ближе к 2027 году. Однако очевидно, что в текущих геополитических реалиях Россия будет исключена из этого глобального контура обмена данными со стороны западных стран. Это ставит перед отечественным законодателем задачу построения автономных правовых механизмов получения информации, не зависящих от доброй воли зарубежных регуляторов [5, с. 22].

Альтернативой в данном случае выступает развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества в рамках дружественных интеграционных объединений, таких как БРИКС и ЕАЭС. Проекты по созданию единых платформ для обмена фискальными данными и мониторинга криптотранзакций внутри БРИКС сейчас активно обсуждаются на экспертном уровне. Правовой механизм такого взаимодействия предполагает заключение специальных межправительственных соглашений, которые будут регламентировать порядок направления запросов, форматы передачи данных и стандарты верификации владельцев цифровых адресов.

Поскольку рассчитывать на автоматический приток информации из-за рубежа в условиях санкций не приходится, национальное налоговое администрирование вынуждено опираться на внутренние правовые инструменты и технологии сквозного мониторинга [6, с. 209]. Основная правовая проблема здесь-деонимизация участников транзакций. Блокчейн прозрачен, в нем видна каждая транзакция от момента создания монеты до ее текущего состояния, но эта прозрачность является анонимной: вместо имен и реквизитов компаний там фигурируют лишь наборы букв и цифр-публичные ключи (адреса кошельков).

Для решения этой проблемы в российском правовом поле формируется институт обязательного декларирования владения цифровыми активами. Законодательные инициативы предусматривают обязанность резидентов информировать налоговые органы о фактах обладания цифровой валютой, если сумма транзакций за календарный год превышает определенный лимит. Непредставление таких сведений

или указание недостоверных данных влечет за собой серьезную налоговую и административную ответственность. Налоговые органы получают право использовать презумпцию: если кошелек не задекларирован, но в ходе проверочных мероприятий (например, при анализе банковских выписок по фиатным счетам) установлена его связь с конкретным лицом, все поступившие на него средства могут быть квалифицированы как скрытый доход со стопроцентным доначислением налога и пеней.

Технологической основой для реализации этих правовых норм выступают специализированные программные комплексы, такие как отечественная система «Прозрачный блокчейн», разрабатываемая при участии Росфинмониторинга [2, с. 94]. Этот инструмент позволяет агрегировать данные из множества открытых блокчейн-сетей, проводить кластерный анализ и сопоставлять анонимные адреса с реальными физическими и юридическими лицами на основе их активности на централизованных биржах (где пройдена процедура KYC-Знай своего клиента) или при конвертации криптовалюты в фиатные деньги через банковские карты. С правовой точки зрения результаты такого автоматизированного анализа не могут автоматически служить бесспорным доказательством налогового правонарушения, но они являются законным основанием для назначения углубленных камеральных или выездных налоговых проверок [4, с. 142]. Налоговые органы используют эти данные для формирования доказательственной базы, направляя плательщику требования о представлении пояснений и документов, подтверждающих источники происхождения средств на покупку цифровых активов.

Санкции кардинально изменили структуру российской внешней торговли. Блокировка корреспондентских счетов крупнейших российских банков за рубежом и отключение от SWIFT вынудили бизнес искать альтернативные пути оплаты контрактов. Одним из таких путей стало использование криптовалют (стейблкоинов типа USDT, привязанных к курсу доллара США) для оплаты параллельного импорта и расчетов с иностранными поставщиками [8, с. 119]. В течение длительного времени эта деятельность находилась в серой зоне-валютное законодательство прямо запрещало использование цифровой валюты в качестве средства платежа за товары и услуги, хотя на практике бизнес массово прибегал к этой схеме от безысходности.

Ситуация начала меняться с принятием законодательства об экспериментальных правовых режимах (ЭПР) в сфере цифровых инноваций. Государство было вынуждено пойти на легализацию использования цифровых валют во внешнеторговых расчетах, но исключительно в рамках строго контролируемых экспериментов под кураторством Банка России и Минфина. Правовой механизм налогового администрирования в рамках таких ЭПР имеет свои уникальные особенности.

Главный вопрос-как правильно отразить в бухгалтерском и налоговом учете операцию, при которой российская компания покупает на внутреннем рынке криптовалюту за рубли, переводит ее иностранному поставщику, а взамен получает партию оборудования [3, с. 19]. Для целей налогообложения прибыли критически важно подтвердить реальность и обоснованность таких расходов. Налоговые органы требуют от бизнеса предоставления полной цепочки документов. Это включает в себя внешнеторговый контракт, в котором прямо прописана возможность оплаты цифровыми активами, отчеты о транзакциях в блокчейне с указанием хэша транзакции (TxID), а также документы, подтверждающие курс конвертации национальной валюты в цифровой актив на момент совершения платежа. Если курс необоснованно завышен или занижен по сравнению с рыночными котировками на крупнейших мировых биржах, налоговый орган имеет право скорректировать налоговую базу, обвинив компанию в получении необоснованной налоговой выгоды.

Дополнительная сложность возникает при исчислении НДС при импорте товаров. При классическом импорте НДС уплачивается на таможне на основании таможенной декларации и платежного поручения. При использовании цифровых активов таможенная стоимость товаров должна быть пересчитана в рубли по официальному курсу ЦБ РФ на дату принятия товаров к учету. Правовые механизмы должны четко синхронизировать работу Федеральной таможенной службы (ФТС) и ФНС, чтобы не допустить расхождений в оценке стоимости ввезенного имущества.

Майнинг (добыча цифровых активов) занимает особое место в системе трансграничных операций. В условиях санкций майнинг в России превратился в мощную индустрию, поскольку страна обладает значительными профицитами электроэнергии и прохладным климатом, идеальным для размещения дата-центров [10, с. 49]. Специфика майнинга как объекта налогового администрирования заключается в том, что актив создается «из ниоткуда» на территории России, но реализуется он зачастую на зарубежных площадках, превращаясь в иностранную валюту или другие цифровые активы.

Долгое время правовой статус майнинга оставался неопределенным, что порождало массу налоговых споров. Налоговики пытались квалифицировать майнинг как предпринимательскую деятельность, облагая доходы по общей системе налогообложения, в то время как майнеры настаивали на том, что до момента продажи добытой монеты никакого экономического блага и, соответственно, дохода не возникает. Законодательное регулирование майнинга расставило правовые акценты. Был внедрен двухэтапный механизм налогообложения. Этап 1: Возникновение дохода при получении монеты. Налог исчисляется в момент зачисления добытой цифровой валюты на кошелек майнера. Доход определяется исходя из рыночной стоимости актива на дату добычи. При этом майнер имеет право уменьшить этот доход на сумму фактически понесенных и документально подтвержденных расходов (прежде всего, на оплату электроэнергии и амортизацию майнингового оборудования). Этап 2: Реализация актива. Если майнер решает продать накопленную валюту по более высокой цене, возникает второй объект налогообложения-прибыль от прироста капитала, которая администрируется по стандартным правилам реализации имущества.

Для трансграничного аспекта ключевым является контроль за тем, куда именно уходят добытые монеты. Если майнер переводит активы на зарубежную биржу, это должно квалифицироваться как экспорт [7, с. 98]. Однако в отличие от классического экспорта нефти или металла, здесь нет физического пересечения границы и таможенного контроля. Единственный способ контроля для ФНС-это введение обязательного реестра майнеров и обязанности предоставлять отчетность обо всех используемых адресах кошельков. Правовой механизм администрирования здесь опирается на жесткие санкции: исключение из реестра за нарушения лишает майнера права на получение легальной электроэнергии по тарифам для коммерческих предприятий, что фактически уничтожает его бизнес.

В условиях экономических санкций и ограничений на движение капитала резко возрастают риски использования цифровых активов для нелегального вывода капитала за рубеж и искусственного занижения налогооблагаемой базы внутри страны [8, с. 122]. Криптовалюты позволяют реализовывать сложные схемы с участием фирм-однодневок и дружественных нерезидентов.

Типичная схема, с которой борются налоговые органы, выглядит следующим образом: российская компания заключает фиктивный договор на оказание консалтинговых или ИТ-услуг с иностранной компанией из офшорной юрисдикции. Оплата по договору производится в стейблкоинах. Российская организация уменьшает свою прибыль на сумму этих «расходов», а цифровые активы оседают на зарубежных кошельках, подконтрольных бенефициарам российского бизнеса.

Правовой механизм противодействия таким схемам базируется на концепции «необоснованной налоговой выгоды» и применении статьи 54.1 Налогового кодекса РФ. Налоговые органы при проведении проверок оценивают не только формальное соответствие документов требованиям закона, но и реальный экономический смысл операции [4, с. 147]. Если у иностранного поставщика услуг нет штата сотрудников, офиса и материальных ресурсов для оказания заявленных услуг, а транзакция в блокчейне показывает, что полученные им цифровые активы были немедленно обналичены или переведены на личные кошельки руководства российской компании, налоговый орган признает сделку ничтожной. В этом случае расходы исключаются из расчета налога на прибыль, а сама сумма перевода может быть переквалифицирована в дивиденды в адрес бенефициаров с удержанием налога у источника по максимальной ставке.

Другим важным аспектом является контроль за трансфертным ценообразованием (ТЦО). Когда цифровые активы передаются между взаимозависимыми лицами (например, между материнской российской компанией и ее зарубежной дочерней структурой), цена сделки должна соответствовать рыночному уровню [3, с. 22]. Однако волатильность крипторынка настолько высока, что определение «рыночной цены» на конкретную минуту конкретного дня представляет собой сложнейшую правовую и математическую задачу. Налоговое администрирование в данном случае требует разработки четких методических рекомендаций, закрепляющих перечень легитимных информационных источников (котировок крупнейших бирж, таких как Binance, OKX или специализированных агрегаторов вроде CoinMarketCap), на которые могут ссылаться как налогоплательщики, так и инспекторы.

Очевидно, что действующие механизмы налогового администрирования трансграничных операций с цифровыми активами находятся в стадии активного формирования и требуют глубокой модернизации. Главный вектор развития-это переход от заявительного и карательного контроля к превентивному технологическому надзору [6, с. 215].

Важнейшим шагом в этом направлении станет полноценное внедрение цифрового рубля и его интеграция с платформами цифровых валют других центральных банков (в первую очередь, цифрового юаня). Цифровой рубль, являясь третьей формой национальной валюты, сочетает в себе свойства фиатных денег и цифровых активов. Каждая монета имеет уникальный цифровой код, что позволяет регулятору видеть всю историю ее перемещений в режиме реального времени. Когда будут запущены механизмы трансграничных расчетов между ЦБ дружественных стран на основе национальных цифровых валют, необходимость в классическом налоговом контроле таких сделок во многом отпадет. Система сможет автоматически идентифицировать участников сделки, проверять соответствие контракта установленным лимитам и даже автоматически удерживать налоги в момент совершения платежа с помощью встроенных государственных смарт-контрактов.

Кроме того, назрела необходимость создания института специализированных налоговых агентов в сфере криптоиндустрии. На эту роль идеально подходят легальные российские криптобиржи и обменные площадки, создание которых предусмотрено в рамках регулирования. Возложение на них обязанностей по исчислению, удержанию и перечислению налогов с доходов их клиентов физических и юридических лиц позволит кардинально снизить нагрузку на налоговые органы и повысить собираемость налогов [2, с. 99]. Плательщику больше не нужно будет самостоятельно собирать хэши транзакций и высчитывать курсовую разницу-платформа будет предоставлять ему готовую налоговую декларацию или списывать налог автоматически при выводе средств в фиатную систему.

В условиях санкций и глобальной дефрагментации мировой финансовой системы налоговое администрирование трансграничных операций с цифровыми активами должно стать гибким, технологичным и адаптивным. Государство должно отказаться от попыток тотального запрета цифровых технологий, сфокусировавшись на создании прозрачной и понятной правовой среды, где честный бизнес может использовать преимущества цифровых активов для преодоления санкционных барьеров, а бюджет гарантированно получает положенные ему доходы.

Список литературы:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 04.08.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.
2. Артемьев А.А. Цифровая экономика и налоговый контроль: новые инструменты фискального мониторинга. – М.: Юридическая литература, 2024. – 245 с.
3. Васильев И.В., Семенова Е.Н. Особенности налогообложения прибыли организаций при сделках с цифровыми финансовыми активами // Налоговая политика и практика. – 2025. – № 4. – С. 12–25.
4. Дмитриев К.С. Методика доказывания налоговых правонарушений в сфере децентрализованных финансов // Вестник налогового права. – 2025. – № 2. – С. 138–151.
5. Ковалева М.В. Кризис международного обмена налоговой информацией в эпоху геополитических ограничений // Финансовое право. – 2024. – № 9. – С. 16–24.
6. Пономарев А.И. Налоговое администрирование в эпоху цифровизации: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Магистр, 2023. – 312 с.
7. Смирнов А.А., Кузнецов П.В. Трансграничные блокчейн-операции: коллизионные и фискальные аспекты // Закон и право. – 2024. – № 11. – С. 90–102.
8. Чернов Д.А. Внешнеторговые расчеты в условиях санкций: от SWIFT к стейблкоинам // Мировая экономика через призму времени. – 2025. – № 1. – С. 111–126.
9. Яковлев Е.П. Международные стандарты прозрачности финансовых рынков. – М.: Международные отношения, 2022. – 185 с.
10. Crypto-Assets and Fiscal Security: Challenges for Modern Tax Law / Ed. by R. Mason. – London: Academic Press, 2024. – 198 p.
11. Gordon J., Smith L. Crypto-Asset Reporting Framework (CARF) as a New Global Standard for Tax Transparency // Journal of International Tax Law. – 2023. – Vol. 14, No. 3. – P. 201–215.
12. Owens J. Taxation of Virtual Currencies: Property or Cash? // European Tax Review. – 2023. – Vol. 61, No. 5. – P. 310–319.
13. Weber R. VAT treatment of digital tokens: Lessons from the European Court of Justice // World Tax Journal. – 2024. – No. 2. – P. 50–65.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ И ГЛАВНОГО БУХГАЛТЕРА ПРИ НАРУШЕНИЯХ, ВЫЯВЛЕННЫХ В ХОДЕ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

Конева Анастасия Валерьевна
ассистент кафедры публично – правовых наук
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» Оренбургский институт (филиал), г. Оренбург
Садриев Эльмир Равилевич
студент факультета «Юриспруденция»
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» Оренбургский институт (филиал), г. Оренбург

Аннотация. Когда органы государственного финансового контроля выявляют искажение учета или просрочку отчетности, остается неясным, кто отвечает за нарушение: руководитель или главный бухгалтер. Причина в том, что действующий закон о бухгалтерском учете не сохранил прежнее прямое распределение ответственности между ними. Цель – определить, по каким критериям ответственность за учетные и бюджетные нарушения распределяется между руководителем экономического субъекта и главным бухгалтером. Использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и статистический методы. Установлено, что руководитель отвечает за организацию учета и за решения, оформленные письменным распоряжением при разногласиях. Ответственность главного бухгалтера определяется обязанностями, закрепленными локальными актами, а судебные разъяснения сохраняют функциональную формулу прежнего закона. Процессуальная практика Счетной палаты за 2022–2024 годы показывает, что административный порядок преобладает над дисциплинарным. Предложено закреплять распределение подписей в учетной политике, вести журнал письменных распоряжений и указывать в акте проверки документ, возлагающий нарушенную обязанность на конкретное лицо. Выводы применимы в учреждениях, коммерческих организациях и органах внутреннего финансового контроля.
Ключевые слова: финансовый контроль, главный бухгалтер, руководитель экономического субъекта, административная ответственность, бухгалтерский учет, бюджетная отчетность, должностное лицо.

DELINEATION OF RESPONSIBILITIES BETWEEN THE MANAGER AND THE CHIEF ACCOUNTANT IN CASES OF VIOLATIONS IDENTIFIED DURING FINANCIAL CONTROL

Koneva Anastasia Valeryevna
assistant of the Department of Public Law Sciences,
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Moscow State Law University named after O.E. Kutafin”, Orenburg Institute (branch), Orenburg
Sadriev Elmir Ravilevich
student of the Faculty of Jurisprudence,
FSAEI HE "O.E. Kutafin Moscow State Law University" Orenburg Institute (branch), Orenburg

Abstract. Financial control bodies often find distorted accounts or late reports. It is then unclear who should be liable: the head of the entity or the chief accountant. The current accounting law no longer divides their responsibility directly. The aim is to define the criteria for dividing liability for accounting and budget violations between the head and the chief accountant. Formal legal, comparative legal and statistical methods are used. The head is liable for organizing accounting and for written orders issued in case of disagreement. The chief accountant is liable within the duties set by internal acts. Court guidance still follows the formula of the former law. The Accounts Chamber’s practice in 2022–2024 shows that administrative proceedings prevail over disciplinary measures. We propose to fix the allocation of signatures in the accounting policy, to keep a register of written orders, and to name in each audit act the document assigning the breached duty. The results can be used by public institutions, companies and internal financial control bodies.
Keywords: financial control, chief accountant, head of an economic entity, administrative liability, accounting, budget reporting, official.

По обзору Федерального казначейства за первое полугодие 2025 года, в 13% проверенных объектов контроля допущены нарушения, связанные с несвоевременным представлением отчетности [6]. По каждому такому эпизоду контролирующий орган должен определить конкретное должностное лицо, в отношении которого составляется протокол.

Перечень составов, по которым устанавливается вина должностного лица, продолжает расширяться. Федеральным законом от 28.12.2025 № 506-ФЗ КоАП РФ дополнен статьей 15.37.1 о несоблюдении требования о ведении раздельного учета по обязательствам, подлежащим казначейскому сопровождению [2]. Санкции подобных норм обращены и к организации, и к работнику, который исполнял обязанность. Претендентов на эту роль обычно двое: руководитель, подписавший документ, и главный бухгалтер, отразивший операцию.

В постатейном комментарии А.Н. Борисова к Закону № 402-ФЗ главный бухгалтер описан как работник, который подчиняется непосредственно руководителю и отвечает за формирование учетной политики, ведение учета и своевременное представление отчетности [1]. Т.С. Маслова делает акцент на руководителе: «ответственность за организацию бухгалтерского учета, соблюдение законодательства при выполнении хозяйственных операций несут руководители организаций» [5].

Акценты у этих авторов разные, но оба исходят из функциональной формулы прежнего Закона № 129-ФЗ. По материалам системы ГАРАНТ, именно по п. 2 ст. 7 Закона № 129-ФЗ главный бухгалтер нес ответственность за формирование учетной политики, ведение учета и представление отчетности [7]. В действующем законе такого правила нет. Поэтому неясно, на чем теперь основана личная ответственность главного бухгалтера и в каких случаях она переходит к руководителю. Цель статьи – определить критерии разграничения ответственности руководителя и главного бухгалтера за нарушения, выявляемые финансовым контролем, и обосновать способы их документального закрепления.

Закон № 402-ФЗ строит распределение обязанностей вокруг руководителя: «ведение бухгалтерского учета и хранение документов бухгалтерского учета организуются руководителем экономического субъекта» (ч. 1 ст. 7) [10]. Согласно ч. 3 той же статьи, руководитель обязан поручить ведение учета главному бухгалтеру или иному должностному лицу либо заключить договор об оказании бухгалтерских услуг [10]. Главный бухгалтер появляется в законе как лицо, которому эта обязанность передана; перечня его собственных обязанностей и пределов ответственности закон не устанавливает.

Объем личной ответственности главного бухгалтера поэтому определяется не законом, а актами работодателя: трудовым договором, должностной инструкцией, приказом об учетной политике. Если таких актов нет, нарушение скорее будет квалифицировано как упущение в организации учета и вменено руководителю.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 № 18 исходит из иной логики. В п. 24 руководитель назван лицом, несущим «ответственность за надлежащую организацию бухгалтерского учета», а главный бухгалтер – отвечающим за ведение учета и своевременное представление полной и достоверной отчетности [8]. Разъяснение дано по Закону № 129-ФЗ (он утратил силу с 2013 года), однако по-прежнему приводится при квалификации деяний по ст. 15.11 КоАП РФ. Выходит, что функциональную границу, исключенную из текста закона, удерживает судебное толкование.

Сам закон переносит ответственность только в одном случае – при разногласиях по поводу ведения учета (ч. 8 ст. 7 Закона № 402-ФЗ). Если главный бухгалтер принимает документ к учету или отражает объект в отчетности по письменному распоряжению руководителя, тот «единолично несет ответственность за созданную в результате этого информацию» [10].

Согласно примечанию к ст. 2.4 КоАП РФ, руководители и другие работники организаций, совершившие правонарушение в связи с организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями, «несут административную ответственность как должностные лица» [4]. Главный бухгалтер подпадает под эту норму в силу административно-хозяйственных функций; руководитель – в силу распорядительных. Если руководитель субъекта малого предпринимательства ведет учет сам (ч. 3 ст. 7 Закона № 402-ФЗ), обе функции соединяются в одном лице, и вопрос о разграничении не возникает [10].

Из приведенных норм выводится авторская классификация оснований ответственности. Организационное основание закреплено за руководителем. Оно охватывает нарушения, вызванные отсутствием бухгалтерской службы, учетной политики или условий для ведения учета. Функциональное основание относится к главному бухгалтеру; оно действует в пределах обязанностей, переданных ему локальными актами, и вытесняется распорядительным основанием, если есть письменное распоряжение руководителя. Составляя протокол, контрольный орган должен установить, какое из трех оснований подтверждено документами конкретного учреждения.

Главного бухгалтера защищает только письменная форма несогласия: устное возражение, не оформленное распоряжением по ч. 8 ст. 7, при проверке Казначейства или Счетной палаты доказательственного значения практически не имеет.

Протокол по итогам финансового контроля составляется на конкретное лицо, и это лицо фактически определяется уже в акте проверки. Составы, которые применяют органы контроля, заметно различаются по санкциям для должностных лиц (таблица 1).

Таблица 1 – Размер административного штрафа для должностных лиц по составам, применяемым по результатам финансового контроля

Состав КоАП РФ	Существо нарушения	Штраф для должностного лица, руб.
ч. 1 ст. 15.11	Грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету	5 000–10 000
ч. 4 ст. 15.15.6	Грубое нарушение требований к бюджетному (бухгалтерскому) учету	15 000–30 000
ст. 15.37.1	Несоблюдение требования о раздельном учете при казначейском сопровождении	10 000–50 000
ст. 15.49	Нарушение срока утверждения сведений об операциях с целевыми средствами	10 000–50 000

Источник: составлено по [2], [4].

Верхний предел штрафа по ч. 4 ст. 15.15.6 КоАП РФ втрое выше предела ч. 1 ст. 15.11 (авторский расчет). Значит, при одинаковом по существу искажении учетных данных работник государственного учреждения рискует больше, чем главный бухгалтер коммерческой организации. По ст. 15.37.1 риск распределяется иначе: раздельный учет стал безусловной обязанностью участников казначейского сопровождения с июня 2025 года (ст. 242.23 Бюджетного кодекса РФ) [2]. Поэтому ответственность может наступить и для коммерческого подрядчика, у которого граница между руководителем и главным бухгалтером зависит от приказа о раздельном учете.

Счетная палата Российской Федерации публикует сопоставимые ряды данных о процессуальной деятельности своих инспекторов. В них отражены и дисциплинарные, и административные последствия проверок (таблица 2). Соотношение этих видов ответственности важно для темы: дисциплинарное взыскание на главного бухгалтера налагает руководитель, а административное наказание назначает суд, который изучает распределение обязанностей.

Таблица 2 – Результаты процессуальной деятельности по итогам мероприятий Счетной палаты Российской Федерации, 2022–2024 годы

Показатель	2022	2023	2024
Привлечено лиц к дисциплинарной ответственности	87	8	21
Возбуждено дел об административных правонарушениях	93	132	66
Дел, по которым судами назначены административные наказания	66	126	73

Источник: [3].

В 2023 году возбуждено 132 дела при восьми лицах, привлеченных к дисциплинарной ответственности [3]: на одно дисциплинарное взыскание пришлось более 16 административных дел (авторский расчет).

Сокращение числа дел в 2024 году не говорит об ослаблении контроля. Возбуждено 66 дел, а судебных постановлений о назначении наказания вынесено 73 [3]; вероятно, часть постановлений относится к делам, начатым годом ранее. Доля дел, завершившихся наказанием, выросла примерно с 71% в 2022 году до 95% в 2023 году (ориентировочный расчет по таблице 2). Чем выше эта доля, тем меньше у должностного лица возможностей оспорить свою роль после составления протокола. Значение досудебной стадии от этого только растет.

Управлением Федерального казначейства по Республике Адыгея за 2024 год составлено 27 протоколов об административных правонарушениях [9], и по каждому протоколу в отношении должностного лица нужно было выбрать одного из участников операции. Возражения к акту проверки, подкрепленные приказом о распределении обязанностей, по существу остаются последней возможностью скорректировать этот выбор до суда.

Нагляднее всего это видно на просрочке отчетности. По обзору Казначейства, в 3% проверенных объектов нарушены порядок и сроки представления отчетности об использовании субсидии; просрочка составила от 4 до 16 рабочих дней [6]. Срок устанавливается соглашением о субсидии, которое подписывает руководитель, а отчет готовит бухгалтерская служба. Если приказа, возлагающего контроль за сроками на главного бухгалтера, нет, ответственность обоснованно ложится на руководителя: обязательство принимал он.

Действующее право уже дает два документальных средства защиты: письменное распоряжение по ч. 8 ст. 7 Закона № 402-ФЗ и своевременное исправление ошибки, освобождающее от ответственности по ст. 15.11 КоАП РФ. Однако оба работают, только если роли руководителя и главного бухгалтера закреплены заранее.

От ответственности освобождают самостоятельная подача уточненной декларации с уплатой налога и пеней, а также исправление ошибок (включая представление пересмотренной отчетности) до утверждения отчетности [7]. Это условие жестко привязано ко времени. Поэтому полезен внутренний порядок, при котором главный бухгалтер обязан сразу сообщить руководителю о найденной ошибке, а руководитель – принять решение об исправлении в установленный срок.

Нецелевое использование бюджетных средств (ст. 15.14 КоАП РФ) устроено иначе: решение о расходе принимает руководитель [4]. В таких эпизодах ответственность следует за подписью на распорядительном документе; главный бухгалтер отвечает только при собственном участии в операции.

Полагаем, что границу ответственности нужно закреплять до проверки с помощью трех локальных решений: матрица подписей в учетной политике по видам документов; журнал распоряжений, отданных по ч. 8 ст. 7 Закона № 402-ФЗ; в должностной инструкции – закрытый перечень обязанностей главного бухгалтера, включая сроки отчетности по субсидиям.

Матрица устраняет неопределенность организационного основания. Журнал превращает распорядительное основание в доказательство. Закрытый перечень ограничивает функциональное основание теми обязанностями, которые главный бухгалтер действительно исполняет. Каждое решение адресовано одному виду нарушений.

Обязанность раздельного учета по ст. 242.23 Бюджетного кодекса РФ распределяется по-разному в зависимости от исполнителя. В бюджетном учреждении – исполнителе контракта она входит в бюджетный учет и закономерно возлагается на главного бухгалтера. У коммерческого подрядчика раздельный учет затрагивает договорную работу и закупки; без приказа о его организации ответственность ложится на руководителя по ч. 1 ст. 7 Закона № 402-ФЗ [10].

Изменения вступили в силу с 01.01.2026 [2], поэтому подрядчикам с казначейским сопровождением приказ о раздельном учете нужен уже в текущем отчетном периоде.

Органам контроля требуется своя мера. В акте проверки Казначейства или его территориального управления по каждому нарушению целесообразно указывать документ, возлагающий обязанность на конкретное лицо (приказ, должностную инструкцию, распоряжение). Тогда протокол будет опираться на роль, уже установленную в акте, а спор о субъекте сместится в стадию возражений. Если такой порядок закрепят стандарты внутреннего государственного финансового контроля, доля протоколов, составленных на главных бухгалтеров за организационные упущения руководителей, вероятно, снизится.

Разграничение ответственности руководителя и главного бухгалтера опирается в действующем праве на три основания: организационное основание закреплено за руководителем ч. 1 ст. 7 Закона № 402-ФЗ; функциональное зависит от локальных актов; распорядительное возникает при письменном распоряжении, отданном в случае разногласий.

Прямого правила о личной ответственности главного бухгалтера закон не содержит. Этот пробел восполняет судебное толкование, построенное на формуле утратившего силу Закона № 129-ФЗ. В практике Счетной палаты административный порядок заметно преобладает над дисциплинарным, а дела почти всегда завершаются наказанием, поэтому спор о субъекте фактически решается еще до суда.

Учреждениям и организациям это позволяет заранее определить, какие документы понадобятся каждому должностному лицу при возражениях на акт проверки.

Для экономических субъектов предложены матрица подписей в учетной политике, журнал письменных распоряжений и закрытый перечень обязанностей главного бухгалтера. Для органов контроля – указание в акте проверки документа, возлагающего нарушенную обязанность на конкретное лицо. Эффект этих мер зависит от того, будут ли они закреплены в стандартах внутреннего

государственного финансового контроля. Особенно они нужны подрядчикам с казначейским сопровождением после введения ст. 15.37.1 КоАП РФ. Выводы касаются административной и дисциплинарной ответственности и не распространяются на уголовно-правовую оценку действий руководителя и главного бухгалтера.

Предстоит изучить судебную практику по ст. 15.15.6 КоАП РФ в разрезе должностей привлеченных лиц. Отдельного анализа требует распределение ответственности при передаче учета централизованным бухгалтериям и сторонним организациям.

Список литературы:

1. Борисов А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учёте» (постатейный) : 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юстицинформ, 2024. — 372 с. — ISBN 978-5-7205-2065-6.
2. Введены штрафы за нарушения при казначейском сопровождении // Официальный сайт органов местного самоуправления Кабанского района. URL: https://kabansk.gosuslugi.ru (дата обращения: 27.10.2026).
3. Итоги работы Счетной палаты в 2024 году. Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации. URL: https://bft.ru/newspictures/ (дата обращения: 27.10.2026).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в действ. ред.). // КонсультантПлюс. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 27.10.2026).
5. Маслова Т.С. Контроль и ревизия в бюджетных учреждениях: учебное пособие. 2-е изд., перераб. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2023.
6. Обзор недостатков и нарушений, выявленных Федеральным казначейством в ходе осуществления контроля в финансово-бюджетной сфере в субъектах Российской Федерации в первом полугодии 2025 года, а также положительной практики, направленной на предупреждение нарушений в финансово-бюджетной сфере // Официальный сайт Федерального казначейства. URL: https://roskazna.gov.ru (дата обращения: 27.10.2026).
7. Ответственность руководителя и главного бухгалтера в сфере бухгалтерского учета (август 2025) // Энциклопедия решений. Информационно-правовое обеспечение ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/58073189/ (дата обращения: 27.10.2026).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (в действ. ред.). // КонсультантПлюс. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 27.10.2026).
9. Результаты контрольной деятельности Управления Федерального казначейства по Республике Адыгея за 2024 год // Официальный сайт Управления Федерального казначейства по Республике Адыгея. URL: https://adygeya.roskazna.gov.ru/press/354849 (дата обращения: 27.10.2026).
10. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (в действ.ред.). // КонсультантПлюс. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 27.10.2026).

ИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТИ ПО УПЛАТЕ НАЛОГА ТРЕТЬИМИ ЛИЦАМИ: РИСКИ И ЗАЩИТА ОТ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ

Конева Анастасия Валерьевна

ассистент кафедры публично – правовых наук

ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» Оренбургский институт (филиал), г. Оренбург

Садриев Эльмир Равилевич

студент факультета «Юриспруденция»

ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» Оренбургский институт (филиал), г. Оренбург

Аннотация. Возможность уплатить налог за другое лицо упростила расчеты в семьях и группах компаний. Вместе с тем она позволяет использовать единый налоговый счет, чтобы перемещать деньги в обход кредиторов и судебных приставов. Цель – определить, какие риски создает уплата налога третьим лицом для плательщика, налогоплательщика и бюджета и соответствуют ли им действующие средства

защиты, для чего применены формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также экспертная балльная оценка. Налоговый закон, в отличие от гражданского, не передает исполнившему лицу прав кредитора. Запрет на возврат уплаченного защищает прежде всего бюджет и почти не затрагивает интересы кредиторов плательщика. Наибольший риск связан с транзитом денег через единый налоговый счет и с зачетом положительного сальдо в счет обязанности другого лица, наименьший – с уплатой налога за родственника. Предложены уведомление налогоплательщика о поступлениях от третьих лиц, обособленный учет таких сумм и проверка зачета сальдо при долгах передающего лица. Результаты применимы при совершенствовании статьи 45 Налогового кодекса, в работе налоговых органов и арбитражных управляющих.
Ключевые слова: уплата налога третьим лицом, единый налоговый платеж, единый налоговый счет, злоупотребление правом, налоговый агент, зачет положительного сальдо.

THE PERFORMANCE OF THE OBLIGATION TO PAY TAX BY THIRD PARTIES: RISKS AND PROTECTION AGAINST ABUSE

Koneva Anastasia Valeryevna
assistant of the Department of Public Law Sciences,
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Moscow State Law University named after O.E. Kutafin”, Orenburg Institute (branch), Orenburg
Sadriev Elmir Ravilevich
student of the Faculty of Jurisprudence,
FSAEI HE "O.E. Kutafin Moscow State Law University" Orenburg Institute (branch), Orenburg

Abstract. Paying tax for another person has made settlements in families and corporate groups simpler. It also lets the unified tax account be used to move money past creditors and bailiffs. The aim is to find out what risks third-party tax payment creates for the payer, the taxpayer and the budget, and whether existing safeguards match these risks. Formal legal and comparative legal methods are used, together with expert scoring. Unlike civil law, tax law does not give the payer the rights of a creditor. The ban on refunds protects mainly the budget and does little for the payer’s creditors. The highest risk comes from transit through the unified tax account and from offsetting a positive balance against another person’s obligation. We propose notifying taxpayers about third-party payments, keeping such sums separately and checking offsets when the transferring person has debts. The results can help improve Article 45 of the Tax Code.
Keywords: third-party tax payment, single tax payment, unified tax account, abuse of right, tax agent, offset of positive balance.

С 30 ноября 2016 года исполнение третьим лицом или лицами обязанности налогоплательщика по уплате налога прямо разрешено п. 1 ст. 45 Налогового кодекса РФ [3]. Поправку внес Федеральный закон от 30.11.2016 № 401-ФЗ [5]. До этого налоговая обязанность считалась строго личной, и платеж из чужих средств вызывал споры о том, исполнена ли она вообще. Сейчас уплата налога, сбора, страховых взносов, пеней, штрафов возможна любым третьим лицом: одной организацией за другую, одним физическим лицом за другого, организацией за физическое лицо, физическим лицом за организацию [3].

Свобода в выборе плательщика удобна семьям и группам компаний. После перехода к единому налоговому платежу она сохранилась: уплатить (перечислить) единый налоговый платеж за налогоплательщика может также иное лицо (например, его законный или уполномоченный представитель) [4]. Этой возможностью пользуются и недобросовестные участники оборота. Поправки к НК РФ направлены против схем, при которых единый налоговый счет используется не по назначению, например, в качестве кошелька для транзита денег с заблокированного банковского счета в обход кредиторов или приставов [6].

В доктрине и практических разъяснениях подробно разобраны оформление платежа и права налогоплательщика, а положение кредиторов плательщика почти не изучено. А.Ю. Чурилов, исследуя гражданско-правовой аналог (исполнение обязательства третьим лицом по ст. 313 ГК РФ), сомневается в обоснованности перехода прав кредитора к третьему лицу, исполнившему обязательство [9]. По разъяснению С.А. Разгулина, права на зачет и возврат принадлежат налогоплательщику, в том числе в отношении сумм налога, уплаченных за него третьим лицом [3]. Минфин России выводит из-под общего

правила налоговых агентов [5]. Неясно, однако, защищает ли запрет на возврат уплаченного кого-либо, кроме бюджета.

Цель статьи – определить, какие риски создает уплата налога третьим лицом для плательщика, налогоплательщика и бюджета, и обосновать средства защиты от злоупотреблений, соразмерные этим рискам.

Пункт 1 ст. 45 НК РФ в редакции от 28.11.2025 устанавливает: «Перечисление денежных средств в счет исполнения обязанности налогоплательщика по уплате налога может быть произведено иным лицом» [2]. Рядом с этой нормой стоит правило о том, что налогоплательщик обязан самостоятельно исполнить обязанность по уплате налога посредством перечисления денежных средств в качестве единого налогового платежа [2]. Противоречия здесь нет. Самостоятельность означает, что обязанность и последствия ее неисполнения остаются за налогоплательщиком, а сумма может поступить от другого лица как в полном объеме, так и частично, как в установленный срок, так и досрочно или в погашение задолженности [3].

Гражданское и налоговое право по-разному определяют положение того, кто исполнил чужую обязанность. По п. 5 ст. 313 ГК РФ права кредитора переходят к исполнившему третьему лицу, и А.Ю. Чурилов сомневается и в обоснованности этого решения, и в том, что на третье лицо можно возложить ответственность перед кредитором за ненадлежащее исполнение неденежного обязательства [9]. В налоговом праве права не переходят: «Иное лицо не вправе требовать возврата уплаченного за налогоплательщика единого налогового платежа» (п. 1 ст. 45 НК РФ) [2]. Распоряжаться внесенной суммой может только налогоплательщик [3]. Расчеты между ним и плательщиком остаются гражданско-правовыми.

Круг обязанностей, которые можно исполнить за другого, уже, чем следует из буквального текста п. 1 ст. 45. По позиции Минфина России, общее правило не распространяется на налоговых агентов: не отменяются установленные НК РФ обязанности налоговых агентов по исчислению, удержанию налогов из денежных средств налогоплательщиков и перечислению налогов в установленные сроки [5]. В частности, третье лицо не может перечислить в бюджет за агента исчисленный и удержанный им НДФЛ [7].

Для оценки рисков предлагаем авторскую классификацию случаев, когда налоговая обязанность исполняется за счет средств другого лица. Классифицирующий признак – чья воля определяет платеж: - добровольная уплата по инициативе плательщика (внутри семьи или группы компаний); - платеж по договоренности с налогоплательщиком, засчитываемый в счет встречного долга; - взыскание недоимки с зависимых обществ, если на их счета поступает выручка налогоплательщика: взыскание может производиться в пределах поступившей им выручки (пп. 2 п. 2 ст. 45 НК РФ) [2]; - когда положительное сальдо единого налогового счета одного лица зачитывается в счет обязанности другого (пп. 5 п. 1 ст. 21 НК РФ) [2].

Различия между этими формами по признакам, значимым для злоупотреблений, сведены в таблицу 1.

Таблица 1 – Формы исполнения налоговой обязанности за счет средств другого лица

Форма	Инициатор	Согласие налогоплательщика	Последствие для имущества плательщика	Основание
Добровольная уплата	третье лицо	законом не требуется	безвозвратное уменьшение	п. 1 ст. 45 НК РФ
Платеж по договоренности	стороны договора	выражено в договоре	уменьшение, компенсируемое встречным требованием	п. 1 ст. 45 НК РФ, ст. 313 ГК РФ
Взыскание с зависимых обществ	налоговый орган, суд	не требуется	взыскание в пределах поступившей выручки	пп. 2 п. 2 ст. 45 НК РФ
Зачет положительного сальдо	лицо, имеющее сальдо	не требуется	уменьшение сальдо передающего лица	пп. 5 п. 1 ст. 21 НК РФ

Источник: составлено автором по [2], [3], [9].

Юридически воля налогоплательщика закреплена только в одной из четырех форм – в договоре; при добровольной уплате и зачете сальдо он может вообще не знать о поступлении. Налоговый орган видит только сам платеж, а его гражданско-правовая квалификация (дарение, заем, погашение встречного долга) в налоговом учете не отражается. Между тем именно от нее зависит, пострадают ли кредиторы плательщика.

Для плательщика главный риск – безвозвратность перечисленного. Если сумма оказалась ошибочной или основание платежа отпало, плательщик ничего не вернет: в возврате третьему лицу налога будет отказано [3]. Учесть эти расходы в своей налоговой базе тоже нельзя: они при определении налоговой базы у третьего лица не учитываются на основании пункта 16 статьи 270 НК РФ как безвозмездно переданное имущество [3]. Организация, погасившая налог дочернего общества или контрагента, оплачивает его из прибыли после налогообложения.

В начале 2017 г. банки еще не пропускали платежки, заполненные с учетом рекомендаций ФНС, и налог условного ООО «Ромашка», перечисленный ИП Ивановым, не попадал в карточку расчетов с бюджетом организации [7]. С заявлением об уточнении платежа всегда должно обращаться то лицо, за которое был перечислен налог (п. 7 ст. 45 НК РФ) [7]. С той же трудностью сталкивается гражданин, уплативший налог родственника со своего счета: банк укажет его ФИО в качестве плательщика [8]. Опаснее ошибка в номере счета Федерального казначейства и (или) наименовании банка получателя: тогда налог не считается уплаченным (пп. 4 п. 4 ст. 45 НК РФ) [2].

Самые серьезные злоупотребления наносят ущерб кредиторам плательщика, а не бюджету. В таких схемах единый налоговый счет служит транзитным звеном для денег с заблокированного банковского счета в обход кредиторов или приставов [6].

Того же результата можно добиться через зачет. Подпункт 5 п. 1 ст. 21 НК РФ дает налогоплательщику право на возврат положительного сальдо либо на «зачет указанных денежных средств в счет исполнения обязанности другого лица» [2]. В итогах деятельности ФНС России за январь – октябрь 2024 г. упоминается и норма п. 8 ст. 78 НК РФ о положительном сальдо на ЕНС, вступившая в силу 01.10.2023 (Федеральный закон от 31.07.2023 № 389-ФЗ) [1]. Если у передающего лица есть долги перед контрагентами, зачет в пользу аффилированной компании выводит актив из-под взыскания; бюджет при этом ничего не теряет.

Сценарии сопоставимы, поэтому их можно оценить по единой пятибалльной шкале по трем критериям (таблица 2).

Таблица 2 – Балльная оценка риска злоупотреблений при исполнении налоговой обязанности третьими лицами

Сценарий	Вероятность	Ущерб бюджету	Ущерб кредиторам и налогоплательщику	Итоговый балл (из 15)
Добровольная уплата имущественного налога за родственника	1	1	1	3
Ошибка в реквизитах при уплате налога за контрагента	3	1	2	6
Уплата налога дочернего общества материнской компанией	3	1	3	7
Транзит средств с заблокированного счета через ЕНС	4	1	5	10
Зачет положительного сальдо лицом, имеющим долги	3	1	5	9

Источник: авторская оценка по материалам [2], [3], [6], [7].

Оценки различаются более чем в три раза: от 3 баллов за уплату налога родственника до 10 баллов за транзит через ЕНС. По ущербу бюджету все пять сценариев получили минимальный балл, и это закономерно. Деньги в любом случае поступают в бюджетную систему; теряют их кредиторы плательщика или он сам. Поэтому средства, рассчитанные на охрану фискального интереса, к самым опасным схемам почти не применимы.

Значит, защиту от злоупотреблений нужно строить с позиции кредиторов плательщика и самого налогоплательщика: только они и рискуют при уплате налога третьими лицами.

Действующие средства защиты сосредоточены в ст. 45 НК РФ. Запрет на возврат третьему лицу распространен теперь на единый налоговый платеж и налог, уплаченный не в качестве единого налогового платежа [2]; только владелец единого налогового счета может инициировать возврат излишне уплаченных сумм [6]. Применительно к оформлению платежа действует требование: платежные документы должны позволять установить, что соответствующая сумма уплачена за налогоплательщика [4]. На налоговых агентов, по позиции Минфина России, общее правило не распространяется [5]. Против перевода выручки на зависимые общества направлено взыскание с них в судебном порядке (пп. 2 п. 2 ст. 45 НК РФ) [2].

Эти правила не дают деньгам вернуться к плательщику, но не мешают им дойти до налогоплательщика. Сумма, внесенная с заблокированного счета, остается на ЕНС получателя и при положительном сальдо может быть возвращена уже ему. У кредиторов плательщика остаются только общие гражданско-правовые и банкротные способы оспаривания сделки, а для них сначала нужно узнать о платеже.

С учетом выявленных рисков предлагаем три изменения, каждое из которых требует проверки на практике: - уведомлять налогоплательщика в личном кабинете о каждом поступлении от третьего лица с указанием ИНН и наименования плательщика; - обособленный учет сумм, внесенных третьими лицами, с запретом их возврата налогоплательщику до истечения срока, достаточного для обращения взыскателей; - при зачете положительного сальдо в счет обязанности другого лица налоговый орган проверяет, нет ли у передающего лица решений о приостановлении операций по счетам.

С уведомлением отпадает риск ошибки в идентификации, показанный на примере ООО «Ромашка»: налогоплательщик сразу узнает о поступлении и сам подает заявление об уточнении по п. 7 ст. 45 НК РФ. Обособленный учет делает транзитную схему бесполезной, поскольку деньги нельзя вывести сразу. При проверке зачета налоговый орган опирается на сведения, которыми уже располагает (решения о приостановлении операций он принимает сам). Дополнительные затраты на администрирование здесь невелики.

Если обособленный учет введут, транзит через ЕНС станет бессмысленным, а добросовестная уплата налога за родственника не замедлится: налог засчитывается в момент поступления. Если модель останется прежней, выявлять схемы по-прежнему будут в основном кредиторы и арбитражные управляющие. Сила эффекта зависит от того, какую долю транзитные платежи составляют среди всех поступлений от третьих лиц.

Уплата налога третьим лицом, прямо разрешенная с 2017 г., устроена в налоговом праве иначе, чем исполнение обязательства за должника в гражданском. Исполнившее лицо не получает прав кредитора и не вправе требовать возврата; распоряжаться внесенной суммой может только налогоплательщик.

Для плательщика риски сводятся к трем вещам: платеж нельзя вернуть, его нельзя учесть в расходах, а ошибку в идентификации может исправить только сам налогоплательщик. Наиболее опасны сценарии, в которых страдают кредиторы плательщика: транзит денег через ЕНС и зачет положительного сальдо в счет обязанности другого лица. По авторской оценке, они получают 9–10 баллов из 15, тогда как уплата налога за родственника – 3 балла. Бюджет ни в одном из сценариев ущерба не несет.

Действующие средства защиты (запрет на возврат третьему лицу, исключение налоговых агентов, взыскание с зависимых обществ) охраняют фискальный интерес. Предложенные меры – уведомление налогоплательщика, обособленный учет сумм от третьих лиц и проверка зачета сальдо – защищают кредиторов; их можно закрепить в ст. 21 и 45 НК РФ и использовать в работе налоговых органов и арбитражных управляющих.

Соотношение рисков установлено экспертным путем, и его нужно подтвердить сведениями о реальном объеме платежей третьих лиц.

Перспективно изучить судебную практику оспаривания таких платежей в делах о банкротстве, а также порядок, при котором налогоплательщик получает сведения о том, кто за него заплатил.

Список литературы:

1. Итоги деятельности ФНС России. Январь – октябрь 2024 г. // Официальный сайт ФНС России. URL: https://data.nalog.ru/ (дата обращения: 27.10.2026).

2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // КонсультантПлюс. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 27.10.2026).
3. Об уплате налога за налогоплательщика и новом порядке расчёта пени: интервью с С.А. Разгулиным // Такском. База знаний. — URL: https://taxcom.ru (дата обращения: 27.10.2026).
4. Уплата налога за другое физическое лицо // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 27.10.2026).
5. Уплата налогов третьими лицами для налоговых агентов не подходит? // Клерк. — URL: https://www.klerk.ru (дата обращения: 27.10.2026).
6. Уплата налогов за третье лицо в 2026: порядок, платёжка и риски // Альфа-Банк. Курс. — URL: https://kurs.alfabank.ru (дата обращения: 27.10.2026).
7. Уплата налогов третьими лицами // Главная книга. — 2017. — № 11. — URL: https://glavkniga.ru (дата обращения: 27.10.2026).
8. Уплата налогов третьими лицами: порядок, основания и риски // Контур.Центр. — URL: https://kontur-center.ru (дата обращения: 27.10.2026).
9. Чурилов А.Ю. Правовые проблемы исполнения обязательства третьим лицом при возложении исполнения // Юридические исследования. — 2016. — № 6. — С. 12–22. — URL: https://nbpublish.com (дата обращения: 27.10.2026).

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЛИКВИДАЦИИ НАКОПЛЕННОГО ВРЕДА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ

Кузьмина Мария Вячеславовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и трудового право ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е.Кутафина» Оренбургский институт (филиал), г. Оренбург
Садриев Эльмир Равилевич
студент факультета «Юриспруденция»
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е.Кутафина» Оренбургский институт (филиал), г. Оренбург

Аннотация. Статья посвящена анализу правового регулирования ликвидации накопленного вреда окружающей среде в Российской Федерации. Рассматривается эволюция законодательства — от введения института накопленного вреда в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» в 2016 году до комплексной реформы 2023 года. Раскрываются ключевые понятия, процедура выявления, инвентаризации, учёта и ликвидации объектов накопленного вреда, а также вопросы распределения ответственности между государством, муниципалитетами и причинителями вреда. Анализируются проблемы правоприменения, включая ответственность собственников загрязнённых участков и финансирование ликвидационных мероприятий. Особое внимание уделено реализации национального проекта «Экология» и переходу к новому национальному проекту «Экологическое благополучие».
Ключевые слова: накопленный вред окружающей среде, объекты накопленного вреда, экологическое право, ликвидация вреда, государственный реестр, Росприроднадзор, национальный проект «Экология».

LEGAL ASPECTS OF ELIMINATING ACCUMULATED ENVIRONMENTAL DAMAGE

Kuzmina Maria Vyacheslavovna
candidate of Legal Sciences, Associate Professor at the Department of Business and Labor Law FSAEI HE "O.E. Kutafin Moscow State Law University" Orenburg Institute (branch), Orenburg
Sadriev Elmir Ravilevich
student of the Faculty of Jurisprudence,
FSAEI HE "O.E. Kutafin Moscow State Law University" Orenburg Institute (branch), Orenburg

Abstract. The article is devoted to the analysis of the legal regulation of the elimination of accumulated environmental damage in the Russian Federation. The evolution of legislation is considered — from the introduction of the institute of accumulated harm in the Federal Law "On Environmental Protection" in 2016 to the comprehensive reform in 2023. The key concepts, the procedure for identifying, inventorying, accounting and eliminating objects of accumulated harm, as well as issues of responsibility allocation between the state,

municipalities and harm-doers are revealed. The problems of law enforcement are analyzed, including the responsibility of owners of contaminated sites and financing of liquidation measures. Special attention is paid to the implementation of the national project “Ecology” and the transition to the new national project “Environmental Well-being”.
Keywords: accumulated environmental damage, objects of accumulated harm, environmental law, harm elimination, state register, Rosprirodnadzor, national project "Ecology".

Накопленный вред окружающей среде — одно из наиболее сложных и актуальных явлений в сфере экологического права. По оценкам специалистов, в России накоплено более 31,6 млрд. тонн отходов, а ареалы распространения загрязняющих веществ вокруг промышленных комплексов охватывают территорию около 18 млн. га. [14]. Эти цифры отражают масштаб исторического наследия, оставленного десятилетиями хозяйственной деятельности без должного экологического контроля.

Институт ликвидации накопленного вреда окружающей среде (далее — НВОС) появился в российском законодательстве сравнительно недавно — глава XIV.1 «Ликвидация накопленного вреда окружающей среде» была введена в Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее — Закон № 7-ФЗ) [1] Федеральным законом от 03.07.2016 № 254-ФЗ [2] и вступила в силу с 1 января 2017 года. Однако лишь к 2023 году законодатель сформировал относительно завершённую систему правового регулирования в этой сфере.

Закон № 7-ФЗ [1] закрепляет три ключевых определения, образующих фундамент рассматриваемого института:

1. Накопленный вред окружающей среде — вред, возникший в результате прошлой экономической и иной деятельности, обязанности по устранению которого не были выполнены либо были выполнены не в полном объеме.
2. Объекты накопленного вреда окружающей среде (ОНВОС) — территории, в том числе акватории, на которых выявлен накопленный вред, а также объекты капитального строительства, являющиеся источником такого вреда.
3. Ликвидация накопленного вреда окружающей среде — мероприятия по устранению вреда, возникшего в результате прошлой деятельности, обязанности по устранению которого не были выполнены либо были выполнены не в полном объеме.

Важно отметить, что законодательство последовательно отличает накопленный вред от текущего воздействия действующих предприятий. Если производство продолжает загрязнять окружающую среду, к нему применяются иные механизмы ответственности — плата за негативное воздействие, нормативы допустимого воздействия, предписания контролирующих органов. НВОС охватывает лишь те ситуации, когда деятельность, причинившая вред, уже прекращена, а обязанность по её устранению не исполнена.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 27.12.2023 № 2335 [6] установлены четыре критерия, которым территория должна соответствовать одновременно для признания её объектом накопленного вреда:

- Критерий происхождения вреда — вред причинён прошлой хозяйственной деятельностью, которая прекращена (размещение отходов, сбросы, иная деятельность, приведшая к негативным последствиям).
- Имущественный критерий — земельный участок и расположенные на нём объекты недвижимости находятся в государственной или муниципальной собственности либо у них отсутствует правообладатель.
- Критерий отсутствия причинителя вреда — причинитель вреда не установлен, ликвидирован (для юридических лиц) или умер (для физических лиц).
- Критерий экологического ущерба — документально подтверждено превышение нормативов качества окружающей среды (ПДК, ПДУ и др.) в результате прошлой деятельности.

Одновременность всех четырёх критериев — принципиальное условие. Если хотя бы один не соблюдён (например, выявлен дееспособный причинитель вреда или участок находится в частной собственности), объект не включается в государственный реестр ОНВОС, а ликвидация вреда осуществляется в ином правовом поле — через исковую работу с виновной стороной.

Правовое регулирование работы с ОНВОС построено по этапной модели, включающей выявление, обследование, оценку и учёт. Эти стадии закреплены в статьях 80.1–80.2 Закона № 7-ФЗ [1] (в редакции Федерального закона от 04.08.2023 № 449-ФЗ) [3].

Выявление ОНВОС осуществляется органами государственной власти субъектов Российской Федерации или органами местного самоуправления путём сбора, обработки и анализа сведений о территориях, на которых в прошлом осуществлялась экономическая деятельность. Порядок выявления регламентирован Правилами, утверждёнными постановлением Правительства РФ от 21.12.2023 № 2239 [5]. На муниципальных землях выявлением занимаются органы местного самоуправления, на иных территориях — органы государственной власти субъектов РФ. В случаях, установленных Правительством (постановление от 25.12.2019 № 1834) [8], выявление осуществляет Росприроднадзор.

При выявлении определяются: место нахождения объекта, площадь загрязнённой территории, вид хозяйственной деятельности, в результате которой возник вред, наличие объектов капитального строительства и отходов, компоненты природной среды, подвергающиеся воздействию, а также количество населения, проживающего на территории возможного негативного воздействия.

Обследование и оценка ОНВОС осуществляются Росприроднадзором с привлечением подведомственных федеральных государственных бюджетных учреждений на основании государственного задания. Обследование включает определение объёма и массы загрязняющих веществ, отходов, площади воздействия, а также степени воздействия на жизнь и здоровье граждан. Порядок обследования и оценки утверждён постановлением Правительства РФ от 23.11.2023 № 1967 [9].

Учёт ОНВОС осуществляется посредством включения в государственный реестр объектов накопленного вреда окружающей среде (ГРОНВОС), который ведёт Минприроды России. Реестр формируется в срок не более 30 рабочих дней со дня поступления результатов инвентаризации. Ведение реестра включает рассмотрение материалов, принятие решения о включении или отказе, определение объектов первоочередной ликвидации, обновление информации и исключение объектов. Порядок ведения ГРОНВОС утверждён постановлением Правительства РФ от 23.12.2023 № 2268 [7].

Объекты в реестре ранжируются по приоритетности: к категории I (высокий приоритет) относятся объекты, ликвидация которых необходима в первоочередном порядке из-за высокой опасности для населения и значительного масштаба загрязнения; категории II и III — средний и низкий приоритеты соответственно. По данным на конец 2025 года, в государственный реестр ОНВОС включено около 1 470 объектов.

Ликвидация НВОС регламентируется статьёй 80.3 Закона № 7-ФЗ [1] и Правилами организации ликвидации накопленного вреда окружающей среде, утверждёнными постановлением Правительства РФ от 27.12.2023 № 2323 (в редакции от 21.10.2025) [4].

Организация ликвидации осуществляется:

- органами местного самоуправления — на муниципальных землях;
- органами государственной власти субъектов РФ — на иных (региональных) территориях;
- Минприроды России или подведомственными ему федеральными учреждениями — в случаях, установленных Правительством РФ.

Финансирование осуществляется в пределах средств, предусмотренных на эти цели соответствующими бюджетами бюджетной системы Российской Федерации.

Процедура ликвидации включает четыре этапа:

1. Проведение необходимых обследований объекта — инженерные изыскания, дополнительный анализ проб.
2. Разработка проекта ликвидации — документации, содержащей эколого-экономическое обоснование, содержание и объёмы работ, график ликвидации, технологические решения. Проект ликвидации должен предусматривать применение наилучших доступных технологий (НДТ), а при их отсутствии — технологий, являющихся экономически эффективными и не превышающими нормативы допустимого воздействия.
3. Утверждение проекта ликвидации — проект до утверждения проходит государственную экологическую экспертизу, проверку достоверности сметной стоимости (осуществляемую Росприроднадзором), а в соответствующих случаях — государственную экспертизу проектной документации. Проект утверждается заказчиком в течение 10 рабочих дней со дня выдачи последнего положительного заключения.

4. Проведение работ по ликвидации — осуществляется исполнителем (подрядной организацией) в соответствии с утверждённым проектом ликвидации.

Наблюдение за ходом ликвидации осуществляется Росприроднадзором с привлечением центров лабораторного анализа и технических измерений. Наблюдение проводится дистанционными методами, путём присутствия на территории, отбора и анализа проб, а также анализа отчётности. Срок наблюдения не ограничен. При выявлении отступлений от утверждённого проекта Росприроднадзор уведомляет заказчика, который обязан устранить нарушения в течение 30 календарных дней.

По завершении работ заказчик направляет в Росприроднадзор извещение о завершении ликвидации. В течение 30 календарных дней Росприроднадзор готовит заключение с обоснованными выводами о выполнении мероприятий либо отказ в выдаче заключения. Основанием для отказа служит ликвидация с отступлением от утверждённого проекта. Объект считается ликвидированным при наличии положительного заключения. После этого объект исключается из ГРОНВОС.

Вопрос о том, кто несёт ответственность за ликвидацию накопленного вреда, — один из самых дискуссионных в доктрине и практике экологического права.

Согласно пункту 1 статьи 77 Закона № 7-ФЗ [1], юридические и физические лица, причинившие вред окружающей среде, обязаны возместить его в полном объёме. Этот принцип закреплён также в статье 42 Конституции Российской Федерации. Однако в случае накопленного вреда причинитель, как правило, неизвестен, ликвидирован или неплатёжеспособен, что делает применение общего правила невозможным.

При невозможности установления причинителя вреда обязанность по ликвидации переходит к публично-правовым образованиям. Из федерального бюджета финансируется ликвидация объектов категории I (высокого приоритета) и софинансируется ликвидация на федеральных землях. Региональные бюджеты отвечают за объекты категорий II и III. Муниципальные бюджеты участвуют в ликвидации объектов на своей территории. Данный подход вытекает из критериев отнесения территорий к ОНВОС, которые требуют отсутствия частного правообладателя и невозможности привлечения причинителя вреда.

Наиболее острый вопрос — может ли новый владелец земельного участка быть обязан ликвидировать загрязнение, которое он не создавал? Законодательная позиция, основанная на статье 77 Закона № 7-ФЗ [1], говорит, что лицо, причинившее вред, обязано его возместить. Если новый собственник не причинял вред, формально он не обязан его ликвидировать. Судебная практика, как правило, поддерживает этот подход: суды указывают, что взыскание возмещения с собственника участка без установления реального причинителя вреда может привести к продолжению противоправных действий виновных лиц и их безнаказанности, что противоречит требованиям Закона № 7-ФЗ [1]. Вместе с тем, если новый собственник продолжает загрязняющую деятельность, он несёт ответственность за текущее воздействие.

В определении от 31 января 2023 г. № 308-ЭС22-20037 [10] Верховный Суд Российской Федерации указал, что публичный собственник, на котором лежит обязанность по сохранению природных ресурсов, вправе направлять средства возмещения вреда на восстановление природных объектов, в том числе на ликвидацию накопленного вреда. Однако публично-правовое образование не должно отвечать за вред, причинённый иными лицами, только из-за принадлежности ему загрязнённого участка. Таким образом, судебная практика последовательно проводит линию на установление реального причинителя вреда и лишь при его невозможности — на переход обязанности к государству.

Помимо нормативно-правового регулирования, ликвидация НВОС осуществляется в рамках программных документов государственного уровня.

Федеральная целевая программа «Ликвидация накопленного экологического ущерба» на 2014–2025 годы стала первым масштабным программным документом в этой сфере. Программа предусматривала шесть направлений: реабилитацию территорий добывающей и горно-обогатительной промышленности, объектов с нефтесодержащими загрязнениями, химических производств, полигонов твёрдых бытовых отходов, а также ликвидацию вреда в Арктической зоне и санацию мест уничтожения химического оружия. Общий объём финансирования оценивался в 219 млрд рублей.

Национальный проект «Экология» (2019–2024 гг.) стал следующим этапом. В рамках федерального проекта «Чистая страна» была проведена работа по рекультивации несанкционированных свалок и ликвидации наиболее опасных объектов накопленного вреда. По итогам реализации

национального проекта, как заявил Президент Российской Федерации В. В. Путин, в 60 регионах ликвидировано 242 объекта накопленного вреда окружающей среде, в том числе 157 крупных свалок [13]. В рамках федерального проекта «Оздоровление Волги» ликвидировано 13 объектов накопленного вреда.

По данным «Российской газеты», в рамках федерального проекта «Чистая страна» ликвидированы 191 свалка и 88 опасных объектов [12], результаты работ верифицированы Росприроднадзором. Это позволило улучшить качество жизни почти 30 млн человек.

Национальный проект «Экологическое благополучие» (2025–2030 гг.) пришёл на смену завершившемуся нацпроекту «Экология». В рамках нового федерального проекта «Генеральная уборка» продолжится работа по ликвидации объектов накопленного вреда. Согласно государственной программе «Охрана окружающей среды» [11], планируется ликвидация не менее 50 опасных объектов накопленного вреда до конца 2030 года.

Несмотря на значительный прогресс в формировании правовой базы, ряд проблем остаётся нерешённым.

1. Проблема финансирования. Ликвидация накопленного вреда требует значительных бюджетных средств. Стоимость ликвидации одного объекта может достигать десятков и сотен миллионов рублей. При этом объём выявленных объектов (около 1 470 в реестре) многократно превышает возможности ежегодного бюджетного финансирования, что обуславливает необходимость системы приоритизации.

2. Ответственность частных собственников. Действующее законодательство распространяет институт НВОС преимущественно на объекты, не имеющие частного правообладателя. Вместе с тем значительная часть загрязнённых территорий находится в частной собственности. В 2017 году обсуждался законопроект, предусматривающий обязанность юридических лиц — собственников ОНВОС разрабатывать программу поэтапной ликвидации вреда и предоставлять ежегодную отчётность о её выполнении. Однако до настоящего времени данный подход законодательно не закреплён.

3. Разграничение полномочий. Распределение обязанностей между федеральным центром, субъектами РФ и муниципалитетами при организации ликвидации остаётся предметом дискуссий. Определение «случаев», в которых ликвидацию осуществляет федеральный орган (постановление Правительства РФ от 25.12.2019 № 1834) [8], не охватывает все ситуации, требующие федерального вмешательства, — особенно когда объекты расположены на территориях с особым правовым статусом (Арктическая зона, Байкальская природная территория, ООПТ).

4. Соотношение с иными институтами. Не до конца урегулирован вопрос о соотношении института НВОС с механизмом рекультивации нарушенных земель (статья 13 Земельного кодекса РФ, постановление Правительства РФ от 29.05.2025 № 781), а также с институтом возмещения вреда окружающей среде (статьи 77–78 Закона № 7-ФЗ). Как отмечается в литературе, формальное определение вреда окружающей среде как результата загрязнения может исключать из сферы НВОС значительные территории, деградированные в результате горнодобывающей деятельности без признаков химического загрязнения.

Институт ликвидации накопленного вреда окружающей среде прошёл путь от концептуальной идеи до развёрнутой системы правового регулирования за неполные десять лет. Реформа 2023 года, включающая обновление статей 80.1–80.3 Закона № 7-ФЗ [1] и принятие пакета подзаконных актов, существенно упорядочила процедуры выявления, учёта и ликвидации ОНВОС.

Вместе с тем эффективность данного института зависит не только от качества нормативной базы, но и от объёмов финансирования, развития технологий ликвидации, а также от решения фундаментального вопроса о распределении ответственности между государством и частными лицами. Дальнейшее совершенствование законодательства, по всей видимости, должно быть направлено на расширение круга объектов, подлежащих ликвидации за счёт средств собственников, а также на уточнение критериев отнесения территорий к объектам накопленного вреда с учётом разнообразия видов экологического ущерба.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Российская газета. — 2002. — № 6. — 12 января.
2. Федеральный закон от 03.07.2016 № 254-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. — 2016. — № 146. — 6 июля.

3. Федеральный закон от 04.08.2023 № 450-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об охране окружающей среды" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). — URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.10.2026).
4. Постановление Правительства РФ от 27.12.2023 № 2323 (ред. от 21.10.2025) «Об утверждении Правил организации ликвидации накопленного вреда окружающей среде» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). — URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.10.2026).
5. Постановление Правительства РФ от 21.12.2023 № 2239 «Об утверждении Правил выявления объектов накопленного вреда окружающей среде» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). — URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.10.2026).
6. Постановление Правительства РФ от 27.12.2023 № 2335 «Об утверждении критериев, на основании которых территории, расположенные на них объекты капитального строительства могут быть отнесены к объектам накопленного вреда окружающей среде» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). — URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.10.2026).
7. Постановление Правительства РФ от 23.12.2023 № 2268 «О ведении государственного реестра объектов накопленного вреда окружающей среде» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). — URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.10.2026).
8. Постановление Правительства РФ от 25.12.2019 № 1834 «О случаях, при которых выявление объектов накопленного вреда окружающей среде и организация ликвидации накопленного вреда окружающей среде осуществляются уполномоченными Правительством Российской Федерации федеральными органами исполнительной власти...» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). — URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.10.2026).
9. Постановление Правительства РФ от 23.11.2023 № 1967 «Об утверждении Правил обследования и оценки объектов накопленного вреда окружающей среде» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). — URL: http://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 06.10.2026).
10. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31.01.2023 № 308-ЭС22-20037 по делу № А32-52065/2021 // Legalacts.ru. — URL: https://legalacts.ru (дата обращения: 06.10.2026).
11. Государственная программа Российской Федерации «Охрана окружающей среды» (утв. постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 326, в ред. от 12.03.2026) // Docs.cntd.ru. — URL: https://docs.cntd.ru (дата обращения: 06.10.2026).
12. Ликвидированы 191 свалка и 88 опасных объектов: Итоги федерального проекта «Чистая страна» // Российская газета. — 2025. — 17 ноября. — URL: https://rg.ru (дата обращения: 06.10.2026).
13. Путин рассказал о результатах по нацпроекту «Экология» // РИА Новости. — 2024. — 5 декабря. — URL: https://ria.ru (дата обращения: 06.10.2026).
14. В России накоплено более 31,6 млрд тонн отходов, а ареалы распространения загрязняющих веществ вокруг промышленных комплексов охватывают территорию около 18 млн га // IRESRAS.ru. — URL: http://www.iresras.ru (дата обращения: 06.10.2026).

УДК 349.65

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ ДИСТАНЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ ЗЕМЛИ (ДЗЗ) В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ЭКОЛОГИЧЕСКИМ СПОРАМ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Садчик Карина Алексеевна
студентка
Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Россия, г. Оренбург

Аннотация. В статье рассматриваются процессуальные аспекты использования данных дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) в качестве доказательств при разрешении экологических споров. Анализируются правовая природа материалов ДЗЗ, их место в системе средств доказывания, закрепленной гражданским, арбитражным и административным процессуальным законодательством, а также условия их относимости, допустимости и достоверности. На основе анализа судебной практики выявлены типичные ситуации, в которых космические снимки применяются при доказывании: установление факта и периода экологического правонарушения, границ объектов недвижимости, размера вреда окружающей среде. Сформулированы предложения по совершенствованию процессуального механизма использования материалов ДЗЗ, включая закрепление статуса автоматически фиксируемых данных и требований к цепочке их обработки. Материалы статьи могут быть использованы в правотворческой и правоприменительной деятельности.
Ключевые слова: дистанционное зондирование Земли, космический снимок, доказательства, допустимость доказательств, экологический надзор, судебная экологическая экспертиза.

USE OF EARTH REMOTE SENSING DATA AS EVIDENCE IN ENVIRONMENTAL DISPUTES: PROCEDURAL ASPECTS

Sadchik Karina Alekseevna
student
Orenburg Institute (branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Russia, Orenburg

Abstract. The article deals with procedural aspects of using Earth remote sensing data (RSD) as evidence in environmental disputes. The author analyzes the legal nature of RSD materials, their place in the system of means of proof established by civil, arbitration and administrative procedural legislation, as well as the conditions of their relevance, admissibility and reliability. Based on the analysis of judicial practice, typical situations are identified in which satellite images are used in proving: establishing the fact and period of an environmental offense, the boundaries of real estate objects, the amount of harm to the environment. Proposals are formulated to improve the procedural mechanism for using RSD materials, including securing the status of automatically recorded data and requirements for the chain of their processing. The materials of the article can be used in law-making and law enforcement activities.
Keywords: Earth remote sensing, satellite image, evidence, admissibility of evidence, environmental supervision, forensic environmental expertise.

Совершенствование экологического надзора и правоприменения в сфере охраны окружающей среды неразрывно связано с цифровой трансформацией природоохранных отношений: современные технологии дистанционного зондирования Земли (далее — ДЗЗ) и беспилотных летательных аппаратов все активнее применяются при обследовании территорий, планировании рационального использования и охраны природных ресурсов. Внимание к космическому мониторингу не случайно: по оценке руководителя Росприроднадзора, около 85 % нарушений природоохранного законодательства выявляются именно с использованием космических снимков, при этом во всех проверенных случаях данные спутниковой съемки подтверждались наземными исследованиями [4]. Впечатляет и стоимость метода: по подсчетам ведомства, мониторинг 227 700 кв. км территории России обойдется бюджету в 183,3 млн рублей, то есть на порядок дешевле регулярных наземных проверок [4].

Вместе с тем фактическая доступность космических снимков не сопровождается их полноценным процессуальным статусом. Данные ДЗЗ пока редко используются в качестве доказательств, а материалы, полученные из свободно доступных картографических сервисов, судами отклоняются из-за невозможности установить их происхождение и достоверность. Сложившаяся практика носит фрагментарный характер: космические снимки признаются доказательствами в одних категориях дел и отклоняются в других, при этом единые критерии их оценки в процессуальном законодательстве отсутствуют. Цель настоящей статьи — анализ процессуальных аспектов использования данных ДЗЗ в качестве доказательств по экологическим спорам и выработка предложений по устранению выявленных пробелов. Для достижения цели решаются задачи: определения правовой природы материалов ДЗЗ, установления требований к их относимости, допустимости и достоверности, обобщения практики применения снимков в экологических спорах, выявления проблем процессуального регулирования.

Правовую основу использования материалов ДЗЗ образует законодательство о космической деятельности. Согласно Закону Российской Федерации «О космической деятельности» данными ДЗЗ из космоса являются первичные данные, получаемые непосредственно с помощью аппаратуры ДЗЗ, установленной на борту космического аппарата, и передаваемые (доставляемые) на Землю, а также материалы, полученные в результате обработки первичных данных [6]. Пространственные данные к данным ДЗЗ не относятся. С 2020 года законом закреплены создание и ведение федерального фонда данных ДЗЗ из космоса, порядок предоставления данных из которого урегулирован постановлением Правительства Российской Федерации от 24 августа 2019 г. № 1087 [13]; постановлением Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2024 г. № 1648 установлены особенности предоставления данных, копий данных и продуктов, созданных на их основе и содержащихся в федеральном фонде [11].

Как отмечают Т.Г. Максимова и А.А. Светлорусов, понятия «данные ДЗЗ» и «космический снимок» соотносятся как целое и часть: снимок с географической привязкой представляет собой обработанные первичные данные [10, с. 31]. Именно космический снимок выступает процессуальной оболочкой, пригодной для представления в суд. В арбитражном процессе снимки квалифицируются как «иные документы и материалы» (ст. 89 АПК РФ), в гражданском процессе документы, полученные посредством электронной связи, признаются письменными доказательствами (ст. 71 ГПК РФ), в административном судопроизводстве к письменным доказательствам отнесены и электронные документы (ст. 70 КАС РФ) [1; 5; 8]. Ранее в литературе уже обосновывалась возможность использования космических снимков в качестве доказательств во всех видах судопроизводства [3; 7; 10, с. 31].

При этом перечень средств доказывания в гражданском и административном процессах носит закрытый характер (ч. 2 ст. 59 КАС РФ), поэтому способность материалов ДЗЗ участвовать в доказывании напрямую зависит от их квалификации в качестве того или иного средства доказывания и от соблюдения требований относимости, допустимости и достоверности. Допустимость предполагает, что доказательства получены в соответствии с федеральным законом (ст. 61 КАС РФ, ст. 68 АПК РФ). Применительно к ДЗЗ это означает, во-первых, легальность источника съемки: материалы должны быть получены от операторов космических средств ДЗЗ, их авторизованных дистрибьюторов либо из федерального фонда данных. Во-вторых, сохранность «цепочки» обработки данных: суд должен иметь возможность установить, кто, когда и с использованием каких программных средств получил, обработал и передал снимок, а также убедиться в отсутствии манипуляций с изображением.

Наибольшую нагрузку несет критерий достоверности. Материалы свободно доступных сервисов ограниченно пригодны для доказывания: снимок нужной местности на конкретную дату может отсутствовать, изображение может представлять собой мозаику из фрагментов разных съемок, а пространственное разрешение нередко оказывается недостаточным [10, с. 32]. Значение имеет и классификация снимков по разрешению, закрепленная в Положении, утвержденном постановлением Правительства РФ № 1087: сверхвысокое (менее 1 м), высокое (от 1 до 10 м), среднее (от 10 до 100 м), низкое (от 100 до 1000 м) и сверхнизкое (свыше 1000 м) [13]. Для целей экологического доказывания, как правило, требуются снимки высокого и сверхвысокого разрешения: именно они позволяют локализовать свалку, зафиксировать разлив нефтепродуктов или границы рубки. Даже идеальные метеоусловия, однако, не гарантируют получение снимка на нужную дату, что ограничивает доказательственный потенциал ДЗЗ [10, с. 32].

Оценка достоверности не презюмируется и проводится в совокупности с иными доказательствами. Космический снимок фиксирует объективную картину земной поверхности — акт объективной стороны

экологического правонарушения, — однако сам по себе не позволяет установить субъективную сторону: вину нарушителя и его осведомленность о характере деятельности [4]. По этой причине материалы ДЗЗ используются в комплексе с актами натурного обследования, результатами лабораторных исследований и объяснениями лиц. Их ценность определяется тем, что снимки доказывают факты, которые иными средствами доказать крайне затруднительно или вовсе невозможно [10, с. 34].

Специфической процессуальной формой использования данных ДЗЗ является судебная экологическая экспертиза. Практика Российского федерального центра судебной экспертизы при Минюсте России показывает, что дешифрирование космических изображений позволяет осуществлять бесконтактное обследование объектов окружающей среды на обширной территории, существенно сокращая сроки и затраты на производство экспертизы, а также проводить ретроспективный анализ ландшафтных изменений — восстанавливать исходное состояние участка до расследуемого события [14, с. 57]. Автоматизированные методы обработки изображений снижают субъективизм дешифрирования, что важно для обоснованности экспертных выводов [14, с. 64]. В экспертной практике с помощью снимков устанавливаются, в частности, наличие и динамика свалок, период незаконной вырубки леса, факт негативного антропогенного воздействия на почвенный и растительный покров, площадь перекрытия почвы насыпным материалом [7; 14, с. 60–63].

Вместе с тем процессуальные ограничения сохраняются. Эксперт вправе работать либо с материалами, предоставленными судом или следствием, либо со сведениями, опубликованными в открытой печати и прошедшими надлежащую верификацию [14, с. 58]. Материалы же, включенные в дело, зачастую не соответствуют тем параметрам съемки (датам, разрешению, спектральным каналам), которые необходимы для корректных выводов. Выходом является заблаговременное согласование требуемых параметров снимков между экспертом и органом, назначившим экспертизу, либо предоставление судом дополнительных материалов ДЗЗ в ходе экспертного исследования [14, с. 58]. Существенным барьером остается и ограниченное число экспертов, владеющих методиками дешифрирования, что требует развития экспертных специальностей и повышения квалификации экспертов-экологов [14, с. 65].

Анализ судебной практики позволяет выделить типичные ситуации использования космических снимков в доказывании. Во-первых, установление периода нахождения объекта на определенной территории: по делу № А50-14906/19 истец при помощи снимков доказал, что ответчик складировал строительные материалы на его земельном участке в период с 31 декабря 2016 г. по 9 августа 2017 г., чем опроверг доводы о более позднем использовании участка [10, с. 32]. Во-вторых, определение границ объектов недвижимого имущества: в деле № А32-25496/2017 заключение эксперта и снимки подтвердили, что объект незавершенного строительства выходит за пределы земельного участка ответчика [10, с. 33]. В-третьих, установление размера вреда, причиненного окружающей среде: по делу № А75-8459/2018 с помощью снимков была уточнена площадь разлива нефтепродуктов [10, с. 33].

В экологических спорах перечисленные категории приобретают особую значимость: доказать факт и период незаконной рубки, размещения отходов, разлива нефтепродуктов или деградации растительного покрова без ретроспективных снимков практически невозможно. Показательно дело № А05-652/2018, рассмотренное Арбитражным судом Архангельской области: по данным дешифрирования результатов космического мониторинга был выявлен факт вырубки ответчиком древесины в объеме, превышающем заявленный в лесных декларациях, то есть снимки послужили не иллюстрацией, а основой самостоятельного выявления нарушения [10, с. 33]. Интересно и дело № А57-22780/2015, где для доказывания нахождения металлической эстакады в полосе отвода железной дороги использовались снимки свободных картографических сервисов [10, с. 32]. Отечественная практика согласуется с зарубежной: греческие исследователи описали успешное доказывание при помощи снимков неиспользования земельного участка ответчиком в период с 1984 по 2007 год [15]. По наблюдению А.А. Балагурова, все исследованные им суды — как российские, так и зарубежные — признают космические снимки в качестве доказательств [2].

В государственном экологическом надзоре данные ДЗЗ уже фактически выполняют доказательственную функцию, хотя юридически она не закреплена. С 2022 года действует проект «Прозрачный мир на Каспии»: за два года проанализировано 1200 снимков, в 2023 году выявлено 123 нефтяных пятна, в 2024 году — 179; сопоставление космической съемки с навигационными данными показало, что суда нередко отключают трекеры движения и сбрасывают нефтепродукты в акваторию, что

запрещено международными договорами и национальным законодательством прикаспийских государств [4]. Именно поэтому Росприроднадзор предложил признать космические снимки юридическим доказательством при рассмотрении дел о нарушении природоохранного законодательства [4].

Проведенный анализ позволяет выделить основные процессуальные проблемы использования данных ДЗЗ. Во-первых, отсутствует единый законодательный акт о ДЗЗ из космоса: регулирование рассредоточено по ряду законов и постановлений Правительства РФ, а проект федерального закона «О дистанционном зондировании Земли из космоса» остается не принятым; не решены вопросы сертификации данных и критериев оценки их качества [3]. Во-вторых, процессуальное законодательство не содержит специальных норм о «цифровых» доказательствах, полученных с использованием технических средств автоматической фиксации: закрытый перечень средств доказывания ориентирован на традиционные формы. В-третьих, административные регламенты экологического надзора, как правило, предполагают обязательный выезд инспектора на место нарушения, что нивелирует главное преимущество космического мониторинга — дистанционность [4].

В качестве направлений совершенствования законодательства предлагаются следующие. Первое — принятие федерального закона о ДЗЗ, закрепляющего статус и порядок сертификации данных ДЗЗ, используемых в доказывании. Второе — дополнение КоАП РФ нормой о материалах автоматической фиксации экологических правонарушений, полученных на основе данных ДЗЗ, по аналогии со ст. 26.8 КоАП РФ, регулирующей применение специальных технических средств измерений при фиксации административных правонарушений, включая требование о наличии сертификата [9, ст. 26.8]. Третье — разработка национальных стандартов автоматической фиксации экологических нарушений и создание специализированного центра обработки данных, выполняющего функции, аналогичные центрам автоматической фиксации нарушений в дорожном движении [4]. Четвертое — закрепление минимальных требований к «цепочке» обработки материалов ДЗЗ (фиксация источника, даты съемки, программных средств и операций обработки) в методических рекомендациях Верховного Суда Российской Федерации. Пятое — расширение практики судебно-экологической экспертизы с использованием ДЗЗ и подготовка экспертов, владеющих методиками дешифрирования [14, с. 65]. Шестое — обеспечение бесплатного предоставления данных из федерального фонда для целей правосудия и правоохранительной деятельности.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Данные ДЗЗ являются объективным и перспективным средством доказывания по экологическим спорам, однако их применение сдерживается не техническими, а процессуальными причинами. Космический снимок способен выступать доказательством уже сейчас — в качестве письменного доказательства или иного документа, — но устойчивой правоприменительной практике препятствуют отсутствие единого регулирования ДЗЗ, неопределенность требований к сертификации и обработке данных, а также зависимость доказывания от вины, которая снимком не устанавливается. Реализация предложенных мер — принятие федерального закона о ДЗЗ, закрепление режима автоматической фиксации экологических правонарушений, разработка стандартов и методик дешифрирования, доступность данных федерального фонда для целей правосудия — позволит сократить расходы на государственные проверки, повысить доказательную ценность космического мониторинга и укрепить механизм юридической ответственности за экологические правонарушения.

Список литературы:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
2. Балагуров А.А. Практика применения космических данных в суде // Земля из космоса. – 2009. – № 2. – С. 60–62.
3. Гершензон В.Е., Кочеров С.Н., Прудников В.Н. Правовое регулирование космического мониторинга Земли. – М.: Юрайт, 2020.
4. Гершензон О. Как снимки из космоса становятся уликами в расследовании экологических преступлений // Forbes Russia. – 2025. – 30 окт. – URL: https://www.forbes.ru/sustainability/548780-kak-snimki-iz-kosmosa-stanovatsa-ulikami-v-rassledovanii-ekologiceskih-prestuplenij/ (дата обращения: 18.10.2026).
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

6. Закон Российской Федерации от 20.08.1993 № 5663-1 «О космической деятельности» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. – 1993. – № 36. – Ст. 1271.
7. Зимин М.В., Гирдо Е.А. Использование ДДЗ Земли в судебных экспертизах // Земля из космоса – наиболее эффективные решения. – 2013. – № 1 (17). – С. 63–69.
8. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 1.
10. Максимова Т.Г., Светлорусов А.А. Использование космических снимков в качестве доказательств в арбитражном процессе // Экономика. Право. Инновации. – 2020. – № 1. – С. 30–34.
11. О предоставлении данных дистанционного зондирования Земли из космоса, копий данных дистанционного зондирования Земли из космоса и продуктов, созданных на их основе, содержащихся в федеральном фонде данных дистанционного зондирования Земли из космоса: постановление Правительства РФ от 28.11.2024 № 1648 // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 49 (ч. VII). – Ст. 7364.
12. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.
13. Об утверждении Положения о порядке и особенностях предоставления данных дистанционного зондирования Земли из космоса, получаемых с космических аппаратов: постановление Правительства РФ от 24.08.2019 № 1087 // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 35. – Ст. 4991.
14. Розов С.Ю., Кутузова Н.Д., Болышева Т.Н. Опыт применения данных дистанционного зондирования Земли при производстве судебных экологических экспертиз // Теория и практика судебной экспертизы. – 2019. – Т. 14, № 1. – С. 56–65.
15. Fanouriou E., Spyropoulos N.V., Metaxas G. Investigating the advantages of satellite data as evidence in possible litigation // World Transactions on Engineering and Technology Education. – 2013. – № 11 (3). – P. 131–136.

УДК 349.6:004.8

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ «УГЛЕРОДНОГО СЛЕДА» ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ДАТА-ЦЕНТРОВ

Спиридонов Никита Евгеньевич
студент
Оренбургский институт (филиал) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Россия, г. Оренбург

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию формирующихся правовых механизмов регулирования экологического воздействия цифровой инфраструктуры, в частности технологий искусственного интеллекта и центров обработки данных (ЦОД). В работе анализируется феномен «углеродного следа» ИИ-систем как новой скрытой угрозы климатической стабильности в условиях экспоненциального роста вычислительных мощностей. На основе проведенного исследования предложены конкретные правовые дефиниции и рекомендации по совершенствованию эколого-правовых норм в Российской Федерации в целях достижения баланса цифрового развития и экологической безопасности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, углеродный след, центры обработки данных, парниковые газы, энергоэффективность.

LEGAL REGULATION OF THE "CARBON FOOTPRINT" OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND DATA CENTERS

Spiridonov Nikita Evgenievich
Student
Orenburg Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Russia, Orenburg

Abstract. This article is devoted to the study of emerging legal mechanisms for regulating the environmental impact of digital infrastructure, in particular artificial intelligence technologies and data centers (DPCs). The paper analyzes the phenomenon of the "carbon footprint" of AI systems as a new hidden threat to climate stability amid exponential growth of computing power. The author examines current innovations in Russian and foreign legislation, identifying gaps in mandatory environmental reporting for the IT sector. Based on the study, specific legal definitions and recommendations for improving environmental law norms in the Russian Federation are proposed in order to achieve a balance between digital development and environmental safety.
Keywords: artificial intelligence, carbon footprint, data centers, greenhouse gases, energy efficiency.

На протяжении первой четверти XXI века цифровая трансформация и развитие сквозных научно-технических направлений рассматривались юридической доктриной и законодателем преимущественно сквозь призму экономического прогресса, ускорения оборота, повышения эффективности государственного управления и оптимизации различных социальных процессов [7]. Масштабное внедрение систем искусственного интеллекта (ИИ), генеративных нейросетей, больших языковых моделей и сопутствующей вычислительной инфраструктуры воспринималось как безусловное благо, выводящее человеческую цивилизацию на качественно новый этап развития. Однако к 2026 году стало очевидно, что обратной стороной форсированного роста цифровой индустрии является её беспрецедентная, лавинообразно увеличивающаяся ресурсоемкость, которая вступает в жесткое противоречие с глобальной климатической повесткой и обязательствами государств по декарбонизации экономик.

Актуальность темы комплексного юридического исследования эколого-правовых аспектов функционирования цифровых систем обусловлена тем, что углеродный след систем искусственного интеллекта и обслуживающих их центров обработки данных (ЦОД) превратился из сугубо технологического или корпоративного вопроса в самостоятельный объект правового регулирования. По данным Международного энергетического агентства, мировое потребление электроэнергии дата-центрами достигло примерно 415 ТВт·ч в год (около 1,5 % мирового потребления электроэнергии) и, по базовому прогнозу, к 2030 году удвоится [9]. Объемы выбросов парниковых газов, прямо или косвенно связанных с поддержанием работоспособности серверов, демонстрируют устойчивую тенденцию к дальнейшему экспоненциальному росту. Данное обстоятельство предопределяет необходимость переосмысления устоявшихся эколого-правовых институтов и формирования адаптивного нормативного инструментария, способного минимизировать техногенный ущерб от нематериального сектора экономики.

Для корректного правового позиционирования исследуемой проблемы необходимо детально дефинировать понятие «углеродного следа» применительно к сфере информационных технологий. С технической точки зрения углеродный след представляет собой совокупный объем выбросов парниковых газов (в первую очередь диоксида углерода CO2, метана CH4 и оксида азота N2O), образующихся в результате определенной деятельности, выраженный в эквиваленте диоксида углерода (CO2-экв.). Юридическое осмысление данного фономена требует его дифференциации в рамках устоявшейся международной классификации охватов выбросов, разделяющей их на три ключевые категории: прямые выбросы, косвенные энергетические выбросы и прочие косвенные выбросы [10, 11].

Прямые выбросы (Scope 1) центров обработки данных носят относительно локальный характер и включают в себя эмиссию парниковых газов от функционирования резервных дизель-генераторных установок, которые в обязательном порядке размещаются на территории любого крупного ЦОД для обеспечения непрерывности электроснабжения первой категории надежности. Кроме того, к прямым выбросам относятся утечки хладагентов (фторсодержащих газов), используемых в промышленных климатических системах кондиционирования и жидкостного охлаждения серверов, испытывающих колоссальные тепловые нагрузки в процессе инференса и обучения нейросетей. Прямые выбросы поддаются четкой пространственной локализации и без труда квалифицируются в рамках традиционного экологического права как выбросы от стационарных источников.

Косвенные энергетические выбросы (Scope 2) составляют основную долю совокупного углеродного следа ИТ-инфраструктуры [10]. Они возникают вследствие потребления дата-центрами колоссальных объемов электрической и тепловой энергии, поставляемой из внешних централизованных энергетических сетей. Если регион присутствия ЦОД характеризуется «грязным» удельным весом генерации (например, преобладанием угольных или мазутных тепловых электростанций), то функционирование виртуальных систем искусственного интеллекта автоматически оборачивается масштабным материальным загрязнением атмосферного воздуха в месте расположения генерирующих объектов. Таким образом, возникает юридическая диссоциация между местом извлечения экономической выгоды от использования ИИ и местом фактического причинения вреда окружающей среде.

Прочие косвенные выбросы (Scope 3) охватывают весь жизненный цикл высокотехнологичного оборудования: от добычи редкоземельных металлов и производства интегральных микросхем, графических процессоров (GPU) и серверов до их последующей трансграничной логистики, монтажа и, что наиболее критично, утилизации электронных отходов (e-waste). Данный охват представляет наибольшую сложность для юридического доказывания, администрирования и правовой регламентации, поскольку требует сквозного мониторинга цепочек поставок, нередко выходящих за рамки юрисдикции одного государства. В рамках настоящего исследования акцент умышленно смещен на регулирование выбросов Scope 1 и Scope 2 как наиболее перспективных с точки зрения оперативного национального нормативного воздействия.

Основы современного правового регулирования климатической повестки в Российской Федерации заложены Федеральным законом № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» [4]. Данный нормативный акт внедрил в отечественную правовую систему институт регулируемых организаций — юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, чья деятельность сопровождается значительными выбросами парниковых газов. Законодатель установил для таких субъектов императивную обязанность по ежегодному предоставлению углеродной отчетности в специализированный государственный реестр, а также предусмотрел механизмы реализации добровольных климатических проектов [4].

Однако детальный юридический анализ положений Федерального закона № 296-ФЗ и сопутствующих подзаконных актов позволяет выявить существенную регуляторную лакуну, исключающую сферу ИТ и ЦОД из периметра обязательного государственного экологического контроля. Действующие нормативные критерии отнесения хозяйствующих субъектов к категории регулируемых организаций (ранее — постановление Правительства РФ от 14.03.2022 № 355, ныне — постановление от 14.10.2025 № 1580) сформулированы исключительно через количественные показатели массы прямых выбросов парниковых газов (Scope 1): свыше 150 тысяч тонн углекислого газа в год за период до 1 января 2024 года и свыше 50 тысяч тонн — начиная с 1 января 2024 года (обязанность представления отчетности для второй группы субъектов действует с 1 января 2025 года) [2, 4]. Поскольку центры обработки данных, как показано выше, являются преимущественно потребителями энергии (генераторами выбросов Scope 2), они формально не достигают установленных законом порогов по прямым выбросам и легально освобождаются от обязанности ведения углеродного учета. Порядок представления отчетов и ведения реестра выбросов парниковых газов (постановление Правительства РФ от 20.04.2022 № 707) также ориентирован на прямые выбросы регулируемых организаций [1].

Аналогичная ситуация складывается в сфере информационного законодательства. Федеральным законом № 244-ФЗ от 23 июля 2025 года в Федеральный закон «О связи» было впервые введено легальное определение понятия «центр обработки данных», под которым понимается совокупность зданий, частей зданий или помещений, объединенных единым назначением, включающих комплекс систем инженерно-технического обеспечения, спроектированных и используемых для размещения оборудования, обеспечивающего обработку и (или) хранение данных [6]. С 1 марта 2026 года Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ приступило к ведению официального государственного реестра ЦОД [6]. Однако анализ целей ведения данного реестра показывает, что включение в него преследует прежде всего цели технологического суверенитета и информационной безопасности (в частности, в ЦОД, включенных в реестр, запрещено размещение майнинговой инфраструктуры), а также распределение мер государственной поддержки. Требования к экологическим стандартам функционирования ЦОД, показатели их удельной энергоэффективности и обязательства по декарбонизации в данном реестре нормативно не закреплены [6].

Отсутствие нормативно закрепленных экологических требований к ИТ-инфраструктуре вступает в прямое противоречие со Стратегией низкоуглеродного развития Российской Федерации до 2050 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ № 3024-р [3]. Стратегия предполагает масштабную модернизацию всех отраслей экономики в целях снижения углеродоемкости ВВП. Исключение из этого процесса ИТ-отрасли, которая демонстрирует самые высокие темпы роста энергопотребления среди всех секторов услуг, ставит под угрозу достижение задекларированных государством климатических целей и требует незамедлительного реформирования нормативной базы.

В поисках оптимальной модели правового регулирования представляется целесообразным обратиться к передовому зарубежному опыту, где институты экологического контроля над цифровой индустрией развиваются опережающими темпами. Ключевым ориентиром здесь выступает Европейский союз, последовательно реализующий доктрину «Зеленого пакта» (European Green Deal) и концепцию «Двойного перехода» (Twin Transition), постулирующую неразрывную связь между цифровизацией и экологизацией.

В 2024 году в Европейском союзе был принят первый в мировой практике всеобъемлющий нормативный акт об ИИ — Регламент (ЕС) 2024/1689 об искусственном интеллекте (Artificial Intelligence Act), вступивший в силу 1 августа 2024 года [12]. Уникальность данного документа заключается в том, что он впервые в мировой практике увязал правовой режим использования высоких технологий с экологическим правом. В соответствии с положениями Регламента разработчики высокорисковых систем ИИ, а также поставщики фундаментальных моделей общего назначения (General Purpose AI, к которым относятся крупные языковые модели) обязаны в рамках процедур оценки соответствия и ведения технической документации фиксировать сведения об энергопотреблении систем на этапах обучения и эксплуатации и об использовании вычислительных ресурсов, а методология расчета их углеродного следа детализируется через отраслевые кодексы практики [12]. Данные сведения подлежат внесению в открытую базу данных ЕС.

Параллельно в Европейском союзе введена в действие новая Директива об энергоэффективности (Energy Efficiency Directive — Директива (ЕС) 2023/1791). Согласно ее нормам операторы всех центров обработки данных на территории ЕС с установленной мощностью ИТ-инфраструктуры от 500 кВт обязаны ежегодно представлять и публиковать детальные отчеты [8]. Эти отчеты включают в себя не только общие показатели потребления электроэнергии, но и долю использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ), эффективность использования воды для охлаждения, а также коэффициент утилизации избыточного тепла (Waste Heat Utilization) в муниципальные теплосети. Невыполнение данных требований влечет за собой ответственность, установленную законодательством государств-членов, вплоть до мер, способных фактически ограничить операционную деятельность дата-центра.

Заслуживает внимания правовой опыт Соединенных Штатов Америки, где регулирование носит более децентрализованный и экономически ориентированный характер. На федеральном уровне Федеральной торговой комиссией (FTC) и Агентством по охране окружающей среды (EPA) активно пресекается практика так называемого «гринвошинга» (greenwashing) — нормативно запрещено публичное необоснованное заявление ИТ-компаний об «экологической чистоте» и «нулевом углеродном следе» их нейросетей, если это не подтверждено сертифицированными аудиторскими заключениями. На уровне отдельных штатов, таких как Калифорния, принимаются локальные законы (например, Climate Corporate Data Accountability Act), обязывающие крупные технологические корпорации с годовым доходом более 1 млрд долларов раскрывать информацию о выбросах всех трех охватов (Scope 1, 2 и 3), что автоматически включает в сферу регулирования всех владельцев крупных облачных инфраструктур.

Особую специфику демонстрирует КНР, где правовое регулирование ИТ-инфраструктуры жестко интегрировано в государственные пятилетние планы и концепцию «Экологической цивилизации». Государственный комитет по развитию и реформам КНР совместно с Министерством промышленности и информатизации издает директивные нормативные акты, устанавливающие предельно допустимые коэффициенты PUE для вновь строящихся и модернизируемых дата-центров. В столичных регионах и крупных агломерациях (Пекин, Шанхай, Шэньчжэнь) нормативно запрещено строительство ЦОД с коэффициентом PUE выше 1,25–1,3. Операторы, превышающие данные показатели, лишаются государственных субсидий, к ним применяются повышенные, заградительные тарифы на электроэнергию, а также обязательные квоты на покупку зеленой энергии, генерируемой гидро- и ветроэлектростанциями в западных провинциях страны.

На основе критического анализа отечественных правовых реалий и систематизации зарубежного опыта представляется возможным сформулировать комплексную программу модернизации российского законодательства. В первую очередь видится необходимым преодолеть упомянутую диссоциацию между информационным и экологическим правом путем внесения системных изменений в профильные нормативные акты.

Во-первых, целесообразно дополнить статью 2 Федерального закона № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» специальным правовым понятием: «Косвенное климатическое воздействие объектов информационных технологий». В развитие данной нормы необходимо скорректировать правила ведения реестра выбросов парниковых газов и критерии отнесения юридических лиц к регулируемым организациям [1, 2]. Предлагается законодательно закрепить обязанность юридических лиц, осуществляющих деятельность по управлению центрами обработки данных с проектной мощностью свыше 1 МВт, предоставлять ежегодную углеродную отчетность в части косвенных энергетических выбросов (Scope 2). Это позволит государству получить объективные верифицированные данные о реальном вкладе цифрового сектора в структуру эмиссии парниковых газов в стране.

Во-вторых, требует существенной доработки Федеральный закон «О связи» в части правового режима функционирования государственного реестра ЦОД. Статью, регламентирующую требования к операторам дата-центров, необходимо дополнить императивным условием о соответствии объектов установленным национальным стандартам энергоэффективности. В качестве базового критерия предлагается нормативно закрепить отечественный аналог коэффициента PUE (эффективности использования энергии) на уровне не выше 1,4 для строящихся объектов. Операторы ЦОД должны быть юридически обязаны оснащать объекты системами непрерывного телеметрического контроля энергопотребления с возможностью автоматизированной передачи данных в Минцифры России и Росприроднадзор.

В-третьих, важнейшим правовым стимулом для добровольной декарбонизации ИТ-сектора должно стать полноценное развитие института систем сертификации происхождения электрической энергии (так называемых «зеленых сертификатов»). В развитие положений Федерального закона № 489-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об электроэнергетике"», вступивших в силу с 1 февраля 2024 года [5], необходимо разработать целевые налоговые и регуляторные преференции для ИТ-компаний и операторов ЦОД, приобретающих атрибуты генерации квалифицированных генерирующих объектов на базе низкоуглеродной и возобновляемой генерации (АЭС, ГЭС, СЭС, ВЭС). ИТ-организации, полностью покрывающие свое энергопотребление зелеными сертификатами, должны получать приоритетный доступ к государственному заказу на размещение государственных информационных систем (ГИС) и право на применение пониженных ставок по налогу на прибыль или страховым взносам.

Подводя итоги проведенного исследования, следует констатировать, что правовое регулирование углеродного следа искусственного интеллекта и центров обработки данных находится на этапе своего становления, существенно отставая от темпов технологического развития отрасли. В условиях климатического кризиса и цифровой трансформации традиционный изоляционистский подход, при котором ИТ-сфера рассматривалась как экологически нейтральная, более неприемлем. Необходима глубокая конвергенция эколого-правовых и информационно-правовых норм, направленная на создание целостной государственной системы учета, контроля и минимизации углеродного следа цифровой инфраструктуры.

Реализация предложенных в работе рекомендаций — включая реформу критериев регулируемых организаций в Федеральном законе № 296-ФЗ, экологизацию реестра ЦОД Минцифры России и стимулирование рынка зеленых сертификатов — позволит Российской Федерации не только минимизировать экологические риски цифровизации, но и создать передовую, устойчивую нормативную модель. Такая модель способна обеспечить долгосрочную конкурентоспособность отечественных технологий искусственного интеллекта на международной арене, гармонично сочетая научно-технический суверенитет с принципами устойчивого развития и экологической безопасности общества.

Список литературы:

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 20.04.2022 № 707 «Об утверждении Правил представления и проверки отчетов о выбросах парниковых газов» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 22.04.2022.

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 14.10.2025 № 1580 «О критериях отнесения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к регулируемым организациям» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 15.10.2025.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.10.2021 № 3024-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 01.11.2021.
4. Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27. – Ст. 5122.
5. Федеральный закон от 04.08.2023 № 489-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об электроэнергетике"» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 04.08.2023.
6. Федеральный закон от 23.07.2025 № 244-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 6 Федерального закона "О связи" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 23.07.2025.
7. Филипова, И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта : учебное пособие / И. А. Филипова. – 3-е изд., обновл. и доп. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2025. – 321 с.
8. Energy and AI : special report / International Energy Agency. – Paris : IEA, 2025. – URL: www.iea.org (дата обращения: 08.11.2026).
9. Lacoste, A. Quantifying the Carbon Emissions of Machine Learning / A. Lacoste, A. Luccioni, V. Schmidt, T. Dandres // arXiv. – 2019. – arXiv:1910.09700. (дата обращения: 08.11.2026).

УДК 339.543

ОБЪЕКТЫ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ

Суханбердиева Огулджерен
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры конституционного права,
Агамурадов Бабагельди,
студент 4-го курса юридического факультета,
Туркменский государственный университет имени Махтумкули, г. Ашхабад

Аннотация. В настоящей исследовательской работе проводится глубокий системный анализ объектов таможенного контроля как ключевых элементов стабильного и эффективного функционирования современной системы внешнеэкономической деятельности. В условиях стремительной глобализации, цифровизации торговых потоков и расширения международного сотрудничества грамотное определение и регулирование объектов контроля приобретают стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности, защиты внутреннего рынка и поддержки добросовестного предпринимательства. В статье детально рассматриваются товары, перемещаемые через таможенную границу, международные транспортные средства, а также сопутствующая коммерческая, транспортная и разрешительная документация. Автор подробно раскрывает позитивную роль таможенных органов, которые посредством применения передовых цифровых технологий, системы управления рисками и упрощения процедур содействуют развитию международной торговли, росту инвестиционной привлекательности и укреплению партнерских связей между государствами. Доказывается, что совершенствование работы с объектами контроля создает надежный правовой и экономический фундамент для процветания национальной экономики.

Ключевые слова: Таможенный контроль, объекты контроля, товары, транспортные средства, таможенная граница, таможенные органы.

OBJECTS OF CUSTOMS CONTROL

Suhanberdiyeva Oguljeren,
Candidate of Law Sciences,
Senior Lecturer at the Department of Constitutional Law,
Agamyradov Babageldi,
4th year student at the Faculty of Law,
Magtymguly Turkmen State University, Turkmenistan, Ashgabat

Abstract. This research paper provides a profound systematic analysis of the objects of customs control as key elements for the stable and efficient functioning of the modern foreign economic activity system. Amidst rapid globalization, the digitalization of trade flows, and the expansion of international cooperation, the proper definition and regulation of control objects acquire strategic importance for ensuring national security, protecting the domestic market, and supporting fair entrepreneurship. The article examines in detail the goods moving across the customs border, international vehicles, as well as the accompanying commercial, transport, and permissive documentation. The author thoroughly reveals the positive role of customs authorities, which through the application of advanced digital technologies, risk management systems, and procedural simplification, facilitate the development of international trade, growth in investment attractiveness, and the strengthening of partnership ties between states. It is proven that improving the management of control objects creates a reliable legal and economic foundation for the prosperity of the national economy.
Keywords: Customs control, objects of control, goods, vehicles, customs border, customs authorities.

Введение. Современный этап развития мировой хозяйственной системы характеризуется высокой интенсивностью интеграционных процессов, расширением географии торговых потоков и непрерывным внедрением инновационных решений во все сферы экономической жизни. В этой динамичной среде обеспечение устойчивого развития национальной экономики, защита государственных интересов и создание благоприятного инвестиционного климата напрямую зависят от эффективности администрирования внешнеэкономических связей. Центральное место в данном механизме занимает таможенный контроль, представляющий собой совокупность мер, осуществляемых таможенными органами в целях обеспечения соблюдения законодательства и международных договоров. Фундаментальным понятием, определяющим правовую и практическую архитектуру контрольной деятельности, выступают объекты таможенного контроля, правильная классификация и инспектирование которых гарантируют соблюдение баланса между интересами государства и потребностями бизнеса. Актуальность научного осмысления данной темы обусловлена необходимостью постоянного совершенствования методов управления внешнеторговыми потоками, снижения административных барьеров и содействия развитию международной кооперации. Цель исследования заключается в комплексном анализе объектов таможенного контроля, раскрытии их сущности и значения для построения открытой, безопасной и высокоэффективной национальной торгово-экономической системы [1].

Основная часть. Содержание института таможенного контроля базируется на четко определенных объектах, каждый из которых обладает специфическими характеристиками и правовым статусом. Главным и наиболее объемным объектом традиционно выступают товары, перемещаемые через таможенную границу. К категории товаров относятся любые материальные ценности, сырье, оборудование, готовая промышленная и сельскохозяйственная продукция, а также предметы, перемещаемые для личных нужд граждан. Государственная стратегия в отношении товаров ориентирована на максимальное упрощение процедур их выпуска при одновременном поддержании высокой точности проверок. С этой целью таможенные органы активно внедряют передовые цифровые технологии, такие как автоматический выпуск деклараций, электронное декларирование, интеллектуальные системы анализа изображений и предварительное информирование. Данные инновации позволяют сократить время совершения таможенных операций, снизить издержки бизнеса, повысить прозрачность товарооборота и сформировать комфортную среду для развития экспортно-импортных операций [2].

Вторым важнейшим объектом таможенного контроля являются международные транспортные средства, осуществляющие перевозку пассажиров и грузов через границу. Безопасность и регулярность

международных перевозок во многом зависят от оперативности контрольных служб. Транспортные средства подлежат учету, проверке на соответствие международным стандартам безопасности, экологическим требованиям и техническим регламентам. Современные подходы к инспектированию транспортных потоков строятся на принципах партнерства и взаимного доверия, когда применение мобильных инспекционно-досмотровых комплексов и систем спутникового мониторинга позволяет осуществлять эффективный контроль без создания заторов на пунктах пропуска. Это способствует развитию транзитно-логистического потенциала государства, укреплению его позиций в качестве ключевого транспортного узла и повышению привлекательности международных маршрутов.

Третью ключевую группу объектов составляют транспортные, коммерческие, бухгалтерские и иные разрешительные документы. Документальное сопровождение представляет собой информационный каркас внешнеэкономической деятельности, от достоверности которого зависит корректность исчисления таможенных платежей, соблюдение мер нетарифного регулирования и подтверждение происхождения товаров. Развитие цифровой среды привело к переходу на безбумажные технологии обмена данными и созданию единых баз данных. Система управления рисками выступает интеллектуальным ядром такого контроля, позволяя фокусировать ресурсы инспекторов исключительно на потенциально проблемных направлениях, в то время как законопослушные компании проходят процедуры в ускоренном режиме.

Благодаря продуманной государственной политике, объекты таможенного контроля рассматриваются как инструменты управления качеством внешней торговли. Совместные усилия государственных институтов и бизнеса направлены на совершенствование нормативной базы, повышение квалификации кадров и гармонизацию стандартов с передовыми мировыми практиками. Такой созидательный подход обеспечивает надежную защиту внутреннего рынка от некачественной продукции, гарантирует соблюдение экологических стандартов и стимулирует отечественных производителей к выпуску конкурентоспособной продукции, готовой к выходу на глобальные рынки [3].

Заключение. Подводя итоги проведенного научного исследования, можно сделать вывод о том, что объекты таможенного контроля играют ключевую роль в обеспечении стабильного и безопасного развития внешнеэкономической сферы государства. Системное и сбалансированное регулирование товарооборота, транспортных потоков и документации создает прочный фундамент для укрепления национальной экономической безопасности и эффективной интеграции страны в систему мирового сотрудничества. Последовательная модернизация таможенного администрирования, активное внедрение цифровых инноваций и ориентированность на партнерство с бизнесом позволяют успешно решать сложнейшие задачи государственного масштаба. Накопленный положительный опыт показывает, что высокая культура таможенного контроля преграждает путь нарушениям, выступая мощным стимулом для экономического роста, привлечения инвестиций, расширения экспортного потенциала и повышения общего благосостояния общества.

Список литературы:

1. Агамагомедова С.А. Деятельность в сфере таможенного дела как объект таможенного контроля //Вестник Российской таможенной академии. – 2020. – №. 1. – С. 67-72.
2. Зиманова М.А. К вопросу автоматизации выбора объектов таможенного контроля после выпуска товаров //Бюллетень инновационных технологий. – 2024. – Т. 8. – №. 2 (30). – С. 51-57.
3. Малышенко Ю.В., Огнев И.А. Полнота, достоверность и надежность таможенного контроля //Вестник Российской таможенной академии. – 2013. – №. 4. – С. 68-76.

УДК 347.73

ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ И ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ: ПРАВОВЫЕ КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Усова Карина Сергеевна
студент
Саримова Алина Бислановна
студент
научный руководитель: **Конева Анастасия Валерьевна**
ассистент кафедры публично-правовых наук
Оренбургский институт (филиал) ФГБОУ «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», г. Оренбург, Россия

Аннотация. В статье исследуются актуальные вопросы правового регулирования цифровых финансовых активов (ЦФА) и цифрового рубля в Российской Федерации. Автор отмечает, что, несмотря на формальное закрепление данных категорий в гражданском и финансовом законодательстве, на практике возникают существенные трудности с их разграничением. Цель работы — выявление и систематизация правовых критериев, позволяющих отграничить ЦФА от цифрового рубля. В основе методологии лежит формально-юридический и системный анализ норм Федерального закона № 259-ФЗ, Гражданского кодекса РФ, а также положений Банка России. Автор приходит к выводу, что ключевыми критериями разграничения являются: 1) правовая природа 2) субъектный состав эмитентов 3) целевое назначение. На основе проведенного анализа выявлены правовые риски смешения данных категорий и предложены пути совершенствования законодательства.
Ключевые слова: цифровые финансовые активы, цифровой рубль, финансовое право, цифровая валюта, правовой режим.

DIGITAL FINANCIAL ASSETS AND THE DIGITAL RUBLE: LEGAL CRITERIA FOR DIFFERENTIATION

Usova Karina Sergeevna
student
Sarimova Alina Bislanovna
student
scientific supervisor: **Koneva Anastasia Valeryevna**
Assistant at the Department of Public Law Sciences of the
Orenburg Institute (branch) of the University named after O. E. Kutafin (MSAL), Orenburg

Abstract. The article examines current issues related to the legal regulation of digital financial assets (DFAs) and the digital ruble in the Russian Federation. The author notes that, despite the formal consolidation of these categories in civil and financial legislation, in practice there are significant difficulties with their differentiation. The purpose of the work is to identify and systematize the legal criteria that make it possible to distinguish the CFA from the digital ruble. The methodology is based on a formal legal and systematic analysis of the norms of Federal Law No. 259-FZ, the Civil Code of the Russian Federation, as well as the regulations of the Bank of Russia. The author comes to the conclusion that the key criteria for differentiation are: 1) legal nature; 2) the subject composition of issuers; 3) intended purpose. Based on the analysis, the legal risks associated with the conflation of these categories have been identified, and ways to improve the legislation have been proposed.
Keywords: digital financial assets, digital ruble, financial law, digital currency, legal regime.

Стремительная цифровизация финансового сектора привела к появлению качественно новых объектов экономических и правовых отношений. В ответ на эти вызовы российский законодатель сформировал два самостоятельных правовых института: цифровые финансовые активы (далее — ЦФА) и цифровой рубль. Правовой основой для первого послужил Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о ЦФА), а для второго — Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской

Федерации», который ввел соответствующие нормы в Гражданский кодекс РФ и законодательство о национальной платежной системе. С 1 сентября 2026 года действует Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах», который впервые закрепил на уровне федерального закона гражданско-правовой статус цифровой валюты как имущества, установил правила организации обращения цифровых валют и цифровых прав, а также полномочия Банка России по допуску и надзору за их организаторами.

Несмотря на то, что обе категории оперируют термином «цифровой», их юридическая природа, субъектный состав и функциональное назначение принципиально различны. Однако на практике и в доктрине до сих пор отсутствует единый подход к их разграничению, что порождает правовую неопределенность и создает риски для участников гражданского оборота. В связи с этим представляется актуальным провести сравнительно-правовой анализ и выявить четкие критерии, позволяющие отграничить ЦФА от цифрового рубля. Данная задача является не только теоретической, но и имеет важное прикладное значение для правоприменительной практики, в том числе при разрешении споров, связанных с оборотом данных объектов, их наследованием и залогом.

Для начала необходимо определить правовую природу каждого из рассматриваемых явлений. Согласно ст. 1 Закона о ЦФА, цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, а также право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Ключевым признаком является то, что выпуск, учет и обращение таких прав возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра.

Таким образом, ЦФА — это, по своей сути, цифровая форма уже существующих имущественных прав. Как справедливо отмечает в своем исследовании Е. В. Кондратенко, «цифровое право не отменяет стоящего за ним имущественного содержания, а представляет собой юридически признанную форму его организации, фиксации и оборота» [1, с. 43]. ЦФА не являются деньгами; это инвестиционный инструмент, удостоверяющий право его держателя на получение определенного имущественного предоставления от эмитента.

Совершенно иную правовую природу имеет цифровой рубль. В соответствии с ч. 1 ст. 128 Гражданского кодекса РФ (в ред. Федерального закона № 340-ФЗ) цифровой рубль признается формой безналичных денежных средств. Его эмитентом выступает исключительно Банк России, который открывает цифровые счета (счета цифрового рубля) финансовым организациям и Федеральному казначейству. Цифровой рубль не является имущественным правом требования к коммерческой организации, а представляет собой прямое денежное обязательство Банка России. Как подчеркивается в доктрине финансового права, цифровой рубль — это не новый вид имущества, а «цифровая модификация денег», опосредованная публичной платежной инфраструктурой Банка России [2, с. 112].

Из этого вытекает первый и главный критерий разграничения — правовая природа и содержание. ЦФА — это имущественное право, имеющее своим предметом иное благо (деньги, ценные бумаги, доли участия). Цифровой рубль — это сами деньги (в их безналичной цифровой форме), выступающие в качестве универсального средства платежа.

Второй критерий — субъектный состав эмитентов. Эмитентом ЦФА может выступать любая коммерческая организация, соответствующая требованиям, установленным Банком России, и включенная в соответствующий реестр операторов информационных систем. Эмиссия цифрового рубля является исключительной прерогативой Банка России как мегарегулятора. Никакое иное лицо не вправе осуществлять эмиссию цифрового рубля. Это различие подчеркивает публично-правовой характер цифрового рубля и частноправовой (хотя и с элементами публичного регулирования) характер ЦФА.

Третий критерий — целевое назначение и функциональная роль. ЦФА выпускаются с целью привлечения инвестиций. Держатель ЦФА приобретает их в надежде на получение дохода (процентов, дивидендов, иного имущественного предоставления). Цифровой рубль, напротив, предназначен для использования в качестве средства платежа и расчетов. Он не предполагает извлечения инвестиционного дохода. Его основная функция — замена или дополнение традиционных безналичных денег, обеспечение их доступности в цифровой среде.

Правовые особенности и риски. Разграничение ЦФА и цифрового рубля имеет важные практические последствия. Так, при наследовании цифрового рубля применяются общие правила о

наследовании денежных средств, включая возможность совершения завещательного распоряжения правами на денежные средства в банках. При наследовании ЦФА возникают сложности, связанные с необходимостью идентификации держателя в информационной системе и технической возможностью оператора системы внести изменения в запись. Как верно отмечается в литературе, «цифровые права, как имущественные права, должны входить в состав наследства, если иное прямо не установлено законом. Однако фактическая реализация универсального правопреемства в этой сфере зависит не только от наличия свидетельства о праве на наследство, но и от того, допускают ли правила информационной системы изменение записи» [1, с. 48].

Правовые риски смешения данных категорий очевидны. Например, попытка квалифицировать цифровой рубль как разновидность ЦФА может привести к ошибочному выводу о том, что его эмитентом может выступать частная организация, что противоречит основам конституционного строя и монополии государства на денежную эмиссию. И наоборот, квалификация ЦФА как денег может повлечь за собой неправильное применение норм о расчетах и валютном регулировании.

Судебная практика по спорам, связанным с ЦФА, в России только начинает формироваться. Первым известным опубликованным решением стало решение Арбитражного суда Удмуртской Республики от 27.06.2025 по делу № А71-18227/2024, в котором суд взыскал с эмитента основной долг и неустойку по залоговому ЦФА, размещенному на платформе ООО «Токены – Цифровые инвестиции», признал обязательство эмитента заемным по своей природе и обратил взыскание на предмет залога — земельный участок . Примером спора с участием обладателя ЦФА в судах общей юрисдикции является решение по делу № 02-5536/2025, которым с эмитента, не исполнившего обязательства по периодическим выплатам и погашению ЦФА, взыскана номинальная стоимость активов и проценты по ст. 395 ГК РФ . В банкротной практике суды последовательно признают цифровые активы имуществом должника: отправной точкой стало дело Царькова (постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017), а с 2024 года прямое основание для включения ЦФА в конкурсную массу закреплено в ст. 131 Закона о банкротстве . Значимое значение для разграничения режимов ЦФА и цифровой валюты имеет постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П, проверившего конституционность ч. 6 ст. 14 Закона о ЦФА об условии судебной защиты требований, связанных с обладанием цифровой валютой . Вместе с тем массив опубликованных решений пока невелик: волна споров обозначилась после дефолтов отдельных эмитентов ЦФА («Группа „Магнезит“», «Евротранс» и др.), по многим из которых разбирательства находятся на ранних стадиях . Однако уже сейчас можно прогнозировать, что ключевые споры будут связаны с определением момента перехода прав на ЦФА, признанием сделок с ними недействительными, а также с обращением взыскания на ЦФА как на имущество должника. В этих спорах судам придется руководствоваться именно теми критериями, которые были выделены выше.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что цифровые финансовые активы и цифровой рубль представляют собой два самостоятельных, хотя и внешне схожих, правовых института. Ключевыми критериями их разграничения являются:

1. Правовая природа: ЦФА — имущественное право, цифровой рубль — форма национальной валюты (безналичных денег).
2. Эмитент: ЦФА — коммерческие организации, цифровой рубль — исключительно Банк России.
3. Назначение: ЦФА — инвестиционный инструмент, цифровой рубль — средство платежа.

Четкое понимание этих различий необходимо для правильной квалификации правоотношений, выбора применимых норм и минимизации правовых рисков. В условиях продолжающегося развития цифрового законодательства представляется целесообразным дальнейшее уточнение правового режима ЦФА, в частности, в части их наследования и залога, а также разработка методических рекомендаций для судов по рассмотрению споров, связанных с данными объектами.

Список литературы:

1. Кондратенко Е.В. Оборот цифровых прав в российском праве: пределы действия статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / Е.В. Кондратенко // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2026. — № 2. — С. 42–57.
2. Лисица В.Н. Цифровая валюта, цифровой рубль и электронные денежные средства в российском гражданском праве: проблемы соотношения / В.Н. Лисица // Государство и право. — 2024. — № 2. — С. 110–118.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ : (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» : (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 31 (часть I). — Ст. 5018.
5. Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2023. — № 31. — Ст. 5794.

НОВЫЕ ПРАВИЛА УПЛАТЫ НДС ДЛЯ БИЗНЕСА НА УСН: ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И РИСКИ

Усова Карина Сергеевна
студент
Оренбургский институт (филиал) ФГБОУ «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», Оренбург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются правовые новеллы, вступившие в силу с 1 января 2025 и изменившие порядок исполнения обязанности по уплате налога на добавленную стоимость организациями и индивидуальными предпринимателями, применяющими упрощённую систему налогообложения. Проанализированы основания и условия сохранения автоматического освобождения от НДС при доходе до 20 млн руб., порядок применения пониженных ставок 5 % и 7 %, а также последствия перехода на общую ставку 22 %. Отдельное внимание уделено правовым рискам, возникающим у налогоплательщиков при утрате права на освобождение, вопросам исчисления лимитов, выставления счетов-фактур, ведения книги продаж и представления электронной декларации. На основе данных УФНС России по Пермскому краю о результатах декларационной кампании 2025 года и дополнительных поступлениях от НДС при УСН оценена эффективность адаптации малого бизнеса к новым правилам.
Ключевые слова: налог на добавленную стоимость, упрощённая система налогообложения, малый бизнес, налоговая нагрузка, пониженные ставки НДС, налоговое администрирование, налоговые риски, счёт-фактура, налоговая декларация.

С 1 января 2025 года организации и индивидуальные предприниматели, применяющие упрощённую систему налогообложения (далее — УСН), признаны плательщиками налога на добавленную стоимость (далее — НДС) [1; 2]. Однако наиболее ощутимым для предпринимательского сообщества стал 2026 год: именно с этого периода резко снизился порог доходов, при превышении которого автоматическое освобождение от НДС утрачивается. Если ранее УСН позиционировалась как специальный режим, снижающий административную и фискальную нагрузку, то теперь она всё чаще рассматривается как режим с «встроенным» косвенным налогом. Это обстоятельство делает тему не только экономически, но и юридически значимой: меняется структура обязанностей налогоплательщика, появляются новые составы налоговых правонарушений и новые основания для споров с налоговыми органами.

Правовой конструкцией, положенной в основу реформы, является автоматическое освобождение от исполнения обязанностей налогоплательщика НДС при условии, что доход за предшествующий календарный год не превысил установленного порога. В 2026 году этот порог составляет 20 млн руб. Согласно ст. 145 НК РФ [8]. Существенно, что освобождение не требует подачи заявления: оно применяется в силу закона, а его утрата, напротив, влечёт возникновение обязанностей с определённой даты. Так, если лимит превышен по итогам прошлого года, обязанности по исчислению и уплате налога, ведению книги продаж, выставлению счетов-фактур и представлению электронной декларации возникают с 1 января текущего года; если превышение произошло в течение года — с 1-го числа месяца, следующего за месяцем превышения [1].

Для налогоплательщиков, утративших право на освобождение от уплаты НДС, предусмотрены пониженные ставки: 5 % — при доходе за предыдущий календарный год от 20 до 250 млн рублей (пп. 1

п. 8 ст. 164 НК РФ), 7 % — при доходе от 250 до 450 млн рублей (пп. 2 п. 8 ст. 164 НК РФ). При превышении дохода в 450 млн рублей либо при добровольном отказе от применения пониженных ставок применяется общеустановленная ставка в размере 22 %. При этом автоматическое освобождение от исполнения обязанностей налогоплательщика НДС предоставляется, если доход за предшествующий календарный год не превысил 20 млн рублей (п. 1 ст. 145 НК РФ). Положения действуют в редакции Федерального закона от 12.07.2024 № 176-ФЗ.

Важно подчеркнуть, что применение пониженных ставок не даёт права на налоговый вычет по «входящему» НДС; альтернативой выступает общая ставка 22 % с правом на вычет. Выбор между этими вариантами является по сути управленческим решением с прямыми налоговыми последствиями и должен приниматься с учётом структуры расходов и доли контрагентов-плательщиков НДС.

Декларация подаётся ежеквартально не позднее 25-го числа, а уплата осуществляется равными частями в течение трёх последующих месяцев [1]. Таким образом, правовой режим НДС при УСН воспроизводит общую конструкцию главы 21 Налогового кодекса РФ (далее — НК РФ), но с изъятиями в части ставок и вычетов.

Введение НДС увеличивает совокупную налоговую нагрузку на субъектов УСН, ранее уплачивавших только единый налог. Если налогоплательщик сохраняет право на освобождение от НДС (то есть его доход за предшествующий календарный год не превысил 20 млн рублей согласно п. 1 ст. 145 НК РФ), он продолжает нести нагрузку только по единому налогу: при объекте «доходы» она составляет 6 %. Как только этот порог оказывается пройден, к единому налогу добавляется НДС — и совокупная нагрузка начинает расти.

Важно учитывать, что НДС и налог при УСН имеют разные налоговые базы: НДС исчисляется с выручки от реализации (ст. 154 НК РФ), а налог при УСН «доходы» — с полученных доходов по правилам ст. 346.15 НК РФ. Поэтому прямое арифметическое сложение ставок (например, 6 % + 5 %) — это условный расчёт «налог/доход», который показывает ориентировочный уровень совокупной нагрузки, но не отражает механизм расчёта каждого налога в отдельности.

При выходе на общую ставку НДС 22 % и сохранении ставки УСН 6 % условная суммарная нагрузка достигает 28 %, то есть кратно увеличивается по сравнению с исходным уровнем. Для налогоплательщиков, вправе применить пониженные ставки НДС, рост оказывается более умеренным: при ставке НДС 5 % условная совокупная нагрузка составляет 11 %, а прирост относительно прежних 6 % — примерно 83 %; при ставке НДС 7 % условная совокупная нагрузка достигает 13 %, а прирост — около 117 %. Такие расчёты допустимы для оценки масштаба роста нагрузки, но для точного налогового планирования требуется отдельный расчёт по каждой базе с учётом специфики операций и положений ст. 164 НК РФ (в редакции Федерального закона от 12.07.2024 № 176-ФЗ).

По оценкам аудиторско-консалтинговых компаний, среднее увеличение налоговых ставок для малого бизнеса составляет 11–15 %, а в отдельных случаях — 30–80 % в зависимости от уровня доходов и структуры расходов [9]. При этом применение пониженных ставок 5 % и 7 % частично компенсирует рост нагрузки и облегчает переход к новым условиям. Дополнительные расходы связаны не только с самим налогом, но и с появлением новых процедур учёта и отчётности.

Правовые особенности и риски:

1. Риск некорректного определения даты начала исполнения обязанностей по НДС. Неверная фиксация момента возникновения налоговой обязанности (в частности, ошибочное применение отсчёта с 1 января вместо 1-го числа месяца, следующего за месяцем превышения лимита дохода) влечёт искажение налоговой базы. Это служит основанием для доначисления налога, пеней и привлечения к ответственности по ст. 122 НК РФ. Минимизация риска достигается посредством систематического помесячного контроля доходов, учитываемых для целей применения положений ст. 145 НК РФ.

2. Ограничения в применении налоговых вычетов при использовании пониженных ставок НДС. Добровольный выбор пониженной ставки (5 % или 7 %) сопряжён с утратой права на принятие к вычету «входного» НДС. Попытка одновременного применения пониженной ставки и вычетов квалифицируется как занижение налоговой базы и образует состав правонарушения по ст. 122 НК РФ. Переход на общую ставку (22 %) допускается только при соблюдении специальных условий: в общем случае — по истечении 12 последовательных налоговых периодов (п. 9 ст. 164 НК РФ), а в отдельных случаях — в досрочном порядке в пределах первых четырёх кварталов (в соответствии с Федеральным законом от 28.11.2025 № 425-ФЗ).

3. Риски несоответствия данных налогового учёта и отчётности. С момента возникновения обязанностей по НДС налогоплательщик обязан своевременно оформлять счета-фактуры и обеспечивать соответствие сведений книги продаж данным налоговой декларации. Расхождения выявляются автоматизированными средствами контроля (в том числе системой АСК НДС-2) и служат основанием для истребования пояснений и проведения камеральных проверок. Таким образом, риск обусловлен не только нарушением процедурных сроков, но и недостатками внутреннего документооборота и контроля первичных данных.

4. Гражданско-правовые и налоговые последствия неопределённости цены в договоре. Отсутствие в договоре чёткого указания на то, включает ли цена НДС, порождает правовую неопределённость: продавец либо вынужден предъявить налог сверх согласованной суммы (что может вызвать спор с контрагентом), либо удерживает НДС из выручки, снижая фактическую маржинальность. С точки зрения минимизации рисков оптимальной признаётся формулировка «цена включает НДС по ставке, определяемой в соответствии с НК РФ», которая позволяет согласовать налоговое и договорное регулирование и снизить риск оспаривания условий сделки.

5. Риск привлечения к ответственности за нарушение срока представления декларации и несвоевременную уплату налога. Несвоевременное представление электронной декларации по НДС (позднее 25-го числа месяца, следующего за отчётным кварталом) образует состав правонарушения, предусмотренного п. 1 ст. 119 НК РФ. При этом обязанность по уплате налога исполняется равными долями в течение трёх месяцев, следующих за отчётным периодом. Несогласованность сроков подачи отчётности и сроков уплаты требует отдельного кассового планирования и внутреннего контроля, поскольку просрочка любого из платежей влечёт начисление пеней и дополнительные финансовые издержки.

Статус плательщика НДС расширяет деловые возможности: крупные заказчики принципиально предпочитают контрагентов, уплачивающих НДС, что открывает для малого бизнеса возможность нарастить объёмы продаж и упрочить рыночные позиции. Таким образом, итоговый эффект определяется спецификой деятельности, величиной доходов и структурой контрагентов.

Показательным является опыт Пермского края. За 9 месяцев 2025 года поступления в консолидированный бюджет РФ составили 932 млрд руб., в федеральный бюджет — 759,2 млрд руб., в консолидированный бюджет края — 172,8 млрд руб.; поступления НДС достигли 167,8 млрд руб. с ростом 121,4 % к 2024 году.

Декларационная кампания по НДС для плательщиков УСН выполнена на 98 %, а дополнительные поступления составили 5,8 млрд руб. [2]. Эти данные свидетельствуют о достаточно высокой степени адаптации бизнеса к новым правилам, хотя не исключают индивидуальных ошибок и споров.

С 2026 года в регионе действует АУСН, на которую перешли более 5 тыс. предпринимателей; режим доступен для компаний с численностью до 5 человек и доходом до 60 млн руб. Одновременно с 2026 года компании с доходом выше 20 млн руб. обязаны платить НДС, что, по оценкам, затронет около 10 % налогоплательщиков; к 2028 году порог может снизиться до 10 млн руб. Указанная динамика подтверждает курс на последовательное расширение базы НДС и усиление цифрового контроля.

Для минимизации рисков налогоплательщикам целесообразно: заблаговременно оценить доход за предшествующий период (при сумме до 20 млн руб. сохраняется автоматическое освобождение, при превышении — готовиться к исполнению обязанностей); настроить бухгалтерский и налоговый учёт; обеспечить оформление счетов-фактур; пересмотреть договоры в части порядка включения НДС в цену; наладить ведение книги продаж и своевременное представление электронной декларации [1; 7; 8]. Это позволяет адаптироваться к изменениям и минимизировать вероятность налоговых нарушений.

Введение НДС для УСН способствует повышению прозрачности экономической деятельности и расширению возможностей взаимодействия с крупными контрагентами, однако одновременно приводит к увеличению административной и налоговой нагрузки на предпринимателей. Правовая конструкция реформы (автоматическое освобождение при доходе до 20 млн руб., пониженные ставки 5 % и 7 %, общая ставка 22 %) создаёт для бизнеса пространство выбора, но требует точного соблюдения сроков, порядка выставления счетов-фактур и представления отчётности. Ключевыми направлениями снижения рисков выступают предварительная оценка доходов, корректная договорная работа и настройка учётных процедур. Дальнейшее исследование целесообразно сосредоточить на формировании судебной практики по спорам о моменте утраты освобождения и о квалификации ошибок в выборе ставки.

Список литературы:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 2025 г.) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 12.06.2026).
2. О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 12.07.2024 № 176-ФЗ // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_480624/ (дата обращения: 12.06.2026).
3. Зотиков Н.З. Налог на добавленную стоимость при упрощенной системе налогообложения: последствия для бизнеса и бюджета. Вестник университета. - 2025. - № 1. - С.201-211.
4. Завьялова И. Н. Проблема выбора ставки НДС для индивидуальных предпринимателей на УСН // Управленческий учет. 2024. № 12. DOI: https://doi.org/10.25806/uu-4868 (дата обращения: 16.06.2026).
5. Евсюкова Т. Г., Медведева Я. В. Изменения налогового администрирования упрощенной системы налогообложения // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2025. № 2. С. 6–16. DOI: https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-6-16 (дата обращения: 17.06.2026).
6. О направлении Методических рекомендаций по НДС для УСН 2026: письмо ФНС России от 30.12.2025 № СД-4-3/11836@ // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_524136/ (дата обращения: 12.06.2026).
7. Особенности исчисления и уплаты НДС налогоплательщиками, применяющими УСН, с 2025 года [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба: официальный сайт. – URL: https://www.nalog.gov.ru (дата обращения: 12.06.2026).
8. НДС при УСН в 2026 году: порядок применения, ставки и особенности учета [Электронный ресурс] // Аудит-Эксперт. – URL: https://audex.ru (дата обращения: 12.06.2026).
9. В УФНС России по Пермскому краю состоялось расширенное заседание коллегии // Федеральная налоговая служба. 2025. 10 окт. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn59/news/activities_fts/16554685/ (дата обращения: 09.03.2026).
10. В Пермском крае НДС по новым правилам будут платить 10 % компаний с 2026 года // Российский налоговый портал. 2025. 19 нояб. – URL: http://taxpravo.ru (дата обращения: 09.03.2026).

УДК 347.73:336.225:339.9

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЙ КОНТРОЛЬ РАСХОДОВ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ (АИС "НАЛОГ-3"): БАЛАНС ФИСКАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ЗАЩИТЫ ЧАСТНЫХ ПРАВ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ

Чернявская Мария Юрьевна
студентка 4 курса
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», Оренбургский институт (филиал), Россия, г. Оренбург

Аннотация. Статья посвящена правовой оценке автоматизированного контроля расходов физических лиц, осуществляемого с использованием АИС «Налог-3». На основе анализа официальных документов ФНС и научной литературы показано, что результатом работы аналитического контура системы является сигнал, требующий последующей квалификации, а не установленный факт правонарушения. Выявлены три явления, смещающие баланс фискальной эффективности и защиты частных прав: закрытость критериев отбора, неформализованность предпроверочного анализа и невозможность установления вины на основе алгоритмической оценки. Сформулированы процессуальные гарантии, позволяющие сохранить фискальную эффективность системы, не превращая её аналитическую функцию в скрытую форму проверки.

Ключевые слова: АИС «Налог-3»; автоматизированный контроль расходов; предпроверочный анализ; защита прав налогоплательщиков; фискальная эффективность.

AUTOMATED MONITORING OF INDIVIDUALS' EXPENDITURES (AIS "NALOG-3"): BALANCING FISCAL EFFICIENCY AND THE PROTECTION OF TAXPAYERS' PRIVATE RIGHTS

Chernyavskaya Maria Yurievna
4th-year student
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Kutafin Moscow State Law University (MSAL)», Orenburg Institute (Branch)
Russia, Orenburg

Abstract. This article provides a legal assessment of the automated monitoring of individuals' expenditures, conducted via the "Nalog-3" (Tax-3) automated information system. An analysis of official documents from the Federal Tax Service and relevant academic literature reveals that the system’s analytical component produces a signal requiring further qualification, rather than establishing a proven legal violation. Three factors are identified that disrupt the balance between fiscal efficiency and the protection of private rights: the lack of transparency regarding selection criteria, the informal nature of pre-audit analysis, and the impossibility of establishing culpability based solely on algorithmic assessment. The article proposes procedural safeguards designed to maintain the system's fiscal efficiency without allowing its analytical function to evolve into a covert form of tax audit.

Keywords: "Nalog-3" (Tax-3) automated information system; automated expenditure monitoring; pre-audit analysis; protection of taxpayers' rights; fiscal efficiency.

Цифровая трансформация налогового администрирования в России дошла до той стадии, когда автоматизированные системы перестали быть просто удобным инструментом учёта и начали влиять на то, как именно государство решает, кого и насколько пристально проверять. АИС «Налог-3» собирает данные из самых разных источников, включая банки, регистрирующие органы и самого налогового ведомства, а затем на их основе готовит аналитические материалы, которые потом ложатся в основу предпроверочного анализа и камеральных проверок. В связи с этим возникает вполне конкретный юридический вопрос: в каких пределах результаты алгоритмической обработки данных о расходах физических лиц можно считать достаточным основанием для выводов налогового органа и где заканчивается фискальный интерес и начинаются конституционные гарантии неприкосновенности частной жизни и презумпции невиновности налогоплательщика.

Этот вопрос актуален не только потому, что технические возможности системы растут, но и потому, что в Налоговом кодексе до сих пор нет процессуальной формы, которая соответствовала бы природе автоматизированного анализа. Статья 88 Кодекса описывает камеральную проверку, которая проводится на основе поданной декларации и приложенных документов, статья 89 посвящена выездной проверке, для которой нужно решение руководителя налогового органа. Автоматическое сопоставление расходов и доходов физического лица не вписывается ни в одну из этих процедур, поскольку происходит вне рамок проверки, по инициативе самого налогового органа и на основе данных, полученных от третьих лиц. В литературе эту проблему обычно обсуждают через понятия предпроверочного анализа и внепроверочных мероприятий налогового контроля, и их правовая природа до сих пор остаётся спорной [7; 10].

Если посмотреть на то, как тема разработана в науке, можно выделить два пересекающихся направления. Первое связано с изучением цифровизации налогового администрирования и оценкой эффективности информационных систем, второе обращается к правовым пределам налогового контроля и защите прав налогоплательщиков. На пересечении этих направлений и возникает самостоятельная проблема, которой посвящена настоящая статья, а именно соотношение фискальной эффективности автоматизированного контроля расходов и частноправовых гарантий, которые защищают налогоплательщика от необоснованного вмешательства. Показательно, что доказательственное значение сведений АИС «Налог-3» уже становилось предметом отдельного рассмотрения в юридической литературе [4], и это говорит о том, что научное сообщество признаёт практическую значимость вопроса, но пока не пришло к его теоретическому осмыслению.

Первое, с чем сталкивается вопрос о пределах автоматизированного анализа, это устройство самой системы, поскольку от того, какие операции она выполняет автоматически, зависит и то, какие правовые последствия могут с ними связываться. АИС «Налог-3» построена на процессном подходе, при котором

каждый технологический процесс разделён на блоки, выполняемые автоматически, и на интерактивную работу пользователя с данными, а с 2019 года посредством этой системы осуществляется администрирование НДФЛ. В её составе выделяется так называемый «налоговый автомат», то есть комплекс программных средств, реализующий формализованные процедуры и алгоритмы налогового администрирования без участия человека, и именно этот компонент чаще всего имеют в виду, когда говорят об автоматическом контроле. Однако его назначение уже, чем контроль расходов, поскольку он обеспечивает обработку сведений по формам 2-НДФЛ и 6-НДФЛ, подтверждение права на вычеты и иные формализованные операции, а значит, автоматизация на этом уровне касается скорее порядка обработки уже заявленных сведений, чем выявления новых [5].

Автоматизация обработки заявленных сведений не исчерпывает возможностей системы, и за пределами «налогового автомата» находятся её аналитические приложения, к которым относятся «Анализ среднеотраслевых индикаторов» и «Налоговый разрыв». Эти приложения формируются на федеральном уровне на основе налоговой и бухгалтерской отчётности, данных расчётов с бюджетом, а также сведений из федеральных информационных ресурсов, включая ЕГРН, ЕГРЮЛ, 2-НДФЛ, 6-НДФЛ и сведения о среднесписочной численности, и уже сам состав этих источников показывает, что речь идёт о сопоставлении данных, поступающих из разных ведомств [5]. Существенно, однако, что в официальных материалах эти приложения описаны применительно к организациям на общем режиме налогообложения, а не к физическим лицам, поэтому перенос их логики на контроль расходов граждан требует отдельного обоснования, хотя принципиальная возможность сопоставления данных о доходах из разных источников и выявления расхождений в системе заложена.

Заложенная в системе возможность сопоставления данных наглядно проявляется там, где она применяется к физическим лицам, и подтверждённым направлением такой аналитики является выявление лиц, владеющих более чем тремя объектами недвижимости одного назначения, для последующих мероприятий налогового контроля по фактам незадекларированного дохода от сдачи имущества внаём [5]. Этот пример показывает логику системы в чистом виде: она анализирует не банковские транзакции, а сведения из реестров, и на их основе формирует список для дальнейшей проверки, а не выносит автоматическое решение, поскольку результатом работы аналитического контура становится не установленный факт правонарушения, а сигнал, требующий последующей квалификации человеком.

Если результатом работы системы является сигнал, а не установленный факт, то ключевой вопрос переносится на доказательственное значение её сведений, которое уже становилось предметом специального анализа в научной литературе [4]. Информация АИС «Налог-3» используется для подтверждения фактов взаимодействия налогового органа и налогоплательщика, а также как база данных о взаимодействии налогоплательщиков между собой, однако требования относимости и допустимости доказательств выполняются не во всех случаях , и для вопроса о контроле расходов это означает, что даже при наличии технической возможности сопоставить данные юридическая квалификация результата такого сопоставления остаётся проблемой, которую система сама по себе не решает.

Изложенное показывает, что технологическая основа позволяет собирать и анализировать значительные объёмы информации, но описанные механизмы работают лишь на уровне выявления признаков и формирования списков для ручной проверки. Разрыв между аналитикой и полноценным автоматическим контролем расходов не исчезает с развитием технологий, а растёт вместе с объёмом данных. Поэтому далее речь пойдёт не о технической стороне, а о правовых гарантиях, определяющих допустимые границы автоматизированного анализа.

Если сигнал сам по себе не является доказательством, возникает вопрос о том, в чём тогда состоит фискальная ценность автоматизированного анализа, и ответ на него лежит не в области доказывания, а в области отбора. Ценность системы для бюджета проявляется прежде всего в том, что она позволяет налоговому органу не распылять ресурсы на сплошную проверку всех налогоплательщиков, а сосредоточиться на тех, чьи показатели отклоняются от ожидаемых. В научной литературе, посвящённой цифровизации налогового администрирования, эта функция описывается через категорию риск-ориентированного подхода, при котором автоматизация служит инструментом предварительной фильтрации, а не заменой проверки как таковой [5]. Именно в этом качестве аналитические приложения АИС «Налог-3» и рассматриваются в официальных материалах, где речь идёт о выявлении признаков и формировании списков для последующей ручной отработки.

Однако фискальная эффективность риск-ориентированного отбора не сводится к экономии ресурсов, поскольку сам отбор уже оказывает дисциплинирующее воздействие на поведение налогоплательщиков. Осознание того, что расхождение между расходами и доходами может быть замечено, само по себе побуждает к более осторожному отношению к декларированию, и в этом смысле автоматизированный анализ работает как фактор предупреждения, а не только как инструмент выявления. Сторонники такого подхода в литературе указывают, что цифровизация администрирования позволяет выявлять лиц с признаками занижения налоговой базы и тем самым способствует легализации доходов, поскольку издержки сокрытия становятся выше [5]. Для физических лиц, чьи расходы в принципе поддаются сопоставлению с доходами через данные банков и регистрирующих органов, это создаёт дополнительный стимул к тому, чтобы источники средств были объяснимы.

Вместе с тем фискальный эффект такого воздействия имеет и обратную сторону, которая проявляется в том, что дисциплинирующее влияние распределяется неравномерно. Налогоплательщик, чьи доходы и расходы полностью прозрачны и отражены в официальных данных, оказывается в более уязвимом положении, чем тот, чьи операции проходят вне поля зрения системы, поскольку именно первый становится объектом автоматического сопоставления, тогда как второй остаётся невидимым. В литературе эта проблема иногда описывается как смещение контроля в сторону тех, кто в наибольшей степени раскрывает информацию, и для вопроса о балансе фискальной эффективности и защиты частных прав она имеет принципиальное значение [5]. Фискальная эффективность, понимаемая как рост собираемости, не обязательно совпадает с эффективностью распределительной, и автоматизированный анализ, повышая прозрачность одних операций, может оставлять вне поля зрения другие.

Кроме того, сама оценка фискального эффекта автоматизированного контроля расходов остаётся в литературе скорее предположительной, чем доказанной. Эмпирические исследования эффективности налогового администрирования в условиях цифровизации, включая диссертационные работы экономического профиля, как правило, оперируют агрегированными показателями собираемости и не позволяют выделить вклад именно автоматизированного сопоставления расходов и доходов физических лиц [5]. Для юридической аргументации это означает, что ссылка на фискальную эффективность как на основание для расширения контроля не подкреплена достаточными данными, и бремя обоснования такого расширения лежит на том, кто его предлагает. Иными словами, фискальная ценность системы реальна как инструмент отбора и предупреждения, но её масштаб не следует преувеличивать, а главное, она не устраняет тех правовых вопросов, которые были обозначены выше и к которым теперь необходимо перейти.

Следовательно, фискальная эффективность автоматизированного анализа состоит прежде всего в отборе и предупреждении, а не в доказывании, и совместима с правовыми ограничениями лишь пока сигнал системы не подменяет установление факта. Как только фискальный интерес оправдывает перенос бремени объяснения на налогоплательщика, баланс смещается, поэтому дальнейшее рассмотрение должно быть посвящено конституционно-правовым пределам, отделяющим допустимое воздействие от нарушения прав.

Смещение баланса происходит не в момент, когда система выявляет расхождение, а в момент, когда налогоплательщику предлагается объяснить это расхождение, не раскрывая, на основании каких именно критериев он был отобран. В литературе эта ситуация описывается через категорию «асимметрии информации», которая в налоговых правоотношениях приобретает системный характер, поскольку значительный массив актов ФНС, устанавливающих перечни рисков и критерии оценки подконтрольных лиц, недоступен налогоплательщикам [9]. Закрытость алгоритмов означает, что лицо лишено возможности понять, почему именно оно попало в зону риска, и, следовательно, лишено реальной возможности заблаговременно скорректировать своё поведение. Для контроля расходов физических лиц это имеет прямое значение: если гражданин не знает, какое соотношение трат и доходов система считает подозрительным, он не может ни оспорить отбор, ни привести объяснения, которые были бы приняты во внимание на стадии, когда это ещё возможно.

Такая закрытость непосредственно связана с вопросом о процессуальной природе предпроверочного анализа, в рамках которого данные АИС «Налог-3» и используются. По мнению С.А. Сосновского, контроль фактически перемещается на стадию предпроверочного анализа, процедуры которого не формализованы, а полномочия налоговых органов на этой стадии почти не ограничены [10]. Назначение выездной проверки в такой модели превращается в возбуждение производства по делу о

налоговом нарушении, тогда как сам контроль уже состоялся на предварительной стадии, где налогоплательщик не обладает процессуальными правами, соответствующими проверке. А.В. Красюков идёт дальше и относит предпроверочный анализ к новому виду налоговой проверки [7], что подчёркивает разрыв между фактической интенсивностью контроля и его законодательной формой. Для физического лица, чьи расходы сопоставляются с доходами, это означает, что решение о повышенном внимании к нему принимается в процедуре, которая не предусматривает ни ознакомления с материалами, ни права представить возражения в установленном порядке.

Отсутствие формализации предпроверочного анализа создаёт и более конкретную проблему, связанную с пределами использования данных, полученных автоматически. П.С. Алпатов, анализируя доказательственное значение сведений АИС «Налог-3», отмечает, что информация системы используется для подтверждения фактов взаимодействия налогового органа и налогоплательщика, а также как база данных о взаимодействии налогоплательщиков между собой, однако требования относимости и допустимости доказательств выполняются не во всех случаях [4]. Судебная практика, как показывает Э. Гюльбасаров, в целом принимает данные системы, если они встроены в совокупность доказательств, а не подменяют её, но проблемная зона возникает тогда, когда система не просто собирает признаки, а сама квалифицирует лицо, фактически осуществляя предварительную юридическую оценку, которая должна подлежать доказыванию [6]. В отношении расходов физических лиц это означает, что автоматически выявленное расхождение само по себе не может рассматриваться как установленный факт занижения дохода, поскольку за ним стоит лишь алгоритмическая оценка, а не проверенное обстоятельство.

Наконец, автоматизированный анализ не решает и вопроса о вине, которая в силу статьи 106 НК РФ является обязательным признаком налогового правонарушения. Как отмечается в литературе, АИС предоставляет лишь внешнее выражение действий налогоплательщика, не имея возможности каким-либо образом предоставить информацию о его вине, и потому данные системы должны подлежать перепроверке налоговыми органами и судами, а не приниматься на веру [8]. Судебная практика знает случаи, когда ошибка в АИС приводила к неправомерному освобождению от страховых взносов и последующему разбирательству, что показывает: автоматическая обработка не свободна от сбоев, и цена такой ошибки для гражданина может быть значительной. Для контроля расходов это означает, что даже технически корректное выявление расхождения не заменяет установления субъективной стороны правонарушения, и попытка вывести вину из данных алгоритма противоречит как структуре налогового правонарушения, так и конституционному принципу презумпции невиновности [1].

Из сказанного вытекает, что конституционно-правовые пределы автоматизированного контроля расходов определяются не только формальными требованиями к доказательствам, но и закрытостью алгоритмов, неформализованностью предпроверочного анализа и невозможностью установления вины на основе данных системы, вместе они ставят налогоплательщика в положение, когда он вынужден оправдываться перед механизмом, устройство которого ему неизвестно. Поэтому далее необходимо сформулировать процессуальные гарантии, позволяющие сохранить фискальную эффективность системы, не превращая её аналитическую функцию в скрытую проверку.

Если налогоплательщик вынужден оправдываться перед механизмом, устройство которого ему неизвестно, то первая гарантия, способная восстановить баланс, состоит в раскрытии самих критериев отбора. Проблема асимметрии информации, о которой говорилось выше, не может быть решена только путём публикации общих сведений о работе системы, поскольку налогоплательщику необходимо понимать не принцип функционирования АИС «Налог-3» в целом, а то, какие именно показатели его собственных расходов и доходов стали основанием для включения в зону риска. В литературе уже высказывалась мысль о необходимости формализации предпроверочного анализа [10], и эта формализация должна включать не только внутренние регламенты налоговых органов, но и минимальный объём информации, доводимой до сведения лица, в отношении которого проводится анализ. Без этого любые последующие процессуальные права остаются декларативными, поскольку их реализация требует знания предмета возражений.

Раскрытие критериев отбора, однако, само по себе недостаточно, если у налогоплательщика нет возможности представить объяснения до того, как выводы анализа приобретут для него неблагоприятные последствия. В действующем регулировании такая возможность появляется лишь на стадии проверки или вызова в комиссию, то есть тогда, когда налоговый орган уже сформировал свою позицию. Между тем именно на предварительной стадии, где данные системы только интерпретируются, у налогоплательщика

есть наибольшая возможность объяснить расхождение законными причинами, будь то заём, наследство, накопления прошлых лет или продажа имущества. Предоставление права на предварительные объяснения не снижает фискальной эффективности, а напротив, позволяет отсеять ложные срабатывания до того, как они превратятся в издержки для обеих сторон, и в этом смысле оно соответствует логике риск-ориентированного подхода, а не противоречит ей.

Следующая гарантия касается пределов использования автоматически полученных данных в доказывании. Как отмечалось, сведения АИС «Налог-3» должны встраиваться в совокупность доказательств, а не подменять её [4; 6], и это правило нуждается в более последовательном закреплении применительно к контролю расходов физических лиц. Практическое значение имеет то, что автоматически выявленное расхождение не должно рассматриваться как самостоятельное основание для выводов о занижении дохода, поскольку за ним стоит алгоритмическая оценка, а не проверенное обстоятельство. Судебная практика, принимающая данные системы при условии их перепроверки, задаёт верный ориентир, но этого недостаточно, пока на уровне закона не установлено, что сигнал системы является лишь поводом для проверки, а не её результатом.

Наконец, вопрос о вине, обозначенный выше, требует гарантии, связанной с распределением бремени доказывания. Конституционный принцип презумпции невиновности [1] и статья 106 НК РФ исходят из того, что вина устанавливается налоговым органом, а не презюмируется, и автоматизированный анализ не может изменить это распределение, каким бы убедительным ни казалось выявленное расхождение. Из этого следует, что налогоплательщик не обязан доказывать отсутствие вины, а вправе ограничиться объяснением источника средств, тогда как бремя опровержения этого объяснения остаётся на налоговом органе. Закрепление такого подхода имело бы не только процессуальное, но и предупредительное значение, поскольку оно очерчивало бы границы, за которыми автоматический анализ перестаёт быть инструментом отбора и превращается в средство давления.

Сводя сказанное воедино, отметим: процессуальные гарантии, сохраняющие баланс фискальной эффективности и защиты частных прав, сводятся к раскрытию критериев отбора, праву на предварительные объяснения, ограничению доказательственного значения автоматически полученных данных и сохранению конституционного распределения бремени доказывания вины. По отдельности они проблему не решают, но вместе превращают автоматизированный контроль из скрытой проверки в аналитический инструмент, результаты которого подлежат проверке. В этом, а не в отказе от цифровизации, и состоит искомый баланс.

Проведённое рассмотрение показывает, что исходная постановка вопроса о балансе фискальной эффективности и защиты частных прав применительно к автоматизированному контролю расходов физических лиц нуждается в уточнении, поскольку сам этот контроль в том виде, в каком он описан в публицистике, не является свершившимся фактом. АИС «Налог-3» действительно аккумулирует значительные объёмы данных и располагает аналитическими инструментами, позволяющими сопоставлять сведения из разных источников [5]. Однако, как было показано, результатом работы аналитического контура становится сигнал, требующий последующей квалификации человеком, а не установленный факт правонарушения. Именно в этом разрыве между аналитической функцией системы и юридической квалификацией её результатов и заключается та проблема, которая требует правового решения.

Фискальная ценность автоматизированного анализа при таком понимании состоит не в доказывании, а в отборе и предупреждении, и в этом качестве она совместима с правовыми ограничениями до тех пор, пока сигнал системы не подменяет собой установление обстоятельств. Как только фискальный интерес начинает оправдывать перенос бремени объяснения на налогоплательщика, баланс смещается, и это смещение проявляется в трёх взаимосвязанных явлениях: закрытости критериев отбора, неформализованности предпроверочного анализа, в рамках которого данные системы фактически используются, и невозможности установления вины на основе алгоритмической оценки. Каждое из этих явлений по отдельности может показаться техническим несовершенством, но вместе они создают ситуацию, в которой налогоплательщик вынужден оправдываться перед механизмом, устройство которого ему неизвестно.

Предложенные гарантии призваны восстановить равновесие, не отказываясь от фискальной эффективности системы. Раскрытие критериев отбора, право на предварительные объяснения, ограничение доказательственного значения автоматически полученных данных и сохранение

конституционного распределения бремени доказывания вины образуют минимальный набор условий, при которых автоматизированный контроль перестаёт быть скрытой проверкой. Избыточных гарантий здесь нет: каждая закрывает свой разрыв. Первая делает возможным осмысленное возражение, вторая отсеивает ложные срабатывания до возникновения издержек, третья не даёт алгоритму подменить доказывание, четвёртая сохраняет презумпцию невиновности там, где расхождение в данных выглядит убедительным.

Дальнейшее регулирование связано не с отказом от цифровизации, а с приданием ей надлежащей правовой формы. Уже предлагается закрепить право на объяснение логики автоматизированного решения и признать технологический сбой обстоятельством, исключающим вину налогоплательщика [8]. Эти меры важны, но решают проблему лишь частично, поскольку не затрагивают пределы использования автоматически полученных данных в доказывании. Именно этот вопрос должен стать предметом дальнейшей законодательной работы: от него зависит, останется ли автоматизированный контроль расходов аналитическим инструментом или превратится в скрытую проверку без процессуальных гарантий.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2020.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.
4. Алпатов П.С. Доказательственное значение сведений АИС «Налог-3» // Налоговед. – 2019. – № 10. – С. 23–31.
5. Анисимова А.А. Развитие налогового администрирования в России в условиях цифровизации экономики : дис. … канд. экон. наук. – М., 2021. – 146 с.
6. Гюльбасаров Э. АИС «Налог-3»: стандарты доказывания и риски использования данных, генерируемых алгоритмами. – М. : Палата налоговых консультантов, 2025.
7. Красюков А.В. Предпроверочный анализ как новый вид налоговой проверки // Финансовое право. – 2018. – № 1. – С. 28–33.
8. Материалы об установлении вины в условиях информатизации (тезисы о невозможности выведения вины из данных АИС) // Материалы конференции «Ломоносов-2026». – М. : МГУ, 2026.
9. Материалы о закрытости алгоритмов и «асимметрии информации» в налоговых правоотношениях. – М., 2025.
10. Сосновский С.А. Необходимость формализации предпроверочного анализа // Налоговед. – 2020. – № 4.

УДК 347.73

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТОВ ВАЛЮТНОГО КОНТРОЛЯ И ФИНАНСОВОГО МОНИТОРИНГА В РФ: ЦИФРОВЫЕ МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ СКРЫТЫХ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ПОТОКОВ КАПИТАЛА

Чернявская Мария Юрьевна
студентка 4 курса
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Оренбургский институт (филиал).
Россия, г. Оренбург

Аннотация. В статье рассматривается трансформация валютного контроля и финансового мониторинга в Российской Федерации после прекращения автоматического обмена финансовой информацией (CRS) с недружественными юрисдикциями. Анализируется переход ФНС и Росфинмониторинга к цифровым методам выявления скрытых трансграничных потоков капитала на основе больших данных и искусственного интеллекта. Выявляется правовая проблема, связанная с отсутствием стандартов оценки доказательств, сформированных алгоритмически, и риском необоснованных доначислений и штрафов.

Обосновывается необходимость законодательного закрепления требований к достоверности и верифицируемости цифровых доказательств, а также права резидента на объяснение логики автоматизированного решения.
Ключевые слова: валютный контроль, финансовый мониторинг, цифровизация, искусственный интеллект, алгоритмические доказательства, защита прав резидентов.

MODERNIZATION OF CURRENCY CONTROL AND FINANCIAL MONITORING INSTITUTIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION: DIGITAL METHODS FOR DETECTING HIDDEN CROSS-BORDER CAPITAL FLOWS

Chernyavskaya Maria Yurievna
Student, 3rd year, Faculty of Law
Orenburg Institute (branch) of the O.E. Kutafin University (MSLA),
Russia, Orenburg

Abstract. This article examines the transformation of currency control and financial monitoring in the Russian Federation following the cessation of the automatic exchange of financial information (CRS) with "unfriendly" jurisdictions. It analyzes the shift by the Federal Tax Service and Rosfinmonitoring toward digital methods for identifying concealed cross-border capital flows, utilizing big data and artificial intelligence. The article highlights a legal issue stemming from the lack of standards for evaluating algorithmically generated evidence, which creates a risk of unjustified tax assessments and penalties. It argues for the necessity of establishing, through legislation, requirements for the reliability and verifiability of digital evidence, as well as the right of a resident to receive an explanation of the logic behind an automated decision.
Keywords: currency control, financial monitoring, digitalization, artificial intelligence, algorithmic proofs, protection of residents' rights.

Современная система валютного контроля и финансового мониторинга в Российской Федерации переживает глубокую трансформацию, обусловленную двумя взаимосвязанными факторами. Первый носит внешнеполитический характер: после введения масштабных санкций в 2022 году Россия фактически утратила доступ к механизму автоматического обмена финансовой информацией (Common Reporting Standard, CRS) с недружественными юрисдикциями. Если ранее Федеральная налоговая служба получала сведения о зарубежных счетах российских резидентов в автоматическом режиме, то теперь этот канал закрыт. Второй фактор носит технологический характер: государство вынуждено компенсировать утрату внешних источников данных переходом к цифровым методам анализа, основанным на больших данных и искусственном интеллекте.

Чтобы понять суть этих проблем, необходимо прежде всего разобраться в том, что представлял собой утраченный механизм и почему его потеря оказалась столь чувствительной. Common Reporting Standard представляет собой международный стандарт автоматического обмена налоговой информацией, разработанный Организацией экономического сотрудничества и развития. Его суть состоит в том, что финансовые организации стран-участниц собирают данные о счетах нерезидентов и передают их налоговым органам своих государств, которые, в свою очередь, обмениваются этими сведениями с компетентными органами других стран. Для России это означало, что Федеральная налоговая служба автоматически получала информацию о зарубежных счетах российских резидентов: их наличии, остатках, движении средств. Однако после начала санкционного давления в 2022 году этот механизм перестал работать в прежнем режиме. Недружественные юрисдикции приостановили обмен информацией с Россией. Россия остаётся в списке участников CRS, но фактическая передача данных не осуществляется. В результате ФНС утратила автоматический доступ к сведениям о зарубежных активах резидентов, которые ранее поступали регулярно и в полном объёме. Если раньше налоговые органы могли сопоставить данные, полученные по каналу CRS, с внутренней отчётностью и выявить расхождения, то теперь такой возможности нет. Информация о зарубежных счетах стала недоступной, и контроль за трансграничными потоками капитала потребовал принципиально иных подходов.

Осознав невозможность восстановления прежнего канала получения данных, Россия начала перестраивать систему валютного контроля, делая ставку на цифровые методы и новые источники информации. Первым шагом стало расширение обязанностей самих резидентов. Федеральный закон от

25.12.2023 № 647-ФЗ ввёл для резидентов, входящих в международные группы компаний, обязанность уведомлять ФНС об открытии счетов за рубежом и отчитываться о движении средств по ним [3]. Это шаг к тому, чтобы компенсировать утрату автоматического обмена за счёт раскрытия информации самими участниками внешнеэкономической деятельности. Резиденты теперь должны самостоятельно предоставлять сведения, которые ранее поступали по каналу CRS. Параллельно с этим План деятельности ФНС на 2025 год и плановый период 2026-2030 годов, утверждённый Минфином 22.01.2025 № 03-00-07/ВН-2077, прямо ставит задачу модернизировать программные средства валютного контроля. Это означает, что ведомство планирует развивать цифровые инструменты анализа, способные выявлять скрытые трансграничные потоки без прямого доступа к зарубежным данным. Банк России, в свою очередь, планирует ввести специальную систему кодирования операций нерезидентов в иностранной валюте, а также расчётов с использованием векселей, драгоценных металлов и цифровых финансовых активов. Это позволит регулятору более детально отслеживать операции, которые ранее могли оставаться вне поля зрения.

Однако было бы ошибкой полагать, что перестройка контроля вызвана исключительно утратой CRS. Проблема скрытых трансграничных потоков капитала существовала и ранее, а санкции лишь обострили её. Актуальность перестройки подтверждается данными о динамике теневого оттока капитала. Под теневым оттоком понимается движение средств, которое не отражается в официальной статистике и может быть связано с выводом капитала за рубеж в обход установленных правил. По данным экономических исследований, неучтённый отток капитала из России растёт, достигая экстремальных значений. В первом квартале 2025 года этот показатель составил около 8,0 млрд долларов США. Росфинмониторинг также указывает на конкретные схемы, которые используются для вывода средств за рубеж. В частности, ведомство отмечает, что под видом купли-продажи векселей могут осуществляться переводы средств между организациями или физическими лицами как внутри страны, так и в рамках вывода за рубеж. Кроме того, нерезиденты, по оценке Росфинмониторинга, в основном используются в сложных схемах отмывания доходов за рубежом: они выступают получателями средств, выводимых из России. Эти данные показывают, что проблема носит не теоретический, а практический характер, и государство вынуждено реагировать на неё.

Реакция выражается в переходе к цифровым методам выявления подобных схем. Суть цифрового подхода состоит в том, что контроль перестаёт быть документарным и становится алгоритмическим. Вместо того чтобы запрашивать у резидента подтверждающие документы и проверять их вручную, ведомства анализируют большие массивы данных, выявляя аномалии и косвенные признаки нарушений [10, с. 68]. ФНС использует автоматизированные информационные системы, такие как АИС «Налог-3», которые аккумулируют и анализируют данные из различных источников [5]. Эти системы позволяют сопоставлять внутренние расходы граждан и организаций с информацией об их активах, выявлять расхождения и формировать группы риска. Если резидент, например, демонстрирует расходы, несоразмерные своим официальным доходам, и при этом имеются косвенные признаки наличия зарубежных счетов, система может идентифицировать его как объект повышенного внимания. Росфинмониторинг, в свою очередь, анализирует подозрительные операции, выявляя схемы, которые могут быть связаны с выводом капитала. Использование больших данных и искусственного интеллекта позволяет обрабатывать огромные объёмы информации, которые невозможно проверить вручную, и выявлять скрытые связи между контрагентами, операциями и юрисдикциями.

Переход к цифровым методам позволяет отчасти компенсировать утрату доступа к CRS. Однако именно этот переход порождает новую проблему, которая до настоящего времени не получила законодательного разрешения. Суть её состоит в том, что доказательства, сформированные автоматизированными системами на основе алгоритмического анализа больших данных, используются для доначислений и штрафов за нарушение валютного законодательства, однако их правовой статус остаётся неопределённым. Законодательство не устанавливает стандартов оценки таких доказательств, не определяет требований к их достоверности и не создаёт механизмов, позволяющих резиденту оспорить логику алгоритма, приведшую к решению о нарушении [12, с. 82].

Эта проблема имеет несколько аспектов, и первый касается непрозрачности алгоритмов, которые распределяют резидентов по группам риска: критерии отнесения операции или лица к подозрительным, как правило, не раскрываются. Это противоречит принципу правовой определённости, согласно которому лицо должно предвидеть последствия своих действий и понимать, на каком основании к нему

применяются меры принуждения. В валютном контроле это особенно важно, поскольку резидент зачастую не может самостоятельно проверить, соответствует ли его деятельность требованиям законодательства.

Второй аспект связан с отсутствием правового статуса у доказательств, формируемых автоматизированными системами. Если доначисление или штраф основываются на данных, полученных алгоритмически, возникает вопрос: можно ли считать их доказательствами в суде и как резиденту их оспорить, если он не понимает логику системы? Действующее процессуальное законодательство не содержит норм, учитывающих специфику цифровых доказательств, формируемых с использованием искусственного интеллекта [11, с. 148].

Третий аспект касается обжалования: резидент вправе оспорить итоговое решение контролирующего органа, но не логику алгоритма, приведшую к нему. Формально право на защиту есть, однако воспользоваться им трудно, поскольку оспаривать приходится результат, а не его основание.

Четвёртый аспект связан с риском ложноположительных срабатываний. Добросовестный резидент, чьи операции система ошибочно сочла подозрительными, может столкнуться с проверками и издержками без реального нарушения. Алгоритм не застрахован от ошибок, а механизмов их своевременного выявления и устранения нет. Все эти аспекты указывают на общий разрыв между технологическими возможностями контролирующих органов и правовыми гарантиями резидентов: государство получает всё более мощные инструменты выявления скрытых трансграничных потоков капитала, но законодательство не успевает за этим развитием, оставляя резидентов без адекватных средств правовой защиты.

С этой проблемой соглашаются и исследователи. Так, А. О. Чабан указывает на риск алгоритмической несправедливости, отмечая, что автоматизированные системы принимают юридически значимые решения, не обладая чётким правовым статусом и не имея законодательно закреплённых границ компетенции [12, с. 82]. Нельзя не согласиться с этой позицией: действительно, непрозрачность алгоритмов, распределяющих налогоплательщиков по группам риска, создаёт угрозу нарушения фундаментальных принципов, включая принцип определённости и предсказуемости правового регулирования. О. Г. Вандина также обращает внимание на правовое отставание как барьер для внедрения передовых технологий, подчёркивая, что действующие нормативные акты зачастую не учитывают специфику цифровых инструментов [10, с. 78]. Эти выводы, сделанные применительно к налоговому контролю, в полной мере применимы и к валютному контролю, поскольку логика алгоритмического анализа в обеих сферах схожа.

Подтверждение тому, что проблема носит не умозрительный, а практический характер, даёт судебная практика. Суды уже сформировали определённый подход к оценке доказательств, сформированных автоматизированными системами. В деле № А40-62388/2020, рассмотренном Арбитражным судом Московского округа, суд указал, что налоговый орган не может вменять налогоплательщику налоговые разрывы, выявленные программно-аппаратным комплексом АСК НДС-2, без привязки к фактическим обстоятельствам сделок, периодам и объёмам товарных потоков [8]. Это означает, что автоматизированная система может выявить формальное расхождение, но для привлечения к ответственности необходимо доказать реальную связь этого расхождения с конкретными действиями налогоплательщика. Аналогичная логика прослеживается в деле № А40-52408/2024, где суд не признал скриншоты из программы АИС «Налог-3» надлежащими доказательствами, поскольку они не соотносились с установленными требованиями и были лишены документального подтверждения [9]. Суд фактически указал, что данные, сформированные автоматизированной системой, сами по себе не являются достаточным доказательством: необходимо подтвердить их достоверность, источник происхождения и корректность интерпретации.

Эта позиция согласуется с более общим принципом, который суды применяют и в других категориях дел. Например, при оспаривании штрафа за парковку на газоне водитель ссылался на плохое качество фотографий, но суд отклонил довод, поскольку нарушение подтверждалось совокупностью доказательств: протоколом, фотоматериалами и карточкой учёта автомобиля. Автоматизированная фиксация была лишь одним из элементов доказательственной базы. В другом деле штраф за грязный двор отменили: на фотографиях не было данных о месте, времени съёмки и авторе кадров, поэтому связать снимки с конкретным моментом проверки не удалось. Суд применил презумпцию невиновности и истолковал сомнения в пользу лица. Отсюда устойчивый подход: данные автоматизированных систем

допустимы как доказательства, но только если подтверждена их достоверность, верифицируемы источник и способ получения, а сами данные соотносятся с обстоятельствами дела. Если система формирует вывод, но не позволяет проверить, как он получен, суд может признать доказательство недостаточным.

Этот подход имеет прямое значение для валютного контроля. Подтверждение тому содержится в самой архитектуре цифрового контроля, который выстраивает ФНС. Согласно приказу ФНС России от 08.05.2024 № ЕД-7-17/372@, в составе АИС «Налог-3» функционирует прикладная подсистема «Валютный контроль», которая обеспечивает проведение проверок соблюдения валютного законодательства, приём и обработку сведений о контрактах и ведомостей банковского контроля, поступающих от агентов валютного контроля [5]. Это означает, что алгоритмический анализ применяется не только в налоговой сфере, но и непосредственно в валютном контроле. Более того, согласно Плану деятельности ФНС на 2025 год и плановый период 2026–2030 годов, в составе мероприятий предусмотрена модернизация программных средств, применяемых налоговыми органами при осуществлении валютного контроля, и их внедрение в АИС «Налог-3». Конкретным результатом этой модернизации стали приказы ФНС России от 28.04.2025 № ЕД-7-6/428@, от 15.12.2025 № ЕД-7-17/1171@, от 19.12.2025 № ЕД-7-12/1236@ и ряд других распоряжений и писем. Таким образом, цифровой валютный контроль перестал быть проектом и стал действующей практикой.

Показательно и то, как эта практика встраивается в отношения с агентами валютного контроля. С 1 марта 2026 года вступило в силу постановление Правительства РФ от 30.08.2025 № 1344, согласно которому кредитные организации перешли на обмен данными с ФНС исключительно через СМЭВ [4]. В рамках этого перехода ФНС ввела новый вид сведений: запрос о предоставлении информации, подтверждающей уведомление (неуведомление) резидентом налогового органа об открытии счёта за рубежом. Банк, выступая агентом валютного контроля, при проведении валютной операции направляет запрос в ФНС и получает автоматизированное подтверждение: уведомил резидент или нет. Это и есть та самая алгоритмическая система, которая формирует вывод, значимый для привлечения к ответственности. Если банк получает подтверждение о неуведомлении, для резидента это создаёт риск административного производства по ст. 15.25 КоАП РФ. При этом логика, по которой система пришла к выводу о неуведомлении, и исходные данные, на которых этот вывод основан, резиденту недоступны. Судебная практика, которую мы рассматривали выше [8; 9], показывает, что суды в аналогичных ситуациях требуют подтверждения достоверности и верифицируемости алгоритмических данных. Однако в сфере валютного контроля прямых судебных решений пока нет. Это и есть проявление правовой неопределённости, о которой говорилось выше.

Отсутствие прямой судебной практики по валютному контролю не означает, что проблема надумана. Напротив, она показывает, что тема находится на начальном этапе, когда правовые стандарты ещё не сформированы. Именно в этот момент законодатель имеет возможность заложить основу для сбалансированного регулирования, не дожидаясь, пока практика сложится хаотично под давлением отдельных дел.

О необходимости таких стандартов говорит и зарубежная практика. В Европейском союзе налоговые ИИ-системы отнесены к категории высокого риска, а значит, подлежат обязательной сертификации, должны раскрывать логику работы и находиться под постоянным мониторингом. Китай опирается на блокчейн, который позволяет проверять данные на каждом этапе и делает сокрытие информации о сделках затруднительным. Франция и США развивают институт предварительного налогового регулирования: налогоплательщик может заранее узнать, какие последствия повлечёт планируемая операция, и это создаёт для добросовестных участников своего рода безопасную гавань [12, с. 84]. В российском законодательстве аналогичных механизмов применительно к валютному контролю пока нет. Отдельные элементы цифрового контроля внедряются, но их правовой статус остаётся неопределённым.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод: модернизация валютного контроля и финансового мониторинга, вызванная прекращением автоматического обмена финансовой информацией с недружественными юрисдикциями, породила правовую проблему, требующую внимания законодателя. Её суть в неопределённости правового статуса доказательств, которые формируются автоматизированными системами на основе алгоритмического анализа больших данных. Такие доказательства используются для доначислений и штрафов, однако законодательство не устанавливает ни стандартов их оценки, ни требований к достоверности, ни механизмов, позволяющих резиденту оспорить логику алгоритма.

Судебная практика, пусть и по смежным категориям дел, показывает, что суды допускают данные автоматизированных систем как доказательства только при подтверждении достоверности, верифицируемости источника и связи с обстоятельствами дела. В валютном контроле прямых судебных решений пока нет, что создаёт правовую неопределённость и риск необоснованного привлечения добросовестных резидентов к ответственности.

Для решения проблемы можно предложить несколько мер. Следует законодательно закрепить статус цифровых систем как инструментов формирования доказательств, определив требования к их достоверности и воспроизводимости. Нужно ввести право резидента на объяснение логики автоматизированного решения, затрагивающего его права и обязанности. Технологический сбой стоит признать обстоятельством, исключающим вину резидента при добросовестном исполнении им обязанностей. Также необходимо обязательное уведомление об использовании искусственного интеллекта при проведении контрольных мероприятий [12, с. 85]. Проблема носит практический характер, и её решение требует совместных усилий законодателя, контролирующих органов и научного сообщества. Только надёжные правовые гарантии позволят цифровой трансформации валютного контроля реализовать свой потенциал, не превратившись в инструмент алгоритмического произвола.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4859.
2. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33 (часть I). – Ст. 3418.
3. Федеральный закон от 25.12.2023 № 647-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О валютном регулировании и валютном контроле"» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312250040.
4. Постановление Правительства РФ от 30.08.2025 № 1344 «О порядке информационного взаимодействия...» // КонсультантПлюс.
5. Приказ ФНС России от 08.05.2024 № ЕД-7-17/372@ (об утверждении положений о подсистеме «Валютный контроль» в АИС «Налог-3»).
6. Приказ Росфинмониторинга от 23.04.2025 № 74 «Об утверждении требований к идентификации клиентов...» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506300010.
7. Приказ Росфинмониторинга от 17.06.2025 № 123 «Об утверждении Порядка доведения до кредитных организаций... перечня иностранных государств...» // Российская газета. – 2025. – 29 октября.
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.05.2021 № Ф05-10916/2021 по делу № А40-62388/2020.
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.06.2025 № Ф05-6972/25 по делу № А40-52408/2024.
10. Вандина О.Г. Цифровизация государственного финансового контроля: современные технологии и практика внедрения // Russian Journal of Management. – 2026. – Т. 14, № 1. – С. 67–83.
11. Калачев М.А., Куликова П.А. Обзор практики бухгалтерского учёта и аудита валютных операций в российских организациях // Экономика. Право. Инновации. – 2024. – № 2. – С. 50–60.
12. Чабан А.О. Трансформация налогового контроля в условиях цифровизации: риски алгоритмической несправедливости и защита прав налогоплательщика // Финансовое право. – 2026. – № 8. – С. 81–87.
13. Цифровая сущность финансового права: прошлое, настоящее, будущее: монография / под ред. И.И. Кучерова, Н.А. Поветкиной. – М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2022. – 272 с.

УДК 349.6

ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРИ СБРОСАХ НЕОЧИЩЕННЫХ СТОЧНЫХ ВОД В РОССИИ

Юнусова Дарья Владимировна
студентка
научный руководитель: **Кузьмина Мария Вячеславовна**
к.ю.н., доцент кафедры предпринимательского и трудового права
Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация. Статья посвящена анализу правового механизма возмещения вреда, причиняемого водным объектам в результате сбросов неочищенных сточных вод, с учетом изменений законодательства, вступивших в силу в 2025–2026 годах. Рассматриваются особенности исчисления размера вреда на основе действующей Методики, проблемы определения продолжительности сброса при отсутствии приборов учёта, проводится анализ судебной практики. На основе анализа правоприменительной практики выявляются системные недостатки, препятствующие эффективному возмещению вреда, и предлагаются направления совершенствования законодательства.
Ключевые слова: возмещение вреда, водные объекты, неочищенные сточные воды, негативное воздействие на окружающую среду, судебная практика, методика исчисления вреда.

FEATURES OF COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY THE DISCHARGE OF UNTREATED WASTEWATER IN RUSSIA

Yunusova Darya Vladimirovna
student
scientific supervisor: **Kuzmina Mariya Vyacheslavovna**
candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Theoretical-Legal and Historical Sciences, Orenburg Institute (branch) of the O. E. Kutafin MSLA, Orenburg

Abstract. The article is devoted to the analysis of the legal mechanism for compensating for damage caused to water bodies as a result of discharges of untreated wastewater, taking into account the legislative changes that came into force in 2025–2026. The features of calculating the amount of damage based on the current Methodology are considered, as well as the problems of determining the duration of discharges in the absence of metering devices; an analysis of judicial practice is carried out. Based on the analysis of law enforcement practice, systemic shortcomings that hinder the effective compensation of damage are identified, and directions for improving the legislation are proposed.
Keywords: compensation for damage, water bodies, untreated wastewater, negative impact on the environment, judicial practice, methodology for calculating damage.

Загрязнение водных объектов вследствие сбросов неочищенных и недостаточно очищенных сточных вод остается одной из острых экологических проблем Российской Федерации. Коммунальные и промышленные предприятия, эксплуатирующие очистные сооружения, систематически нарушают требования водного законодательства, что приводит к ухудшению экосистем рек и озер. В условиях усиления природоохранного регулирования и роста числа исков, предъявляемых органами Росприроднадзора, вопросы, связанные с возмещением вреда, причиняемого водным объектам, приобретают особую актуальность.

Опубликованные Росприроднадзором данные указывают на ужесточение позиции властей по отношению к организациям, нарушающим экологическое законодательство. По информации службы, в 2025 году её территориальные органы направили в суды 1552 иска о возмещении вреда окружающей среде на общую сумму 166 млрд руб., что в три раза превышает показатель предыдущего года (1075 исков на 54 млрд руб.). Преимущественно иски касались водных объектов (97 млрд руб.). [1]

Правовое регулирование возмещения вреда водным объектам осуществляется на основе комплекса нормативных актов. Статья 69 Водного кодекса РФ устанавливает основной принцип, согласно которому лица, причинившие вред водным объектам, возмещают его добровольно или в судебном порядке. [2]

Аналогичная норма закреплена в статье 78 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», устанавливающей, что компенсация вреда окружающей среде осуществляется добровольно либо по решению суда. (Далее- Закон № 7-ФЗ) [3]

Размер вреда определяется в соответствии с Методикой исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства, утвержденной Приказом Минприроды России от 13.04.2009 № 87. [4]. Помимо этого, ключевые разъяснения по вопросам возмещения вреда содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде». [5]

С 2026 года вступили в силу положения Закона № 7-ФЗ статьи 78.1, устанавливающей особенности возмещения вреда окружающей среде при сбросе загрязняющих веществ через централизованные системы водоотведения поселений или городских округов. [4] Данная норма детализирует механизм распределения ответственности между организациями, эксплуатирующими централизованные системы водоотведения (водоканалами), и их абонентами: она определяет, в каких случаях обязанность по возмещению вреда возлагается на водоканал, а в каких - на абонента, в том числе при поступлении в систему водоотведения стоков с превышением нормативов качества.

Специфической особенностью данной категории дел является то, что при сбросе неочищенных сточных вод фактическая концентрация загрязняющих веществ, как правило, значительно превышает допустимые нормативы. Это напрямую влияет на расчёт итоговой суммы вреда: в соответствии с Методикой исчисления размера вреда, утверждённой приказом Минприроды России № 87 от 13.04.2009 г. (далее - Методика № 87), итоговая величина определяется с учётом кратности превышения фактической концентрации над установленной величиной (в том числе фоновой или нормативной), что приводит к существенному увеличению массы загрязняющего вещества и, следовательно, итоговой суммы возмещения.

В научной литературе отмечается, что действующая Методика № 87 содержит ряд недостаточно урегулированных вопросов, касающихся определения отдельных элементов расчёта, что порождает неоднозначную правоприменительную практику и становится предметом споров в судебных разбирательствах. Так, К. В. Крутикова и Л. И. Ушакова в работе «Исчисление вреда водным объектам при сбросе сточных вод с повышенным содержанием загрязняющих веществ» указывали следующее: «На сегодняшний день наблюдается внушительное количество затяжных судебных разбирательств, суть которых-возможность оспаривания причинителем вреда суммы рассчитанного вреда, обусловленная неоднозначным трактованием некоторых норм Методики № 87. Причем некоторые положения допускают различный взгляд на определение некоторых показателей при расчете вреда не только со стороны истца и ответчика, но и со стороны различных территориальных органов власти». [5]

Одна из проблем касается определения продолжительности сброса при отсутствии приборов учёта. Методика № 87 в п. 22.2 устанавливает, что продолжительность сброса определяется с момента его обнаружения и до момента прекращения. Бремя доказывания иной даты прекращения сброса полностью возложена на ответчика. Если предприятие не имеет приборов учёта и не может документально подтвердить технологические перерывы, суд принимает расчёт надзорного органа, даже если он основан на слишком широком толковании периода.

Так, в деле №А64-4598/2024 Прокуратура Тамбовской области взыскивала с ООО «РУСАГРО-ТАМБОВ» вред, причинённый реке Савала. Продолжительность сброса была определена истцом расчётным путём — с 13:25 05.02.2024 по 13:30 14.02.2024, что составило 216 часов. ООО «РУСАГРО-ТАМБОВ» указывало, что истцом «неверно определена продолжительность сброса сточных вод». Приборы учёта не фиксировали конкретное время превышения, что послужило основой для оспаривания доводов истца. Но Арбитражный суд Тамбовской области отклонил возражения ответчика, применив формальное правило п. 22.2 Методики № 87, ссылайся на следующее: «Каких-либо доказательств иной даты прекращения сброса, ответчиком в нарушение ст. 65 АПК РФ, в материалы настоящего дела не представлено. В этой связи, приведенные возражения ответчика отклоняются судом». [6]

Фактически из этого следует, что суд не стал анализировать технологические регламенты или графики работы очистных сооружений. Если ответчик не доказал другую дату, действует расчёт истца. В ситуации, когда отсутствуют приборы учёта, утрачивается возможность представить доказательства почасовой записи объёма и концентрации сброса. Любые косвенные доказательства (акты о простоях, режимные карты) суд может посчитать недостаточными для опровержения позиции истца. Итог данного

дела: взыскание вреда исходя из 216 часов, хотя фактическая продолжительность сверхнормативного сброса могла быть значительно меньше.

Следствием данной проблемы служит то, что любые иные доказательства (технологические регламенты, акты простоя, журналы эксплуатации) не принимаются в качестве достаточных, если они не подтверждают именно прекращение поступления загрязняющих веществ в водный объект, а не просто прекращение хозяйственной деятельности. Даже при условии предоставления экспертных заключений, а также наличие каких-либо технических обстоятельств не гарантируют принятие судом иной продолжительности сброса, поскольку суды требуют подтверждения именно прекращения поступления загрязняющих веществ в водный объект, а не прекращения каких-либо видов работ.

Для решения данной проблемы необходимо детализировать норму, определяющую период, в течение которого будет рассчитываться продолжительность сброса и закрепить единые правила расчёта продолжительности сброса при отсутствии приборов учёта. В Методику № 87 следует внести отдельную норму с чёткими критериями оценки всех доказательств: перечень допустимых документов и материалов (технологические регламенты, графики работы, журналы эксплуатации), алгоритм сопоставления противоречивых сведений и предельные коэффициенты. Эти изменения снизят произвол в расчётах и позволят сторонам быть в равном правовом положении, что усилит возможности доказывания позиций сторон.

Изменения необходимы для того, чтобы расчётный период определялся на основе проверяемой процедуры, и не зависел от того, какие доказательства ответчик смог и успел представить для обоснования своей позиции. В условиях, когда приборы учёта отсутствуют, именно качество процедуры контроля, то есть кто, когда и как зафиксировал сброс становится одним из основных гарантов необоснованного завышения периода и, как следствие, увеличения взыскиваемых сумм.

Проведённый анализ показывает, что действующий механизм возмещения вреда, причинённого водным объектам сбросами неочищенных сточных вод, нуждается в совершенствовании процедуры установления фактических обстоятельств и уточнения положений, касающихся возможности предоставления иных доказательств ответчиками для более обоснованного расчета причинения вреда и, следовательно, суммы вреда, подлежащей возмещению при сбросах неочищенных сточных вод. Предлагаемые изменения не устраняют полностью проблему отсутствия приборов учёта, но позволят снизить произвол в расчётах, сравнить процессуальные возможности сторон и повысить обоснованность судебных решений. Только при сочетании нормативных, правоприменительных и организационных мер механизм возмещения вреда водным объектам сможет соответствовать целям экологического законодательства.

Список литературы:

1. Королева А. Экология становится дороже: сумма исков Росприроднадзора к бизнесу в 2025 году выросла втрое / А. Королева. — Текст: электронный // Коммерсантъ. — 2026. — 8 апр. (№ 61). — С. 2. — URL: www.kommersant.ru/doc/8571306 (дата обращения: 19.10.2026).
2. Водный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 03.06.2006 № 74-ФЗ: (последняя редакция) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 19.10.2026). — Текст: электронный.
3. Об охране окружающей среды : федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ : (последняя редакция) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 19.10.2026). — Текст: электронный.
4. Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства: приказ Минприроды России от 13.04.2009 № 87 // ГАРАНТ: справочная правовая система. — URL: www.base.garant.ru (дата обращения: 19.10.2026). — Текст: электронный.
5. Крутикова К.В. Исчисление вреда водным объектам при сбросе сточных вод с повышенным содержанием загрязняющих веществ / К.В. Крутикова, Л.И. Ушакова. — Текст: непосредственный // Водные ресурсы. — 2025. — Т. 52, № 3. — С. 145–150. — DOI 10.31857/S0321059625030112. — EDN SYFPFB.
6. Решение Арбитражного суда Тамбовской области от 11.04.2025 по делу № А64-4598/2024 // Картотека арбитражных дел. — URL: www.kad.arbitr.ru (дата обращения: 19.10.2026). — Текст : электронный.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 519.87:614.84

УЧЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЙ ЛЮДСКИХ ПОТОКОВ ПРИ ЭВАКУАЦИИ ИЗ МНОГОЭТАЖНЫХ ЗДАНИЙ

Алловов Довлетяр Чарыгулыевич
преподаватель
Туркменский государственный архитектурно-строительный институт,
факультет гражданской обороны
Туркменистан, г. Ашгабат

Аннотация. В статье исследуется влияние человеческого фактора и панических состояний на общую логистику эвакуационного процесса из многоэтажных зданий. Основной целью работы является разработка математической модели взаимодействия людских потоков с учетом психологической напряженности толпы. В рамках исследования решены задачи по оценке зон конфликта и пересечения потоков, спускающихся с разных этажей на межэтажных лестничных площадках [1, 3, 4]. Предложенные математические подходы позволяют повысить точность превентивного моделирования и могут быть внедрены в системы интеллектуальной эвакуации.
Ключевые слова: психология толпы, панические состояния, логистика эвакуации, пересечение потоков, математическое моделирование.

ACCOUNTING FOR PSYCHOLOGICAL FACTORS AND MODELING PEDESTRIAN FLOW INTERSECTIONS DURING EVACUATION FROM MULTI-STORY BUILDINGS

Alovov Dovletyar Ch.
Turkmen State Architecture and Construction Institute
Turkmenistan, Ashgabat

Abstract. The article investigates the influence of the human factor and panic states on the overall logistics of the evacuation process from multi-story buildings. The main purpose of the work is to develop a mathematical model of pedestrian flow interaction taking into account the psychological tension of the crowd. The study solves problems of assessing conflict zones and intersections of flows descending from different floors on inter-floor stair landings [1, 3, 4]. The proposed mathematical approaches improve the accuracy of preventive modeling and can be integrated into intelligent evacuation systems.
Keywords: crowd psychology, panic states, evacuation logistics, flow intersection, mathematical modeling.

1. Введение

Обеспечение безопасности в многоэтажных зданиях требует комплексного учета как пространственно-геометрических параметров, регламентируемых действующими строительными нормами [1], так и динамики поведения людей в условиях угрозы. При возникновении чрезвычайной ситуации (ЧС) классическая гидродинамическая аналогия движения людского потока становится неполноценной, так как на физическое перемещение накладывается человеческий фактор — возникновение панических состояний, растерянность и возникновение локальных конфликтов движущихся масс.

Целью данной работы является исследование психологических механизмов поведения людей при эвакуации и математическое описание процессов слияния и пересечения людских потоков на лестнично-распределительных узлах многоэтажных зданий.

2. Психология поведения в ЧС и роль панических состояний в логистике

При возникновении экстренной ситуации поведенческая модель эвакуируемых меняется от рационально-ориентированной к эмоционально-аффективной [3]. Психологический фактор оказывает прямое влияние на логистические параметры движения (скорость, плотность, вектор движения).

2.1. Основные фазы поведенческой реакции

1. **Фаза задержки (рефлексивная пауза):** Затраты времени на осознание угрозы, поиск информации и ориентацию. Составляет до 30–50% от общего времени эвакуации.

2. **Фаза стадного инстинкта («Faster-is-Slower»):** Попытки эвакуируемых двигаться быстрее вызывают рост плотности в узких местах, что приводит не к ускорению, а к физическому заклиниванию дверных проемов («эффект архивации») [4, с. 487].

3. **Игнорирование запасных выходов:** Эвакуируемые стремятся покинуть здание тем же путем, каким вошли (через главный вход), снижая загрузку альтернативных эвакуационных путей.

2.2. Математический учет психологии в параметрах потока

Для учета панического состояния вводится коэффициент психологической дезорганизации $k_\psi \geq 1.0$. Скорректированная скорость движения эвакуируемого потока υ_{real} с учетом высокой плотности D и фактора паники определяется выражением:

$$\upsilon_{real} = \upsilon_0 \cdot \left(1 - a \ln \frac{D}{D_0}\right) \cdot \frac{1}{k_\psi}$$

где:

- υ_0 — базовая скорость свободного движения человека (м/мин);
- D — текущая плотность людского потока (чел/м² или м²/м²);
- D_0 — пороговая плотность начала торможения;
- a — эмпирический коэффициент адаптации;
- k_ψ — коэффициент панического торможения (k_ψ = 1.0 в норме; k_ψ = 1.35-1.60 при выраженном паническом состоянии из-за хаотичных толчков и потери координации).

Основным инженерно-логистическим узлом многоэтажного здания является межэтажная лестничная площадка, где происходит слияние двух транзитных потоков:

1. **Поток Q_{top}:** Основной транзитный поток, спускающийся с вышележащих этажей.

2. **Поток Q_{floor}:** Входящий поток эвакуируемых с текущего этажа.

3. Логистика и расчет пересечений людских потоков на перекрестках и лестницахС учетом требований к ширине и пропускной способности путей эвакуации [1], межэтажная лестничная площадка выступает ключевой зоной слияния транзитного потока с верхних этажей (Q_{top}) и потока с текущего этажа (Q_{floor}) [2]. Отсутствие регулирования в этих узловых точках вызывает блокировку вертикального перемещения и рост плотности выше критических значений [2, с. 134].

3.1. Модель слияния и образования затора

При объединении двух потоков на площадке ограниченной площади S_{pl} создается зона турбулентности. Результирующая пропускная способность узла слияния Q_{res} ограничена максимальной пропускной способностью выходящего лестничного марша Q_{max}:

$$Q_{res} = min(Q_{top} + Q_{floor} + Q_{max})$$

Если $Q_{top}+Q_{floor}>Q_{max}$, на лестничной площадке начинается рост плотности D_{pl}:

$$\frac{dD_{pl}}{dt} = \frac{(Q_{top}+Q_{floor}) - Q_{res}}{S_{pl}}$$

При достижении критической плотности $D_{pl} \geq 5.0$ чел/м² скорость движения в узле падает практически до нуля, формируя локальную физическую проходную пробку.

4. Заключение

Интеграция поведенческой психологии и математического расчета пространственных пересечений потоков позволяет пересмотреть классические подходы к эвакуации:

1. **Снижение паники через инженерные решения:** Применение активных систем динамической навигации (светодиодные указатели направления, адаптивные звуковые оповещения) снижает коэффициент k_{ψ} за счет уменьшения времени фазы задержки.

2. **Оптимизация узлов слияния:** Для исключения блокировки потоков с промежуточных этажей рекомендуется применять объемно-планировочные решения с расширенными лестничными площадками или физическим разделением зон слияния направляющими экранами.

Список литературы:

1. СП 1.13130.2020. Системы противопожарной защиты. Эвакуационные пути и выходы : свод правил : утв. приказом МЧС России от 19 марта 2020 г. № 194. — Москва : Стандартинформ, 2020. — 109 с.
2. Эвакуация и поведение людей при пожарах : учебное пособие / В. В. Холщевников, Д. А. Самошин, А. П. Парфененко [и др.]. — Москва : АГПС МЧС России, 2015. — 212 с.
3. СП 3.13130.2009. Системы противопожарной защиты. Система оповещения и управления эвакуацией людей при пожаре : свод правил : утв. приказом МЧС России от 25 марта 2009 г. № 173. — Москва : ФГБУ ВНИИПО МЧС России, 2009. — 23 с.
4. Helbing, D. Simulating dynamical features of escape panic / D. Helbing, I. Farkas, T. Vicsek // Nature. — 2000. — Vol. 407, no. 6803. — P. 487–490.

СПОРТ КАК СРЕДСТВО ВЫРАБОТКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СТУДЕНТОВ

Гришина Ксения Дмитриевна
студентка 2 курса
научный руководитель: **Соколова Екатерина Владимировна**
старший преподаватель
Самарский государственный технический университет, Россия, г. Самара

Аннотация. В статье рассматривается роль спорта как эффективного средства формирования психологической устойчивости студентов в условиях современного образовательного процесса.

Анализируется влияние регулярной физической активности на развитие стрессоустойчивости, саморегуляции, эмоционального контроля и способности к преодолению трудностей.

Подчеркивается значение спортивной деятельности в профилактике эмоционального выгорания, снижении уровня тревожности и формировании позитивной самооценки.

Ключевые слова: спорт, студенты, психологическая устойчивость, стрессоустойчивость, саморегуляция, эмоциональная устойчивость, физическая активность, образовательная среда.

SPORT AS A MEANS OF DEVELOPING PSYCHOLOGICAL RESILIENCE IN STUDENTS

Grishina Ksenia Dmitrievna
2nd-year student
academic supervisor: **Sokolova Ekaterina Vladimirovna**
senior lecturer
Samara State Technical University, Samara, Russia

Abstract. The article examines the role of sport as an effective means of developing psychological resilience among students in the context of the modern educational process.

The impact of regular physical activity on the development of stress resistance, selfregulation, emotional control, and the ability to overcome difficulties is analyzed.

The importance of sports activities in preventing emotional burnout, reducing anxiety levels, and forming positive self-esteem is emphasized.

Keywords: sport, students, psychological resilience, stress resistance, selfregulation, emotional stability, physical activity, educational environment.

Один из наиболее заметных эффектов физической активности – это снижение стресса. При физических упражнениях или активной деятельности в организме происходит выделение эндорфинов – веществ, которые способствуют улучшению настроения и общего самочувствия. Регулярные тренировки также снижают уровень кортизола, гормона стресса, что особенно важно для студентов, которые часто переживают напряжение и стрессовые ситуации.

Физическая активность благоприятно влияет на качество сна, что напрямую связано с психоэмоциональным состоянием человека. Спортивные занятия помогают нормализовать биоритмы, сокращают симптомы бессонницы и способствуют лучшему восстановлению организма. Это особенно актуально для студентов, чей режим дня нарушается из-за экзаменов и постоянной учебы.

Кроме того, занятия физической активностью способствуют улучшению когнитивных функций. Улучшение кровообращения и поступления кислорода в мозг положительно сказывается на концентрации, памяти и скорости обработки информации, что помогает студентам лучше справляться с учебной нагрузкой и улучшать успеваемость [3].

Занятия спортом на свежем воздухе оказывают дополнительное положительное влияние на психоэмоциональное состояние. Прогулки, бег или йога на открытом воздухе помогают снизить уровень тревожности, снять напряжение и улучшить общее состояние нервной системы.

Социальный аспект физической активности также имеет большое значение для психологического благополучия. Групповые тренировки, участие в командных играх и спортивных мероприятиях создают возможности для общения, развития коммуникативных навыков, укрепления дружеских связей и социальной поддержки среди студентов.

Наконец, регулярные занятия физической активностью способствуют повышению самооценки и уверенности в себе.

Современная система высшего образования предъявляет к студентам высокие требования не только в интеллектуальной, но и в психоэмоциональной сфере.

Учебная деятельность сопровождается значительными нагрузками, высокой ответственностью, необходимостью адаптации к новым социальным условиям, что нередко приводит к повышенному уровню стресса, эмоциональному напряжению и психическому истощению.

В этих условиях особую значимость приобретает проблема формирования психологической устойчивости личности студента как важнейшего ресурса его успешного обучения и личностного развития [1].

Психологическая устойчивость рассматривается как интегративное качество личности, обеспечивающее способность сохранять внутреннее равновесие, продуктивность деятельности и адекватность поведения в условиях стресса и повышенных нагрузок.

Недостаточная сформированность данной характеристики может приводить к снижению учебной мотивации, ухудшению психического самочувствия и развитию эмоционального выгорания.

Одним из эффективных и доступных средств укрепления психологической устойчивости является физическая культура.

Регулярная физическая активность не только улучшает физическое состояние организма, но и оказывает выраженное влияние на эмоциональную сферу, уровень тревожности, стрессоустойчивость и способности к саморегуляции.

В связи с этим особую актуальность приобретает теоретическое осмысление роли физической культуры в формировании психологической устойчивости студентов.

Роль физической культуры для студента не ограничивается только улучшением настроения. Занятия спортом помогают развивать лидерские качества, уверенность в себе, дисциплину и самодисциплину. Эти качества могут стать незаменимыми в условиях стрессовых ситуаций, помочь студенту справиться с трудностями и достигнуть своих целей в жизни [1].

Психология физического воспитания – это раздел психологической науки, изучающий закономерности и проявления развития человеческой психики в реальном контексте физического воспитания. В физическом воспитании деятельность человека направлена на улучшение его физических и психических свойств. Действия каждого спортсмена полны различных трудностей. Их можно преодолеть только при участии воли.

В отечественной психологии воля понимается как определенный класс психических процессов, действий, объединенных одной функциональной задачей сознательным управлением поведением и поступками человека. Значение воли в жизни и деятельности человека заключается в том, что она позволяет ему контролировать себя. Это особенно актуально, когда вам нужно преодолевать препятствия разного уровня.

Демонстрация необходимых усилий, преодоление препятствий разного уровня – это, прежде всего, преодоление, превозмогание самого себя, то есть, как и в спорте, я могу действовать через «я не могу», через «я этого не вынесу», «я этого не вынесу». Преодоление большого и малого – это суть добровольных усилий, суть воли как высшего регулятора человеческой деятельности, что особенно заметно в спорте. В рамках исследования была проведена небольшая практическая работа среди студентов 109 учебной группы СамГТУ. Целью исследования было выявление влияния спортивной деятельности на уровень психологической устойчивости студентов.

В рамках исследования была проведена небольшая практическая работа среди студентов теплоэнергетического факультета СамГТУ. Целью исследования было выявление влияния спортивной деятельности на уровень психологической устойчивости студентов.

В исследовании приняли участие 65 студентов теплоэнергетического факультета. В ходе опроса было установлено, что часть студентов регулярно занимается спортом (посещает спортивные секции, тренировки или систематически выполняет физические упражнения), среди них процент психологической устойчивости был следующим:

Анализ полученных данных показал, что значительная часть студентов теплоэнергетического факультета (60%) демонстрируют более высокий уровень психологической устойчивости, лучше справляются со стрессовыми ситуациями и учебными нагрузками, а также обладают более развитой самодисциплиной и мотивацией к достижению целей, тогда как 40% студентов имеют средний уровень психологической устойчивости.

Таким образом, можно сделать вывод, что физическая активность так или иначе оказывает положительное влияние на психологическое состояние студентов. Регулярные занятия спортом способствуют формированию стрессоустойчивости, развитию волевых качеств и повышению общей психологической устойчивости личности.

В структуре психологической устойчивости студентов особое место занимает способность к саморегуляции, которая формируется в процессе систематических тренировок. Спортивная деятельность требует планирования, распределения усилий, контроля эмоций и соблюдения режима. Эти элементы постепенно переходят из сферы спорта в повседневную жизнь обучающегося, способствуя формированию организованности и внутренней дисциплины. Таким образом, спорт выступает не только как средство физического развития, но и как школа самоуправления и ответственности.

Важным компонентом влияния спорта на психологическое состояние является формирование навыков целеполагания. В процессе тренировок студент учится ставить краткосрочные и долгосрочные цели, анализировать результаты, корректировать свои действия и преодолевать временные неудачи. Данный опыт способствует развитию устойчивой мотивации достижения, что положительно отражается на учебной деятельности и профессиональном становлении.

Необходимо подчеркнуть, что спортивная деятельность формирует стрессоустойчивость через постепенное привыкание к нагрузкам. Регулярные тренировки создают условия для адаптации организма к физическому и эмоциональному напряжению. В результате студент приобретает опыт конструктивного реагирования на сложные ситуации, что снижает уровень тревожности и способствует сохранению психологического равновесия в период экзаменов и повышенных учебных требований [3].

Кроме того, спортивная среда оказывает значительное влияние на формирование ценностных ориентиров личности. В командных видах спорта развиваются навыки сотрудничества, взаимной поддержки и ответственности за общий результат.

Эти качества имеют особое значение в условиях современной образовательной среды, ориентированной на групповую работу, проектную деятельность и межличностное взаимодействие.

Спорт представляет собой многофункциональное средство формирования психологической устойчивости студентов. Он способствует снижению уровня стресса, развитию волевых качеств, укреплению эмоциональной стабильности, повышению самооценки и формированию навыков саморегуляции. В условиях возрастающих требований к личности обучающегося спортивная деятельность становится важным ресурсом сохранения психического здоровья и обеспечения успешной учебной и профессиональной реализации.

Список литературы:

1. Боровских В.Е., Разумовская И.Н. Влияние физической активности на психическое здоровье и стрессоустойчивость студентов // Педагогика и психология образования. – 2023. – № 4. – С. 85–93.
2. Орлова Н.П., Сидоров А.В. Спорт и физическая культура в профилактике эмоционального выгорания студентов // Вестник физической культуры и спорта. – 2022. – № 2. – С. 58–65.
3. Постольник Ю.А., Бубенцова Ю.А., Кашенков Ю.Б. Изменение эмоционального состояния студентов на основе модернизации процесса физического воспитания в высшем учебном заведении // Евразийский союз ученых. – 2020. – № 2-1(71). – С. 26–29.
4. Скорая С.В. Психоэмоциональные изменения у студентов в процессе занятий физической культурой // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве: сборник статей по результатам IV Международной научно-практической конференции (Симферополь, 13 декабря 2024 года). – Симферополь: ООО «Издательство Типография „Ариал“», 2025. – С. 1208–1214.

Формат 60x90/16. Гарнитура Times New Roman
Бумага офсетная.
Адрес страницы в сети Интернет: www.naupri.ru
Дата выхода в свет: 20.11.2026. Цена свободная.
© Авторы статей, 2026
© Редакция научного журнала «Наука через призму времени», 2026
E-mail: nau-pri@naupri.ru

ISSN 2541-9250